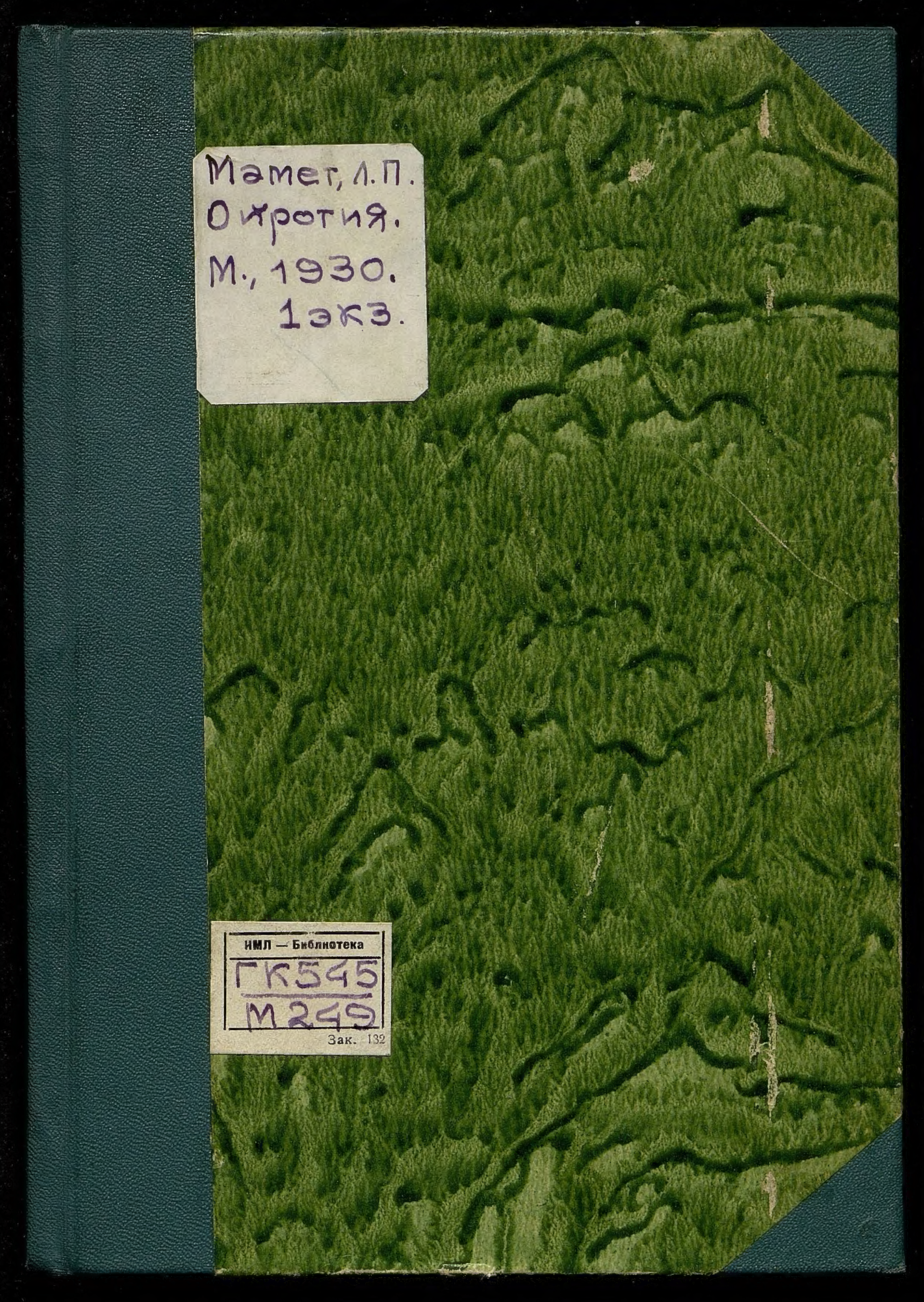
Мамет, Л. П.
Ойротия.
М., 1930.
1 экз.

ТРУДЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ И КОЛОНИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
Выпуск V

Л. П. МАМЕТ

ОЙРОТИЯ

ОЧЕРК НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ГОРНОМ АЛТАЕ

ИЗДАНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ И КОЛОНИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
МОСКВА — 1930

ТРУДЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ И КОЛОНИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
Выпуск V

Л. П. МАМЕТ

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
31	24 сверху	сифилис...	сифилис...“
32	13 „	элемента.	элемента.“
„	14 снизу	друга.	друга“
„	8 „	монастырских храмов	монастырских. Храмов
51	3 „	Текст.	Текст
65	11 „	константирует	констатирует.
86	4 сверху	пользовае	пользование
99	11 „	управлнению	управлению

ИЗДАНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ И КОЛОНИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
МОСКВА—1930

ТРУДЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ И КОЛОНИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
Выпуск V

Л. П. МАМЕТ

ОЙРОТИЯ

ОЧЕРК НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ГОРНОМ АЛТАЕ

ИЗДАНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ И КОЛОНИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
МОСКВА — 1930

Типография Кооператива
„Наука и Просвещение"
Москва, Остоженка,
Савельевский п., д. 13
Мособлит 61594
Тираж 2050
Заказ 1926

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая работа была задумана мною во время поездки весной 1928 года в Ойротскую автономную область, в качестве ответственного руководителя группы летней практики студентов КУТВ.

В первоначальное мое намерение входило дать очерк гражданской войны на Горном Алтае. Но в процессе работы над этой проблемой, выявилась необходимость осветить национальные особенности гражданской войны в крае, что заставило расширить рамки работы, включив в нее национально-освободительное движение среди алтайцев в 1904 1905 г. (бурханизм). Это было тем более необходимо, что то толкование бурханизма, которое встречается в крайне скудной литературе о нем, меня совершенно не удовлетворило.

Помимо материалов, ссылки на которые имеются в тексте, использован полностью архив Ойротского Истпарта. Все документы и материалы, приведенные без указания источника, взяты из этого архива. Так как хранящиеся в нем документы, во время моего пребывания в Улале, не были переписаны, подшиты и систематизированы в дела и валялись на чердаке Обкома в полнейшем беспорядке, я был лишен возможности делать в работе соответствующие ссылки.

Помимо этого, использованы следующие рукописи, хранящиеся в Ойротском Обкоме ВКП(б) и любезно предоставленные в мое распоряжение Ойротскими товарищами: *Б. Шляева*—„Бурханизм, как этап национального движения алтайцев" (рукопись осталась не законченной); *П. Калинина* — „Пять лет партийной работы в Ойротии (1922—1927 г.г.); сборник под редакцией *Л. М. Эдокова*— „Пять лет Ойротии (1922—1927 г.г.) Экономический и культурно-политический очерк" и его же—„Борьба с шаманизмом и бурханизмом. Методическое пособие".

Т.т. *И. С. Алагызов* (Председатель Облисполкома), *Л. А. Папардэ* (Секретарь Обкома ВКП(б), *П. Я. Гордиенко* (б. секретарь Обкома), *Л. М. Эдоков* и ряд других товарищей, советом, указаниями и материалами из личных архивов, значительно помогли мне в моей работе.

Всем этим товарищам и библиографу библиотеки КУТВ, тов. *С. Сигалевич*, помогавшей в подборе литературы по московским библиотекам, приношу свою благодарность.

Иллюстрации №№ 4, 8, 10, 12, 24, 25, 26 предоставлены мне преп. КУТВ, участником нашей группы т. *М. Утевским*, №№ 2, 3, 11, 15, 17, 20—23—т. *И. С. Алагызовым* и студентом КУТВ т. *П. Хабаровым*, №№ 6, 9, 13, 16 алтайской экспедицией Совкино. №№ 1, 5, 7, 14, 18 взяты из работы *В. Сапожникова*: „Пути по русскому Алтаю".

Октябрь 1929 г.

Л. М.

ВВЕДЕНИЕ.

Возникновение и развитие Российской империи кровавыми страницами вписаны в историю не только русского народа, но, пожалуй, еще в большей степени в историю тех многочисленных национальностей, на угнетении и эксплоатации которых выросла империя царей, раскинувшаяся на $^1/_6$ часть земного шара.

Развитие торгового капитала в России сыграло громадную роль в захвате территорий различных народностей, служивших объектом первоначального накопления и подвергавшихся всем классическим методам насилия и грабежа.

Без этой завоевательной политики русский торговый капитал не мог бы справиться с теми противоречиями, которые нарастали внутри страны, без нее помещики не могли бы так безнаказанно эксплоатировать своих крепостных рабов, а промышленники—извлекать свои громадные барыши.

Между тем, в нашей исторической литературе эта сторона так называемой „русской истории“— история колониальной политики царизма от завоеваний Иоанна Грозного до трехсотлетнего грабежа Романовых с того ее конца, который связан с историей завоеванных русским торговым капиталом и им эксплоатируемых народностей—меньше всего разработана.

Поволжье, Север, Урал, Сибирь, а позже—Кавказ и Средняя Азия, башкиры, татары, киргизы, мордва, сибирские „инородцы“ и пр., были для российского торгового капитала, в первую очередь, источником первоначального капиталистического накопления. Купцы и интенданты, чиновники и офицеры—лихо грабили „инородцев-басурман“, наживая на этом целые состояния.

„Воеводы,—бесстрастно описывает царский указ 1695 г.,—для сбора ясачной казны отпускали служилых людей и брали с них себе великие взятки и посулы; лучшие соболи выбирали себе, а худые отдавали в государеву казну; себе в малые годы богатства наживали, а служилым и ясачным людям великие обиды, налоги и грабежи чинили. Прежние воеводы воровали, многие людей пытали и смертию казнили и ясачные сборщики у ясачных людей и у иноземцев жен и детей отнимали силою, и по их иноземному челобитию суда и управы у воевод не было“.

Прямой военный грабеж и насилие комбинировались с подкупом и спаиванием туземного населения. Все эти методы имели одну

конечную цель—превращать в капитал „сокровища, добытые за пределами Европы посредством грабежа, порабощения туземцев, убийств". (*Маркс*).

Помимо прямого колониального грабежа и выкачивания ценностей, царское правительство своей колониальной политикой преследовало еще цель смягчения противоречий между помещиками и крестьянским хозяйством в центральной России. Переселенческая политика служила мощным средством, при помощи которого оттягивалось на национальные окраины крестьянство, задыхавшееся в земельной тесноте, и благодаря этой переселенческой политике смягчались классовые противоречия между помещиком и крестьянством. Но эта политика была связана с самой варварской и хищнической экспроприацией „инородческих" земель, когда целые массы населения сгонялись с насиженных мест, разорялись и обрекались на нищету и вымирание.

Многовековой завоевательной колониальной политике царизма соответствовала и его национальная политика. Несмотря на то, что „инородцы" составляли более половины (57%) всего населения Российской империи, они находились под тяжелым и культурным и экономическим гнетом. Всякое проявление национальной жизни жестоко преследовалось. „Инородцы" находились под двойным гнетом. Даже те жалкие „права", которыми пользовались трудящиеся русской национальности, были недоступны „инородцам". Родной язык всюду запрещался. Русский язык был единственным законным языком государственного аппарата, армии, школы, суда. „Инородец", не знающий этого языка был совершенно беспомощен и беззащитен. Руссификаторская политика тяжелым камнем давила на многонациональное население империи. Сама принадлежность к другим национальностям была уже государственным преступлением.

Угнетение национальностей было одним из китов, на которых держалось царское самодержавие и не даром Ленин говорил о трех „могучих остатках средневековья, страшно задерживающих общественное развитие и рост пролетариата. Эти остатки—абсолютизм (неограниченная самодержавная власть), феодализм (землевладение и привилегия крепостников-помещиков) и подавление национальностей". [1])

История колониальной и национальной политики царизма связана отнюдь не с „мирным врастанием" славянских племен в завоеванные народности. „История России" требует еще своей длительной и упорной разработки для того, чтобы вывести на свет из мрака прошлого те многочисленные восстания угнетенных народностей, которые красной нитью проходят через всю историю экспансии царизма на окраины. Мы до обидного мало знаем об этих массовых народных движениях. К концу XIX и началу XX в.в.,

---

[1]) *В. И. Ленин*—„Новая глава всемирной истории", собр. соч. т. XIX, изд. 1, стр. 17.

особенно под влиянием русской революции 1905 года, волна национально-освободительных движений охватывает не только зарубежный Восток: Китай, Персию, Турцию и т. д., но и отсталые народы, населявшие Российскую империю, т. н. ныне—Советский Восток.

Экономическая и политическая отсталость определяла своеобразные формы этих движений. На отсталом Востоке и сейчас еще политические движения рядятся в религиозные формы.

И национально-освободительное движение на восточных окраинах Российской империи принимало, зачастую, религиозную форму, будучи по существу движением политическим, направленным против самодержавия, против его колониальной политики, против национального гнета. Именно поэтому оно было прогрессивным. „В каждом буржуазном национализме угнетенной нации, — писал Ленин, — есть общедемократическое содержание против угнетения, и это-то содержание мы безусловно поддерживаем“.[1])

„Думать, — пишет Ленин в другом месте, — что мыслима социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии со всеми ее предрассудками, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета, — думать так, значит отрекаться от социальной революции“. [2])

Характерной чертой этих национально-освободительных движений является то, что „буржуазия там еще идет с народом против реакции“ [3]), ибо „буржуазия естественно выступает в начале всякого национального движения гегемоном (руководителем) его“. [4])

И в революции 1905 года, национальное движение получило заметное проявление. Не одинаково как по размаху, так и по глубине было участие различных национальностей в революции 1905 года, однако общей для всех была борьба против угнетения царизма.

Поражение русской революции 1905 года было также поражением национально-освободительного движения на восточных окраинах. Самодержавие, сделав шаг к превращению России из помещичьей в буржуазную монархию, пошло широко навстречу русской буржуазии, нуждавшейся в новых рынках и источниках сырья, нуждавшейся в подавлении „инородческого“ капитализма, нуж-

---

[1]) *В. И. Ленин* — „О праве наций на самоопределение“. Собр. соч. т. XIX, изд. 1, стр. 112. (разрядка автора).

[2]) *В. И. Ленин* — „Итоги дискуссии о самоопределении“. Собр. сочин., т. XIX, 1 изд.. стр. 212 (разрядка автора).

[3]) *В. И. Ленин*—„Отсталая Европа и передовая Азия“. Собр. сочин., т. XIX, 1 изд., стр. 30.

[4]) *В. И. Ленин* —„О праве наций на самоопределение“. Собр. сочин., т. XIX, 1 изд., стр. 110.

давшейся в том, чтобы не дать подняться и оформиться буржуазии отсталых народов. Самодержавие в тесном союзе с русской буржуазией значительно усиливает национальный гнет. На окраинах растут националистические и сепаратистские стремления, но в национально-освободительном движении начинает уже проявляться классовое размежевание. Национальная буржуазия в разной степени у разных национальностей теряет свою роль гегемона, ибо „только революционное движение масс и пролетариата во главе их, только победоносная революция в состоянии внести прочные изменения в жизнь народов, в состоянии серьезно подорвать господство средневековья и полуазиатские формы капитализма“ [1]), ибо „один только пролетариат отстаивает в наши дни истинную свободу наций и единство рабочих всех наций“ [2]).

Мировая война еще больше обострила национальный вопрос, который ко времени февральской революции занял одно из первых мест, требуя своего разрешения. „Ко времени февральской революции,—читаем мы в содокладе т. Сафарова на X съезде партии,—я говорю, главным образом, о тех народностях, которые в составе бывшей Российской империи влачили колониальное и полуколониальное существование, —ко времени февральской революции эти народы не были еще подготовлены, почти никаких признаков классовой организации среди этих угнетенных национальностей, в особенности среди трудящихся масс народов Востока, никаких зародышей классовой организации, самостоятельно обособившейся организации партийной, которая бы связывала туземные национальные массы, не было. Когда произошла революция, которая разбила храмину российского самодержавия, естественно, что первым требованием со стороны туземных масс трудящихся, масс угнетенных национальностей, было требование национального освобождения“ [3]).

Русская буржуазия, ставшая у власти, стремилась к сохранению своего привилегированного положения, стремилась к тому, чтобы сохранить порабощавшиеся царизмом народы в угнетенном положении. Меньшевики и эсэры,—верная опора буржуазии, проводили на деле политику сохранения национального гнета, высказываясь против самоопределения национальностей. Весь период от февраля к октябрю наполнен конфликтами Временного Правительства и соглашательского Совета не только с такими национальностями, как Украина и Финляндия, но и с мелкими народностями.

Единственной партией, открыто поддерживавшей требования угнетенных национальностей, разоблачавшей политику Временного Правительства и соглашателей, выставившей широкую национальную программу права наций на самоопределение вплоть до отделения, были большевики.

---

[1]) *В. И. Ленин*—„Поход на Финляндию“. Собр. соч, т. XIX, 1 изд., стр. 10.
[2]) *В. И. Ленин*—„Рабочий класс и национальный вопрос“. Собр. соч., т. XIX, 1 изд., стр. 28.
[3]) Стеногр. отчет X съезда. ГИЗ, 1921 г., стр. 103.

Только, когда произошла Октябрьская революция, меньшевики и эсэры вдруг стали горячими сторонниками национального самоопределения вплоть до отделения, стремясь отделить национальные окраины от Советской России и создать из них плацдармы для организации контр-революционных сил против пролетарской революции.

Националистическая интеллигенция, возглавившая движение на отсталых окраинах, дальше буржуазно-демократических требований не пошла и подпала под влияние эсэров и российской контр-революции, группировавшейся там. Национальное движение принимает реакционный, контрреволюционный характер, но довольно часто еще ведет за собой народные массы угнетенных национальностей.

Одной из причин, создававших такое положение были ошибки коммунистов, работавших на окраинах и не понимавших роли национального момента в революции. „Положение великорусской национальности — говорил тов. Сталин на X съезде партии — представлявшей господствующую национальность, оставило следы своего влияния даже на коммунистах-русских, не умеющих или не желающих подойти ближе к трудовым массам туземцев, понять их нужды и помочь им вылезти из отсталости и некультурности. Я говорю о тех немногочисленных группах русских коммунистов, которые игнорируя в своей работе особенности быта и культуры на окраинах, иногда уклоняются в сторону русского великодержавного шовинизма“ [1]).

Эти ошибки часто отбрасывали национальные массы в лагерь наших классовых врагов. Эти ошибки, а также „положение нерусских национальностей, переживших национальный гнет, тоже не осталось без влияния на коммунистов-туземцев, не умеющих иногда отличить классовые интересы трудовых масс своего народа, от так называемых „общенародных“ интересов“ [2]).

Все это создавало сложный и тяжелый переплет для пролетарской революции на национальных окраинах, которым „приходится из первобытных форм хозяйства перейти в стадию советского хозяйства, минуя промышленный капитализм“ [3]).

Наша партия вышла с честью из этого положения, наметив и осуществив правильную национальную политику, направленную к тому, чтобы максимально быстро исправить имевшие место ошибки, создать свободную федерацию национальных советских республик, направить их развитие по пути социалистического строительства, минуя капитализм и „помочь трудовым массам не великорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) укрепить и развить у себя советскую государственность в формах, соотвествующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действую-

---

[1]) Там же, стр. 101.
[2]) Из доклада тов. *Сталина*, там же, стр. 101.
[3]) Там же, стр. 101.

щие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей честных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ, как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке.., для ускоренной подготовки туземных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления, и прежде всего, в области просвещения" [1]).

Созданием национальных, союзных и автономных республик и автономных областей, пролетарская революция привела к действительному разрешению национального вопроса.

Решениями X и XII съездов ВКП(б) намечен целый ряд мероприятий, направленных к социалистическому преобразованию национальных районов, к тому, чтобы полностью и окончательно исчерпать решение национального вопроса в его конкретно-практическом осуществлении.

Решения съездов партии приобретают особо актуальный характер в настоящий момент, когда идет наступление социалистического сектора во всех отраслях народного хозяйства и национализм становится ширмой для классового врага, наступающего на социалистическое строительство.

В настоящей работе на примере маленькой, заброшенной в алтайские горы Ойротии, мы сделали попытку конкретного анализа истории угнетенной ранее народности, подтверждающей развитые выше положения.

---

1) Из резолюции X съезда по национальному вопросу.

ГЛАВА I.

Возникновение бурханизма и трагедия в долине Теренг.

Среди алтайцев с давних времен сохранились легенды, рассказывающие о „золотом веке“ на Алтае, когда „алтай-кижи“ [1]) были свободны и благоденствовали под властью своего хана. Алтайские ханы, по преданию, были потомками великого Чингисхана. После распада Чингисханова царства, алтайские племена еще сохранили свою самостоятельность. Последним потомком Чингис-хана, царствовавшим на Алтае, был, будто бы, Ойрот-хан, любимейший герой всех народных сказаний и песен.

Между тем, именно в его царствование особенно плохо стало житься алтайцам. На Алтай со всех сторон наступали враги. Нигде не было видно спасения. Последнее ханство потомков Чингис-хана должно было пасть. Ойрот-хан видел несчастье, надвигавшееся на его народ, и очень страдал от того, что ничем не мог ему помочь. Тогда, боясь позора, он скрылся, но никому неизвестно, где он находится. Он обещал, однако, своему народу вернуться, когда наступит время. Легенда утверждает, что момент возвращения Ойрота и избавления от чужеземного владычества предсказан самим Ойротом: „Когда три снежные сопки, из которых Катунь берет свое начало [2]), упадут, то знайте, что время моего пришествия близко!“

В начале XX века, неугасавшие никогда в массе алтайцев чаяния на возвращение Ойрота, возродились с особой силой и вылились в грандиозное движение. Внешней причиной послужили некоторые явления, которые указывали на то, что предсказания Ойрот-хана, как будто бы близки к осуществлению.

Радостная весть разнеслась по урочищам горного Алтая в 1900 году. Одна из снежных вершин Катунского хребта изменила свою форму. Не есть ли это начало предсказанного преданием избавления? Появился даже человек, выдававший себя за Ойрот-хана. Им оказался странствующий монгольский лама. Но одна снежная вершина Катуни упала, а две остальные даже не

---

[1]) Алтай-кижи — люди Алтая. Так называют себя алтайцы.
[2]) Гора Белуха.

подавали признаков скорого падения. Движение не получило тогда широкого распространения и вскоре заглохло. Этому содействовало и то, что неудачливый Ойрот-хан был вскоре выловлен администрацией и его „пропаганда" была насильственно прекращена [1]).

В 1904 году, по рассказам алтайцев, упала вторая снежная сопка у истоков Катуни, а третья так изменила свои контуры, что была готова к падению со дня на день. Волна подъема прокатилась на этот раз с еще большей силой по алтайским аилам.

Рис. 1. Катунский ледник.

На вершину Белухи, откуда Катунь берет свое начало, была отправлена специальная экспедиция, во главе с „оплотом язычества", по выражению отчета Алтайской духовной миссии, алтайцем Шабураковым. Авторитетная экспедиция подтвердила, что и третья вершина готова к падению и последний час близок... [2]).

Алтай-кижи стали деятельно готовиться к приходу Ойрот-хана и он не замедлил „явиться".

Один из исследователей Алтая — А. В. Анохин — следующим образом описывает появление Ойрота:

[1]) Известны аналогичные попытки „появления" Ойрот-хана в 70-х и 80-х годах.

[2]) См. *Н. Бакай* — „Легендарный Ойрот-хан". (Из истории туземных движений на Алтае). „Сибирские Огни", № 4, 1926 г.

В. И. Верещагин — „Бурханизм или „ак-янг" (белая вера) на Алтае" — „Сибирский рассвет", № 3—4, 1919 г.

Отчет Алтайской духовной миссии" за 1904 год.

„В один из июльских дней 1904 г. [1]), алтаец Чет-Челпан [2]) объявил на Алтае, что накануне к нему явился белый конь, а на коне всадник в белом одеянии. Вскоре за этим всадником появились еще двое. Первый всадник стал говорить Чет-Челпану что-то на непонятном ему языке. Другие два всадника спешились и стали переводить на искаженном алтайском языке Чет-Челпану непонятную речь первого всадника:

— Я был и буду во веки веков,—говорил таинственный всадник.

— Я глава ойротов, что и объявляю вам, ибо время близко...

— Ты, Чет, человек грешный, а дочь твоя безгрешна. Через нее я возвещу всем алтайцам свои заповеди. Заповеди мои следующие:

— Табаку не курить, а если кто не может воздержаться от этой привычки, пусть к табаку подмешивает две части березовой коры.

— Убейте всех кошек и никогда впредь не пускайте их в свои юрты.

— Не рубите сырой лес.

— Не колите в пищу молодого скота.

— Не ешьте крови животных.

— При встрече говорите друг другу: „Пакши“ (хорошо) и ничего нового не спрашивайте, как это делалось у вас раньше.

— Каждое утро и каждый вечер брызгайте вверх и на все четыре стороны молоко.

— Поставьте внутри юрты и у дверей, и в передней части юрты четыре березовых кадильницы и четыре березки.

— Жгите в кадильницах вереск.

— Не угощайте при встрече друг друга табаком, а вместо трубки давайте веточку вереска и говорите при этом: „пакши“.

— Бубны камов (шаманов) сожгите, потому что они не от бога а от Ерлика.

— С христианами (с новокрещенными алтайцами) из одной посуды не ешьте.

— Дружбы с русскими не водите и не зовите их „орус“, а зовите „чичке пут“ (тонконогие).

— Высокая северная белая гора! Долго вы склоняли голову перед ней. Но настало время, когда белая гора нам больше не владыка.

— Когда-то все мы были подданные Ойрота, и теперь будем знать его одного.

— Будем смотреть на русских, как на своих врагов. Скоро придет им конец, земля не стерпит их, расступится, и они все провалятся под землю. Мы же будем смотреть на солнце и луну, как на своих братьев.

[1]) Здесь А. Анохин ошибается. Появление Чета не могло иметь места в июле, т.-к. уже в июне произошел разгром в долине Теренг. Его появление относится к маю.

[2]) Правильнее писать Чет-Челпанов.

— Повесьте на березках ленты пяти разных цветов в знак существующих на земле пяти главных племен и пяти главных религий.

— Главное ваше знамя — белый и желтый цвет. Эти цвета носите на своих шапках.

— У кого есть русские деньги, расходуйте их скорее на покупку пороха, свинца и товара у русских же, а оставшиеся от покупки деньги, принесите все ко мне.

— Не утаивайте от меня ни копейки: утаивший провалится вместе с русскими."

Рис. 2. Чет Челпанов с сыном.

После этого все три всадника скрылись в горах.

О своей таинственной беседе с белыми всадниками Чет-Челпан немедленно объявил своим ближайшим родственникам и знакомым.

Во все концы обширного Алтая были посланы гонцы с приглашением собраться в долину Теренг, к горе Кырлык, для общего поклонения Белому Бурхану (Ак Бурхан). Через восемь дней съехалось народу числом около четырех тысяч. Приехавшие привезли с собой порох, свинец и разные товары.

Около горы, на высоком месте поставили березы, украсив их лентами пяти цветов. Построили жертвенники для курения вереска. Три дня молились и ждали появления Белого Бурхана.

Четырнадцатилетняя дочь Чет-Челпана (приемная дочь Челпана, в настоящее время покойная, исполняла в свое время религиозные обряды у бурханистов. Она священное лицо — „ярлыкчи“) каждый день удалялась на вершину горы для беседы с Белым Бурханом. По возвращении с горы, обычно вечером, передавала народу учение новой религии и предсказывала об имеющих совершиться чудесах.

По истечении трех дней к народу неожиданно явился один из младших бурханов в сопровождении молодой красивой девицы. Подъехав к толпе собравшихся зайсанов (родовых старшин) он громко приветствовал последних троекратным „иакши“ Затем Бурхан во всеуслышание стал проповедывать, говоря:

„Кто верует, гляди на солнце и луну. Почитайте Ойрота! Он был, есть и будет, он бессмертен. Ойрот скоро придет к вам, если будете в него веровать и исполнять то, что я вам сейчас скажу.

Прежде всего выберите из своей среды князя, пусть он возьмет себе с вас клятву в беспрекословном послушании... Деньги и порох отдайте мне для уничтожения. Среди вас в обращении будут другие деньги. Если сомневаетесь в справедливости моих слов, то эта девица покажет вам настоящие деньги“.

По данному Бурханом знаку, девица трижды ударила плетью о камень и достала из-под камня горсть серебряных монет с изображением на них дракона.

„Вот вам деньги“,—торжественно заявил Бурхан.

Присутствующие низко поклонились, но некоторые из новокрещенных от этого уклонились и сказали, что русские актеры могут делать более поразительные вещи. За такое замечание, как за грубую дерзость, новокрещенных привязали к деревьям и жестоко пороли плетьми до тех пор, пока истязуемые не отказались от своей веры и не приняли, в знак своего отречения, благословения от Бурхана.

После этого всенародно был выбран князем богатый калмык Кыйтык Елбуд-ин. На другой день все присутствующие видели знамение или чудо от главного Бурхана, скрывавшегося на вершине горы. На вершине горы раздался оглушительный взрыв, земля дрогнула, и все увидели густой столб, поднимающегося кверху дыма“[1]).

В ближайшие села Чуйского тракта—Онгудай, Туекту и Хабаровку, в течение целой недели в середине мая начался небывалый наплыв алтайцев, которые заполнили все лавочки и стали расточительно тратить деньги, закупая всякие товары. Больше

1) *А. В. Анохин*—„Бурханизм в Западном Алтае“—„Сибирские огни“, № 5 за 1927 г.

всего покупались порох, кирпичный чай, материи, шелка и нитки желтого и синего цвета. Алтайцы не торговались и без счета швыряли деньги по лавкам. Богачи даром раздавали деньги бедным, чтобы и они могли сделать покупки. Так, по сведениям Верещагина, алтаец Аднай роздал 6.000 рублей, а Буйдыш— 1.600 рублей.

Редкие очевидцы из русских, которые в это время попадали в алтайские кочевья, рассказывали о больших изменениях, которые происходили в быту алтайцев и во внешнем виде их аилов. „Тайлга"—шкуры жертвенных лошадей, натянутые на наклонные колья—исчезли. Сожжены „курмежеки"—шаманские идолы. По долинам Алтая заглох гул шаманских бубнов, камлания прекратились, а шаманы стали подвергаться жестоким преследованиям. Из аилов исчезло все, что напоминало о русском — одежда, домашняя утварь и т. д. Возле аилов, на березках, развивались ленточки желтого и синего цвета, вместо прежнего красного и белого. Алтайцы одели желтые воротники и белые шапки с синими кистями. Они стали скрытно и недоверчиво относиться к русским и к крещенным алтайцам.

В воскресенье 23 мая, алтайцы исчезли из сел и прекратили покупки. Села, до того необычайно оживленные, мгновенно опустели.

Алтайцы собирались в долине Теренг, слушали проповеди Чет-Челпанова, производили моления и ожидали прихода Ойрот-хана. По различным, значительно расходящимся друг с другом данным, количество собравшихся алтайцев было от 3 до 30 тысяч.

Тревожное настроение прокатилось по русскому населению. По всем окрестным селам раздался церковный набат. Крестьяне вооружались и по ночам стерегли свои селения. В Онгудае женщины и дети ночевали в таможенной ограде под охраной таможенных стражников. Из некоторых селений крестьяне бежали. Из Абая крестьяне полностью переселились в Черный Ануй, за 90 клм. В Сентелеке имущество было нагружено на воза и крестьяне в любую минуту были готовы тронуться в путь.

Тревога передалась и по начальству. 26-го мая Бийский уездный исправник Тукмачев телеграфировал Томскому губернатору Старынкевичу. „По донесению местных должностных лиц и полученным письмам частных лиц, в кочевьях на Алтае, вблизи селения Кана, появилось неизвестное лицо, собирает в большом числе калмыков и что-то проповедует. На место выехали миссионер и становой пристав с нижними полицейским чинами. Ожидаю подробного донесения"[1]).

В тот же день губернатор телеграфно же запросил исправника: „Немедленно срочно шифрованно донесите подробности со-

[1]) Эта и следующие телеграммы из материалов Томского Архбюро, дело № 44—1904 г. Цитирую по работе Н. Бакая. Фигурирующие здесь и дальше „калмыки"—алтайцы, которых русские так неправильно называли.

общенного. Примите меры наблюдения и охраны путей, случае надобности обратиться за помощью войск, снеситесь с Барнаулом, руководствуясь соответствующими статьями“.

В течение трех дней, одна за другой в Томск были отправлены следующие телеграммы:

26-го мая — „Пристав 5 стана Бучинский лично выезжал на место и застал до 400 калмыков, совершающих богомоление. Удостоверился, что никакого неизвестного или постороннего лица среди калмыков нет. Сбор калмыков происходит на религиозной почве вообразивших, что пастух-калмык Чета Челпанов, жена его и дочь получили от бога-солнца указание совершать богомоление в логу Дерем (Теренг), где и происходили сборища“.

27-го мая — „Необыкновенное сборище калмыков возбудило толки и волнение среди русского населения Алтая. Опасаются нападения калмыков на русских. Калмыки враждебно настроены. Не имея возможности выехать на место, в виду предстоящего призыва ратников, командировал помощника своего для срочного выяснения положения и принятия мер водворения спокойствия. Крестьянский начальник 3-го участка должен выехать совместно“.

28-го мая — „Управляющий Онгудайской таможней, Белоануйский сельский староста и пристав Бучинский доносят о страшно враждебном отношении русских и калмыков, вследствие чего из Бийска потребовали от барнаульского воинского начальника присылки ста человек солдат“.

Событиями серьезно заинтересовались и встревожились не только в Бийске и в Томске. 28-го мая генерал-губернатор Зап. Сибири срочно телеграфировал из Омска: „Случае надобности необходимо принять решительные меры восстановления порядка, не стесняясь мерами силы“.

Однако, „восстановить порядок“ военной силой оказалось невозможным. Этих сил в распоряжении местной администрации не оказалось. Воинские части Сибири были отправлены на Дальний Восток в связи с происходившей русско-японской войной. Барнаульский воинский начальник сообщал, что „по недостатку людей в барнаульском батальоне, требуемые сто человек могут быть командированы только из томского запасного баталиона, но при условии, что будет сообщена цель призыва“.

Приходилось ограничиваться своими средствами. Была сделана попытка „пастырского внушения“.

„13-го июня,—сообщает миссия в своем отчете,—преосвященный начальник миссии для увещевания неразумных послал благочинного миссионерских церквей и Усть-Канского миссионера... На место сборища их не допустили, а выслали депутацию — в числе 11 человек. Увещание ни к чему не привело. Разойтись калмыки отказались“ [1]).

[1]) Отчет Алтайской духовной миссии за 1904 г.

На место выехал сам Бийский уездный исправник Тукмачев. О „действиях“ его и созданной им на месте „армии“ передаем красочное описание очевидца Усть-Канского миссионера Луки Кумандина, из его „донесения“ епископу Бийскому Макарию[1]):

Рис. 3. Еп. Макарий.

„18-го июня[2]) разнесся слух, что Томский губернатор приказал кому следует собрать как можно больше вооруженных людей и силою разогнать калмыков, которые уже более месяца как собрались в долине „Теренг“, в 20 верстах от села Усть-Кан и там что-то делают. В этот же день епископ бийский Макарий и уездный исправник Тукмачев прибыли из Онгудая в с. Усть-Кан. 19 июня с утра наблюдалось в с. Усть-Кане необыкновенное движение. Группы вооруженных всадников русских, новокрещенных калмыков и некрещенных, прибывали отовсюду в с. Кан. К вечеру их уже насчитывалось более 600 чел. и с. Кан приняло вид военного лагеря. Там и сям ярко потрескивали костры, вокруг которых мелькали фигуры оживленно беседовавших вооруженных людей. К вечеру 20-го июня съехавшихся насчитывалось более 1.000 человек. В 5 часов вечера раздался звон колокола, сзывающий ратников к молебну перед походом против калмыков-язычников. Церковная площадь наполнилась тысячами вооруженных людей. При пении тропаря св. Николая крестный ход последовал из храма на площадь и духовенство шествовало во главе со своим архипастырем начальником миссии. На площади на приготовленном месте был отслужен водосвятный молебен, все молящиеся приложились к св. кресту и окропились святой водой. Перед молебном епископ бийский Макарий, сказал напутственное слово собравшимся. Сказанное слово владыки было проникнуто любовью к ближним, особенно к тем детям природы, которые сами не зная, что делают, следовали по стопам своих руководителей, действующих по наущению князя тьмы—дьявола. Владыка молил собравшихся не делать никаких насилий против младенствующих сынов Алтая—калмыков; молил сожалеть о них, как о своих заблудших меньших братьях, впавших в обман нечестивых. Благословляя

---

[1]) „Донесение“ отпечатано в „Сыне отечества“ за № 25 от 19-го марта 1905 г.

[2]) По другим сведениям 21-го июня.

собрашихся, владыка призвал их иметь в сердце своем христианские добродетели: смирение, терпение, любовь и кротость. Слово его нашло отклик в сердцах многих, о чем свидетельствуют происшедшие события. По окончании молебна исправник Тукмачев произвел смотр своей рати, которую за-утра он должен был вести на битву с калмыками.

„Вся армия была разделена на три части. Первый отряд в 400 человек, вооруженных винтовками, был вверен приставу 2 стана г. Андронникову. Второй отряд в 500 человек находился под начальством пристава 5 стана—Бучинского. Третий отряд в 300 человек, под предводительством урядников находился уже в 25 верстах от села Кана в тылу калмыков, дабы отрезать им путь к бегству. Появился отряд в 150 человек исключительно из окрещенных калмыков, не принимавших участия в действиях главаря Чета и движении калмыков. На их шапках развивались красные ленты, знак отличия их от последователей Чета и движения калмыков. Общее начальство над всем отрядом принял на себя исправник Тукмачев.

„Сидя верхом на лошади он объезжал ряды. При вечерней тишине голос его раздавался на площади. Он давал советы, приказания, распоряжения и увещания; ослушникам своих приказаний и распоряжений обещал угрозой и наказанием. Сделав надлежащее распоряжение, окончив смотр войскам, исправник приказал всем разойтись по станам, предупредив, дабы они собрались по первому же звону колокола. Площадь опустела. Ночной мрак спустился на землю и окутал равнину. Кое-где мелькали огоньки в домах; вдали, за селом пламя разложенных костров взвивалось кверху, и дым, расстилаясь по земле, заволакивал непроницаемой пеленой окружающих.

„Затем все смолкло и огоньки потухли, и наступила таинственная тишина. В 2 часа пополуночи с колокольни раздался первый удар колокола. Звук его грозно разнесся в ночной тишине, могучим эхом отозвался в ближайших горах и затих где-то вдали, Удары последовали за ударами. На площади показался всадник в белом кителе. Это исправник Тукмачев. Вооруженные всадники носились, как тени. Еще момент—и площадь загудела от топота лошадиных копыт и тысячи голосов собравшихся ратников. В полумраке грозно выстроились ряды; исправник сделав надлежащие распоряжения, окруженный отрядом всадников числом до 60 человек, двинулся в долину Теренг. На полверсте за исправником, подымая пыль показался отряд Андронникова. Далее быстро двигался всей массой отряд Бучинского. В 10 верстах от Кана, сопровождавшими исправника были замечены два всадника на противоположной, реки Чарыша, стороне. Всадники, вероятно, калмыки, посланные Четом на разведку, завидя отряды русских, во весь опор понеслись обратно. Тотчас исправником было дано приказание перерезать путь беглецам. Пять человек из конвойных исправника бросились в погоню за убежавшими калмыками. Кал-

мыки, видя, что им не спастись от погони, свернули в сторону и убежали в горы. Отряды русских приблизились к месту молений калмыков. С противоположной стороны, с горы, к калмыкам спускается множество всадников. Это—Уймонцы, находившиеся в их тылу, и калмыки внезапно окружены со всех сторон. Большая кошемная юрта Чета была охраняема калмыками, которые тесным кольцом охватив ее, изображали собой неприступную крепость. Исправник подъехал к юрте, приказал толпе выдать Чета. Калмыки ни слова. Они стояли, как безгласные статуи, изображая живую стену, охраняющую великого Чета и святое место, где стояла юрта. Требование выдать Чета последовало несколько раз. Калмыки стояли невозмутимыми, они смотрели на окружающих равнодушно, относились к приказанию исправника холодно. Они казались людьми, совершенно независимыми от начальства, неприкосновенными членами нового их самостоятельного общества, где господствуют свои права, законы и порядки. При таком отношении калмыков к правительству и начальствующим лицам, чтобы добиться своих требований, необходимо было прибегнуть к силе.

„И вот, последовало приказание разрушить юрту Чета. Несколько человек из русских кинулись и начали разрушать ее. Невозмутимые калмыки заговорили и заволновались. В это время из разрушаемой юрты послышался выстрел, послуживший поводом к невообразимой канонаде. Кто стрелял в юрте—неизвестно. Страшная канонада продолжалась несколько минут; в воздухе визжали пули, свистели дубинки, тяжело падая на спину калмыков. Свалка продолжалась недолго и не приняла грандиозных размеров, благодаря г. исправнику и полиции, которая энергичными мерами остановила побоище. В происшедшей свалке оказались: убитым один калмык, личность которого невыяснена, легко и тяжело раненых около пятидесяти человек калмыков. Со стороны русских один тяжело ранен пулей в левую руку на вылет. После побоища удалось арестовать главаря движения Чета с семейством и его сторонников около 30 человек. Арест главных руководителей движения поверг калмыков в уныние. На вопрос исправника: „признают ли они русского государя, как своего законного царя“, калмыки поднимая руки кверху всей массой громко заявили, что они признают русского царя, как своего верховного вождя. На вопрос: „будут ли они подчиняться законам империи, слушаться приказания начальства“, калмыки дружно заявили, что будут подчиняться и исполнять. Они говорили: „Ак каанынбис, албаты, иони нис“, т.-е.—„Белый царь наш, мы же его народ“. Арестованные были связаны и под усиленным конвоем отправлены в Усть-Кан. Оставшимся же калмыкам исправник дал прекрасное нравоучение и советы, а затем приказал с миром разойтись по своим юртам и заняться хозяйством. За нравоучением г. исправника последовали мои советы. Я раскрыл истинные их заблуждения. Объяснил им, что Чет не кто иной, как обманщик и разоритель калмыков.

Проповедуя новую веру и новые порядки, он вел их к гибели временной и вечной; временной потому, что устроив по своему произволу новые порядки, он нарушил государственные законы и тем навлекал на калмыков наказание; к вечной—потому, что никто не может спастись, если он не будет исповедывать Христа и не окрестится во имя его. Сам спаситель мира Иисус Христос сказал: „аще кто не родится водою и духом, не может войти в царствие божие“ (Иоан, 3,5). Чет же проповедывал не Христа, а какого-то языческого Бурхана, который не существует. В заключение беседы я объяснил калмыкам, что они теперь остались без веры и бога: от старых своих богов—Ульгеня и Ерлика они отреклись, сожгли идольчиков, упразднили должность камов; нового бога—Бурхана не нашли, проповедник его Чет арестован и будет сидеть в тюрьме, остался один истинный бог, сотворивший небо и землю и все, что мы видим. Следует теперь калмыкам уверовать в истинного бога Христа и принять святое крещение во оставление грехов“.

Лирическое послание миссионера, будучи интересным человеческим документом и в основном верно передающим внешнюю канву трагедии, разыгравшейся в долине Теренг, страдает, однако, тем недостатком, что жуткая картина разгрома и грабежа описана так, что Тукмачевская „армия“ выглядит чуть ли не ангелоподобной.

Трудно привести точные сведения о количестве жертв этой победы христолюбивого воинства. Дело не ограничилось, конечно, одним убитым алтайцем. Верещагин, писавший свой очерк на основании „отчетов алтайских миссионеров, газетных статей и собственных заметок“, сообщает, что „многие лежали без чувств на земле“. И. С. Алагызов, председатель Ойротского областного исполкома, в беседе с нами указал, что число убитых было не менее десяти.

Но сама расправа началась уже после ареста Чета-Челпанова и его близких.

После ареста начался дикий грабеж имущества алтайцев и в первую очередь лошадей. Администрация смотрела на этот грабеж сквозь пальцы, т.-к. крестьяне—„ополченцы“ объясняли захват алтайских лошадей тем, что их собственные „притомились“.

Через несколько дней после ареста Чет-Челпанова к мировому судье Шмейлю в с. Черном Ануе, поступило от алтайцев 45 заявлений об ограблении их во время разгрома на сумму около 10.000 рублей. Во время следствия было выяснено, что группа в 20 крестьян, возвращаясь с побоища в долине Теренг, в нескольких километрах от Баргаста напали на 13 аилов, стреляли из ружей и револьверов, прогнали алтайцев в горы, разнесли юрты и забрали имущества на 4.262 р. и 2.400 р. деньгами. Во время обысков у многих крестьян найдены были алтайские седла, шубы, парча, ситцы и т. д.

У двух крестьян — Феофилова и Кожевникова было найдено 1.065 р. золотыми монетами, награбленными у алтайцев. Десять других крестьян совершили налет на 17 аилов в районе Абая в 40 километрах от долины Теренг и забрали имущества на 2.500 р. и т. д.

Собравший эти сведения П. Бакай добавляет: „Интересен тот факт, что никто из привлеченных в качестве обвиняемых в разорении юрт калмыков и расхищении их имущества не признал своей виновности, хотя многие и не отрицают факта присвоения себе калмыцких вещей, объясняя при этом, что „поход“ в лог Дерем они считают войною и не сомневаются в своем праве захватывать имущество калмыков, как военную добычу“.

Рис. 4. Бурханистский угол.

Чет-Челпанов и другие алтайцы, вместе с ним арестованные, просидели в бийской тюрьме около 2-х лет. Процесс вызвал большой общественный интерес. В качестве защитников выступили видные столичные адвокаты, а экспертом был Д. А. Клеменц. Чет судился в Бийске выездной сессией Томского окружного суда 26—31 мая 1906 г. и был оправдан.

Он вернулся на Алтай в период общей реакции, наступившей после поражения революции 1905 г. Уж не было среди алтайцев того мощного подъема, который имел место в середине 1904 г. Чет и его дочь Чогул до самой смерти продолжали быть „ярлыкчи“—проповедниками бурханизма.

Трагедия в долине Теренг не привела к ликвидации бурханизма, как предполагал миссионер Лука Кумандин. Движение раз-

рослось в последующие годы и пользовалось большим влиянием среди алтайцев.

„И после кровавой расправы с алтайцами-бурханистами в 1904 году в логу Теренг, — писал Верещагин в своем очерке о бурханизме, — движение не замерло. Проповедники бурханизма „ярлык-чи“ в белых, конусообразных шапках, с кистями на тулье, продолжают посещать горы и долины Алтая, проникая всюду, где дымятся аилы алтайцев. В 1908 году, по моим сведениям, кроме ярлык-чи, в качестве проповедниц бурханизма разъезжали по Алтаю девушки лет 12—13, под руководством отца или другого пожилого родственника. „Наше учение чистое, святое, наша вера — белая вера („ак-янг“), — говорят бурханисты: „поэтому и проповедуют его невинные девушки“. Эти разъезды проповедниц приурочены к тому времени, „когда скот отгуляется“ (на Кучурле к 9 июня). С приездом проповедницы устраиваются моления: воздвигается жертвенник, брызгают молоком, возжигают вереск, кланяются Бурхану, призывают Ойрот-хана. Вечером молодежь веселится, устраиваются игры, рассказываются сказки, бренчат „тапшюры“, распеваются песни“.

ГЛАВА II.

Колонизация Алтая. Деятельность Алтайской духовной миссии.

Было бы, конечно, неправильно видеть причину бурханистского движения в таком, по существу, случайном явлении, как изменения в форме снежных вершин на Белухе.

Только наличие глубоких, социально-экономических причин, могло сообщить движению ту горячую страстность, которую проявили алтайские массы в этом движении; сделать само это движение делом широких масс, которые не отказались от него, несмотря на все преследования и притеснения царского правительства и пастырей из духовной миссии.

В числе важнейших предпосылок бурханизма, находится, вне сомнения, колонизационная политика царизма, деятельность Алтайской духовной миссии и их результат — земельные притеснения алтайцев.

Посмотрим вкратце, какими путями шла колонизация Алтая и к каким результатам она привела. В колонизации Алтая мы наблюдаем те же этапы, которые характерны вообще для колонизаторской политики.

Первые русские заселенцы Алтая были беглые крестьяне и беглые рабочие с горно-заводских предприятий, а также раскольники, бежавшие от религиозных притеснений. Это были пионеры, достаточно предприимчивые, с огромной энергией, которые не страшились трудностей и шли на Алтай, чтобы найти там пристанище и обогатиться. Это первый этап.

Как обычно бывает в классических примерах, вслед за этими пионерами появились и миссионеры с крестами, узаконяя колонизацию лучших алтайских земель. Только вслед за этим на Алтай потянулась массовая колонизация.

Картина заселения Алтая, судя по всем имеющимся источникам, была такова: в долины рек, где кочуют алтайцы, приходили одиночки поселенцы, приходили в качестве друзей и никаких особых столкновений с туземцами у них не было. Они заключали с алтайцами добровольные соглашения на определенный срок на право поставить заимки, развести пасеки и т. д. Таким образом,

первое появление поселенца являлось как бы добровольным и не сопровождались никакими столкновениями с коренным населением. Но в дальнейшем он начинал понемногу притеснять алтайца, расширять свою полосу, захватывать покосы, и понемногу вытеснять алтайцев из плодородных долин в горы. Затем, без разрешения коренных жителей данной долины, он пускал к себе других поселенцев, селение понемногу разросталось и т. д.

Интересная картина этой политики заселения алтайских земель приведена в работе Голубева: „В Бийском округе, в так наз. калмыцких стойбищах, образовался Куликовский поселок, основателем которого был богатый крестьянин Куликов, в числе 4-х душ мужских, из которых была лишь одна ревизская. Куликов платил оброка лишь 6 руб., а мог пользоваться огромным пространством отведенной для поселка земли, на которую переселенцы могли селиться теперь лишь с его согласия. Согласие это он, по примеру других соседних селений, дает тем, кто заплатит ему по 75 руб. с души. Таким образом, Куликов, как единственный хозяин заселка, представляющего общину, получает значительные деньги за право заселения не принадлежащих ему земель“. [1])

Для того, чтобы наиболее ярко показать, как происходило заселение, мы остановимся на истории заселения двух долин: Уймонской и Бухтарминской, т.-к. эта история особенно показательна.

Один из исследователей дает такую картину заселения долины Бухтармы: „Впервые русские пришельцы появились в горах южного Алтая в половине XVIII столетия. Контингент первых засельников Алтая очень разнообразный. Пионеры Алтая представляют из себя очень интересный этнографически конгломерат. Сюда убегали староверы, надеясь здесь найти полный простор для проявления своих религиозных настроений. Долина таинственной Бухтармы являлась для них той „пустыней“, где они надеялись обрести спасение. Горы Алтая скрывали их от взора господствовавшего в мире антихриста. Фантастическое „Беловодье“ рисовало им картину полного благополучия того „земного рая“, „где господь бог щедрой рукой рассыпал всякого добра на поживу человека“. Заводские крестьяне и приписные к рудникам рабочие, бежали вглубь Алтая под влиянием тяжелых условий заводской жизни. Многие преступники, присужденные к тяжелым наказаниям, долгосрочные обитатели тюрем—также искали убежища на Алтае. Перспектива голодного существования и исполненного всяких опасностей скитания в алтайских дебрях, казалась им все же лучшим исходом, нежели каторжная жизнь с ее ужасами. Оседая в горах, за камнями, они основали целый ряд поселений, являясь, таким образом, первыми колонизаторами Алтая. Весь этот сброд, вся эта вольница проло-

---

[1]) *„Алтай“* — Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского Горного Округа. Издание В. А. Г-ва, под редакцией П. А. Голубева. Томск, 1890 г. стр. 33.

жила дорогу для правительственной колонизации, которая шла по следам вольной. Засевшие в ущельях Алтая колонизаторы своим постепенным движением в глубину Алтая, все дальше и дальше отодвигали на юг туземное население". [1])

Такую же картину заселения долины реки Уймона дает Голубев. [2])

Наконец, в „Томских губернских ведомостях", некто Михайлович, на свидетельстве которого мы останавливаемся потому, что он ярко показал идеологию колонизаторов, дает такое описание:

„Проникши в далекую Алтайскую глушь, они (уймонцы. Л. М.), скоро приспособились к местным условиям, обучились алтайскому языку, затеяли торговые отношения с окружающими инородцами, постарались поставить последних в экономическую зависимость. К сожалению, всюду русский человек являлся эксплоататаром инородца, что ничуть не противоречило его этическим требованиям". [3])

Картина заселения первыми колонизаторами Бухтарминской и Уймонской долин, которую мы сейчас видели, существовала и во всех остальных районах Алтая.

Как относились колонизаторы к алтайцам? В этом отношении очень интересен целый ряд легенд, относительно русских, которые распространены среди алтайцев. Одну из таких легенд, записанную Ядринцевым, мы здесь приводим, потому что она очень ярко показывает, как относились русские к алтайцам и как относились алтайцы к русским. Легенда эта гласит следующее:

„Русский, зашедший в леса к инородцам, [4]) занес медную удочку и начал удить рыбу. Инородец попросил позволения попробовать это занятие. Русский согласился. К несчастию, удочка зацепилась в воде за сук и оборвалась. Тогда русский выразил полное отчаяние. Он сообщил, что удочка дана ему священником и дороже для него всего на свете. Он выразил непритворное горе, не пьет, не ест и лежит на берегу. Инородец, испуганный, принес ему белку, но русский не утешился. Тогда он принес ему лисицу— но и это не окупило неудачи. Наконец, он принес ему соболя. Русский отер слезы и отправился домой, горько жалуясь на свое несчастье. Несмотря на уплату, инородец остался в долгу и долго еще русский человек ездил в чернь, собирать долги за эту драгоценную удочку". [5])

Эта легенда достаточно ярко показывает, как относились русские к алтайцам и наоборот.

[1]) *Священник Б. Герасимов.* В долине Бухтармы (Историко-этнографический очерк). Записки Семипалатинского подъотдела Зап.-Сиб. Отдела И. Р. Г. О. Вып. V. Семипалатинск, 1911 г., стр. 5.

[2]) Цит. соч., стр. 327, сл.

[3]) *Ал. Михайлович.* Русская колонизация горного Округа Алтая. „Томские губернские ведомости", 1896 г. Отд. оттиск., стр. 20.

[4]) Под „инородцем" здесь фигурирует алтаец. Этот великодержавный термин в настоящее время, к счастью, потерял у нас всякий смысл.

[5]) *Ядринцев*—Об алтайцах и черневых татарах. Изв. И. Р. Г. О. за 1881 г.—цит. по Верещагину.

В погоне за легкой наживой русские насельники прибегали к всевозможным способам грабежа полудиких кочевников Алтая. Грошевые пуговицы, стеклянные бусы и прочие малоценные товары за большие цены продавались алтайцам, взамен на пушнину, сырье, скот, которые приобретались за бесценок. Алтайцев спаивали водкой, предъявляли к ним иски за товары, которые они никогда не получали и т. п.

Вот первый этап колонизации не массовой, а колонизации предприимчивых людей, которые прокладывали первый путь к завоеванию Алтая.

Вслед за этими первыми колонизаторами появляется духовная миссия. О возникновении ее имеется целый ряд данных, но больше всего можно доверять тем, которые имеются в „Хронике Алтая" Голубева, где записано следующее:

„1828 г. На Алтай командирован первый миссионер, архимандрит Макарий, явившийся сюда в 1830 г.,...главный стан миссии селение Улала". [1])

Таким образом, годом основания миссии можно считать 1828 г. Каковы были задачи миссии? По уставу задачей духовной миссии было проводить посвящение инородцев в истинную веру и т. п., но в действительности задачи ее были совершенно иные. Мы сошлемся на два свидетельства. В „Томских Епархиальных Ведомостях" на 1910 г. имеется доклад томского губарнатора на высочайшее имя о положении в губернии. О роли и задачах духовной миссии он пишет следующее:

„Миссия - форпост не только православия, но и русской гражданственности, русского народа на окраине государства". [2])

Еще более отчетливо мысль о том, чем является миссия, высказывает она сама в одном из своих отчетов:

„Усмотрев удобное для заселения место вблизи стойбищ инородческих, миссия строила тут молитвенный дом для помещения походной церкви, или простую избу для миссионера с отделением тут же комнаты для походной церкви. Первыми насельниками сюда являлись крестившиеся из ближайших стойбищ туземцы. Год от году переселенцы прибавлялись, а жители стойбищ языческих убывали, частью переехавши на жительство в новое миссионерское селение, частью скочевав на новые места. Церковь для одних служила знаменем объединения и спасения, для других—оружием устрашающим и отгоняющим". [3])

Если в определенную долину приходил миссионер и ставил крест, то алтайцам было запрещено кочевать в радиусе пяти верст вокруг этого креста.

Вот один из многочисленных примеров этого рода деятельности миссии: „При возникновении миссионерского стана на Майме,

[1]) Цит. работа, стр. 15.
[2]) *„Томские Епархиальные ведомости"*, № 10 за 1910 год.
[3]) Отчет Алтайской духовной миссии за 1885 г.

калмыки откочевали отсюда в верховья Чепоша, Манжерока и др. места, так как миссионеры запрещали селиться некрещенным ближе пяти верст к миссионерским станам или селениям новокрещенных". [1])

Миссия была „оружием устрашающим и отгоняющим". Вот задачи миссии; и эти задачи она довольно основательно выполняла.

Рис. 5. Чулышман.

Она была форпостом русского самодержавия, проводником русского влияния и оружием устрашающим и отгоняющим. Деятельность миссии выражалась, в первую очередь, в строительстве монастырей и миссионерских станов. Для того, чтобы был яснее вопрос о том, как происходило это „духовное" строительство, остановимся на истории Чулышманского монастыря, который возник в 1860 году, и инициатором постройки которого был барнаульский купец Мальков. Так как весь Алтай принадлежал кабинету его величества, то Мальков обратился на высочайшее имя, с просьбой о разрешении построить монастырь в Чулышманской долине. В этом заявлении он писал следующее: „Просимый для мужского монастыря участок земли в 3.000 десятин для горно-заводского производства не нужен и от уступки его для учреждения обители, никакого стеснения окрестным жителям не последует".

[1]) *Верещагин.* Поездка по Алтаю летом 1908 г. (Пут. заметки). Алтайский сборник. Изд. Зап. Сиб. Отдела ИРГО, т. X 1910 г. стр. 3.

Конечно, разрешение было дано и на сбор денег, и на строительство монастыря.

Верещагин в своих путевых очерках дает интересное дополнение к картине постройки монастыря. „Чулышманский Благовещенский монастырь устроен купцом Мальковым. Мальков пожелал загладить свои грехи богоугодным делом—деятельностью на пользу распространения христианства среди язычников. Он отправился в Петербург и с помощью некоторых влиятельных лиц получил от Синода книжку для сбора пожертвований. Собранные деньги он присвоил, а вместо монастыря была устроена одна только церковь. В 1864 г. была произведена нарезка земли монастырю“. [1])

Верно ли, что от уступки земель Чулышманской долины для монастыря „никакого стеснения окрестным жителям не последует“? Начальник Алтайского округа в своем донесении сообщает, что „вся долина Чулышмана до устройства монастыря,—по свидетельству Бунге, участника путешествия Ледебура по Алтаю в 1826 г., Гельмерсена, путешествовавшего по Алтаю в 1834 г. и Радлова—в 1861 г.,—была занята кочевьями алтайцев“. [2])

Мало того, сама духовная миссия, которая, получив дар от купца Малькова и приступив к организации монастыря, предложила „калмыкам“ срочно очистить долину от стойбищ, сообщает следующее:

„На земле, испрошенной для монастыря в качестве пустопорожней... живут с незапамятных времен, и отчасти обрабатывают оную, инородцы, называемые двоеданцами. Почти современно с тем, как правительство русское изъявило согласие принять их в свое подданство, с целью облегчить положение их от китайской дачи, вся земля, столь для них дорогая, оказалась отданною монастырю, и, таким образом, люди, из-за земли оставившие одно и принявшие другое подданство, остались в самом начале нового подданства безземельными, потому что кроме отведенных монастырю 3.000 десятин, другой, удобной даже для неприхотливого кочевого жителя, земли на всей Чулышманской долине и в окрестностях ее на значительное пространство вовсе не оказывается“. [3])

Таким образом, купец Мальков пишет прошение на высочайшее имя о том, что земля никому не нужна и он просит ее отдать под монастырь. Владимир, бийский епископ, это подтверждает; 29 июня 1864 г. высочайшим соизволением земля монастырю отводится; миссия предлагает „калмыкам срочно очистить долину от стойбищ“ и в то же время сама миссия в своем отчете сообщает, каково действительное положение. Выход был один: алтайцы должны были из долины убираться, но так как им убираться

---

[1]) По восточному Алтаю. Дневник путешествия в 1905 г. Алтайский сборник, т. VI, Барнаул, 1907 г.

[2]) Отчет начальника Алтайского Горного Округа, за 1910 г.

[3]) Отчет Алтайской духовной миссии за 1888 г., стр. 6.

было некуда, то им было разрешено остаться, но с тем, чтобы они арендовали землю у миссии. При этом был составлен следующий „прейскурант“:

За хлебопахотную землю взимается $^1/_{10}$ часть урожая, за сенокосную половина поставленного сена, за пастьбу скота — по 20 к. с головы крупного и по 4 коп. с головы мелкого скота, за место занятое аилом—1 рубль, за право рубить дрова в долине Чулышмана 1 руб. с хозяйства. [1])

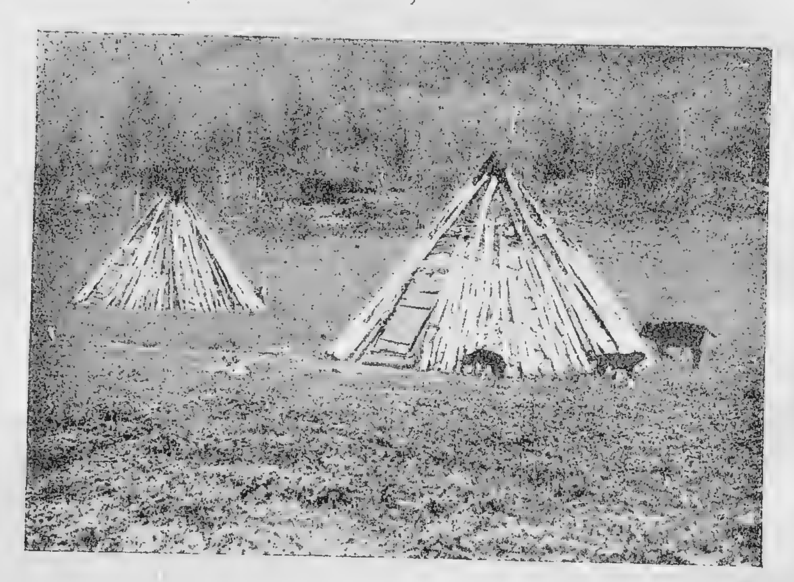

Рис. 6. Аилы на Чулышмане.

Если учесть, что это население кочевое, скотоводческое, ведущее почти натуральное хозяйство, то будет понятно, каким тяжелым ярмом лежал на нем этот налог.

Вот основной метод. Таким же образом, примерно, были построены и другие монастыри, которые занимали лучшие площади алтайских земель. Так Улалинский монастырь имел 7.040 гектаров земли, Чулышманский 4.115 и т. д.

Помимо устройства монастырей, миссия с самого начала своей деятельности стала усиленно насаждать в самом сердце кочевий алтайцев миссионерские поселки. История каждого поселка есть история новых захватов алтайских земель и новых притеснений. „Селение Эликманар основано около половины прошлого столетия частью бывшими государственными крестьянами Смоленской волости, Бийского уезда, частью бывшими заводскими

---

[1]) *Швецов.* Горный Алтай и его население, т. I, вып. 1, стр. 163. О том же в вышецитированном дневнике Верещагина.

крестьянами из Алтайской и Бийской волостей в 1866 году. Калмыки же, кочевавшие здесь, были отсюда вытеснены.“ [1])

Мы не будем останавливаться на целом ряде подробностей, чтобы доказать, каким „устрашающим и отгоняющим“ орудием служила миссия по отношению к коренному населению. Про Онгудайскую рощу рассказывают, что в ней секли инородцев, чтобы превратить их в христианство.

Н. Бакай в своей статье, опубликованной в „Сибирских Огнях“, приводит такой интересный факт: „Спор между калмыком Шабураковым и русскими из-за земельного участка был судом решен в пользу Шабуракова. (Очевидно, если даже царский суд решил в пользу алтайца, то надо полагать, что истины на стороне русского совершенно не было. *Л. М.*). Но стоявший во главе миссии архиерей Макарий находил, что „решение спорного земельного дела в пользу Шабуракова может умалить значение православия, как господствующей религии“. Шабураков был выслан из Алтая административным порядком“. [2])

Хороший знаток Алтая—Верещагин, часто путешествовавший по Алтаю, следующими словами подводит итог деятельности миссии среди алтайцев: „Их теснит монастырь, безжалостно эксплоатируют торговцы. За кирпич чаю, стоющий в Бийске 65 коп., с инородцев берут 2 рубля, за пуд соли—2 р. и т. д. От этой двойной кабалы Чулышманским инородцам некуда деваться. А тут еще русская монополька и местная арака, сифилис... [3])

Может быть, при всей этой политике, несмотря на то, что миссия так преследовала, так притесняла алтайцев, она выполняла хотя бы свое уставное основное положение о распространении просвещения и т. д.?

Мы не говорим уже о том, что количество церквей росло значительно быстрее, чем количество школ, что число церквей было значительно больше числа школ. [4])

---

[1]) *Верещагин.* Поездка по Алтаю летом 1908 г. „Алтайский Сборник“: т. X, стр. 7.

[2]) *Н. Бакай.* Легендарный Ойрот-Хан. „Сибирские огни“, № 4 за 1926 г. Это тот самый Шабураков—„оплот язычества“, о котором мы упоминали в предыдущей главе, впоследствии руководитель бандитского отряда.

[3]) По восточному Алтаю. Дневник путешествия в 1905 году. „Алтайский Сборник“, т. VI, стр. 36.

[4]) Приводим данные о темпе роста школ и церквей:

Годы	Школы	Храмы
1865	4	1
1875	5	6
1885	4	9
1895	12	15
1897	5	7
Итого	30	38

В графу школ вошли три школы из Бийского округа и не вошла школа с. Улалы, т.-е. школ было не 30, а 28. В графу храмов вошло 4 храма

Но что представляли собой те школы, которые существовали хотя бы в небольшом количестве?

„По своим целям миссионерские школы, в которых на половину или более обучаются инородцы: киргизы, калмыки, много отличаются от прочих школ. На первом плане здесь стоит религиозное обучение, знание молитв, знакомство с церковной службой, обрядами; нравственное развитие или обучение обязанностям человека к человеку идет уже затем; грамотность и письмо являются лишь в качестве средств для первой цели; обучение инородцев разговору на русском языке имеет немаловажное значение. Этим исчерпывается почти все школьное воспитание и обучение; забота об остальных знаниях была бы непосильна, как для учащихся так и для учащих, кроме русского элемента. [1])

Такова была деятельность миссии. Естественно, что при таком характере своей деятельности миссия, несмотря на большое количество крещеных „язычников", больших успехов в смысле распространения христианства, зарегистрировать не могла.

„Эта дикая пустыня (нижнее течение Аргута от устья Каира. *Л. М.*) населена калмыками, которые почти все крещены, почему здесь устроена церковь. Но, без сомнения, инородцы остались, в сущности, теми же темными язычниками, какими они были до крещения. Отмечу, например, такие факты: церковный староста не знал христианского имени своей дочери и посылал справляться об этом в юрту; одна женщина на вопрос, как зовут ее сына,—ответила, что в прошлом году приезжал священник, крестил сына и дал ему имя, но какое она забыла. В домашнем же обиходе употребляются исключительно языческие имена. Церковный староста, сопровождавший нас из Кемекечу в Кош-Агач, на одном перевале украдкой нарвал вереска и спрятал его за пазуху. Вереск же у бурханистов (ламаистов) употребляется при приветствовании друг друга. [2])

Зато миссия добилась того, что вызвала всеобщую ненависть к себе и к христианству и ко всему русскому вообще.

„Мне лично,—пишет Верещагин,—в 1905 году пришлось убедиться в том, что инородцы Чулышманской долины с нескрываемой ненавистью относятся к тамошнему монастырю, на землях которого

Бийского округа и не вошло 3 храма Улалы и 3 монастырских храмов значит было не 38, а 40 (см. *Швецов*, т. 1, вып. 1).

Из отдельных районов показателен в этом отношении нынешний Улаганский аймак. К 1917 г. в этом районе было 17 храмов и... 4 школы (см. рукопись под ред. Л. Эдокова «Пять лет Ойротии»).

[1]) *Голубев*, Цит. работа, стр. 275.

[2]) *Верещагин*. Поездка по Алтаю летом 1908 г. (Путевые заметки) „Алтайский Сборник", т. X, стр. 33.

они живут". [1]) „Вообще монастырь является печальным памятником алтайской миссионерской деятельности". [2])

Со второй половины прошлого века начинается усиленный рост массовой колонизации, которая получает особенно сильный размах в 90-х г.г., когда несмотря на „неприкосновенность" алтайских земель, массовое заселение Алтая русскими идет на „законном основании".

На бумаге царское правительство защищало земельные права алтайцев. Так, в 1763 году Екатерина II через лейб-гвардейского секунд-майора Щербачева шлет алтайцам в числе других „ясачных", свое ласковое слово, причем наистрожайше объявляет, чтобы „ясачные — ни под каким видом ни от кого ни малейшего разорения и тягости терпеть не могли" и всяких хищников и угнетателей их повелевает „наистрожайше преследовать". [3])

В 1811 году была намечена особая „линия" определяющая границу кочевок туземцев южного Алтая и запрещающая русским переступать ее. В 1817 г. „от высшего правительства последовало разрешение на заселение крестьян в Алтайских горах, за Бийскую линию до границ китайских, но без стеснения живущих там ясашных народов". Далее следует „высочайший указ 22 июля 1822 года", который определил права алтайцев на землю. После него, в 1827 году, вследствие жалобы, поданной алтайцами 7-ми дючин сенатору Безродному и князю Куракину, ревизовавшим тогда Западную Сибирь, о притеснениях со стороны русских крестьян, была отмечена граница кочевок для насельников левого берега Катуни. Наконец, в 1831 году вышло постановление, запрещающее русским селиться в пределах кочевий алтайцев. Но все эти „границы" обозначались только на планах и картах, в действительности же они не были проведены, не были отмечены межевыми знаками и опубликованы. И они продолжали по прежнему нарушаться русскими „новоселами" и „старожилами", светскими и духовными властями. [4])

И уже цитированный выше Михайлович по этому поводу замечает: „Таким образом, уже в прошлом столетии (XVIII. *Л. М.*) инородческие земли, де-юре неприкосновенные, де-факто служат ареной деятельности первых русских колонистов Алтая". [5])

Начало свободного переселения на Алтай относится, приблизительно, к 1865 году. В этом году „генерал-губернатор Западной

---

[1]) *Верещагин.* От Барнаула до Монголии (Путевые заметки). „Алтайский сборник", т. IX, стр. 18.

[2]) *Верещагин.* По восточному Алтаю (Дневник путешествия в 1905 г). «Алтайский сборник», т. VI, стр. 31.

[3]) Манифест, данный Сибирской губернии 13 июня 1763 г. Цит. по Михайловичу.

[4]) *Швецов,* т. I, вып. 1, стр. 61; отчет нач. Алтайского горного округа за 1910 г., стр. 50—57. Привожу по рукописи Шляева.

[5]) *Михайлович.* Цит. работа, стр. 8.

Сибири сообщил министру императорского двора, что государственные крестьяне, переселяющиеся из внутренних губерний в Западную Сибирь, обращаются к нему с просьбами о водворении их на жительство в Алтайский округ. Кабинет признал водворение крестьян на землях округа полезным, после чего вопрос о водворении на Алтае государственных крестьян был решен положительно. (Положение комитета министров, высочайше утвержденное 30 июля 1865 г.).“ [1])

Несмотря на предпринимавшиеся впоследствии ограничительные меры, переселение стало стихийно расти, достигнув предельной высоты в 1891—1892 г.г. под влиянием голода в России.

О темпе переселения за 1866—84 г.г. можно судить по следующей таблице: [2])

	За шестилетие			За 18 лет
	1866—72	1872—78	1878—84	1866—1884
Число переселившихся.	3.691	4.288	9.727	17.606
Среднее годовое . . .	615	716	1.621	978

Следующие шесть лет дают такую картину:

	1884	1885	1886	1887	1888	1889	Всего
Наличн. душ об. пола	12.101	16.890	16.282	15.821	18.031	17.296	96.421
Увеличен. или уменьшение в %% . . .	—	+ 39,5	— 3,5	— 2,8	+ 13,9	— 4,5	—

Несмотря на то, что ст.ст. 1242 и 1243 т. IX св. зак. воспрещалось русским самовольное поселение на землях, отведенных во владение кочевых алтайцев, Томский губернатор Супруненко, в 1874 году „находил желательным разрешить водворение переселенцев среди инородческих земель“, мотивируя это тем, что „охраняющий неприкосновенность инородческих земель закон, стремится к сохранению инородцев в диком состоянии, тогда как следовало бы желать перехода их от кочевой жизни к оседлой и развития

[1]) *Н. Овчинников.* К вопросу о поземельном устройстве в Алтайском округе. «Алтайский сборник», т. VIII, Барнаул, 1907 г.

[2]) Обе таблицы взяты из цит. работы Голубева, стр. 331, 333. Надо иметь в виду, что таблицы составлены по офиц. данным, не охватывающим всей массы переселенцев.

у них культуры, вместе с распространением христианства". [1]) Разрешение было дано и в пределах горного Алтая по Чуйскому и Уймонскому трактам, было намечено 26 пунктов для заселения их русскими крестьянами. Эти селения должны были обеспечить русское господство над двумя основными торговыми и стратегическими дорогами и связать Бийск с разбросанными в хребтах Горного Алтая миссионерскими станами, русскими деревнями и приграничной долиной р. Чуи. Проэкт был утвержден в 1879 году министрами императорского двора и внутренних дел. К 1897 г. фактически возникло 14 селений. [2])

Этот захват алтайских земель приводил к страшной запутанности земельных отношений. Алтайцы считали земли своими на основании факта исконного владения, тем более, что это их право подтверждено официальным законодательством. Между тем, их с этой земли оттесняют на неплодородные горы. Кумандинцы „передают рассказ о том, как земли с незапамятных времен, принадлежащие инородцам, в позднейшее время стали усиленно захватываться русскими арендаторами и заимочниками и как инородцы поэтому „дрались" с арендаторами, стараясь недопускать захвата. Это сознание инородцев имеет, так сказать, лишь принципиальное значение и никакого практического именно потому, что инородцы не располагают никаким средством остановить стихийно надвигающуюся на них волну колонизационного движения". [3])

Михайлович, о котором мы уже упоминали выше, дает следующее идеологическое обоснование этой колонизации:

„Конечно, можно быть уверенным, что колонизация Алтая не остановится; в русском народе лежит еще такая масса чисто стихийной энергии, что он пройдет между всеми дебрями канцелярщины. Что русский элемент завоюет Алтай — это несомненно; он постарается и помимо администрации уладить отношения с алтайцами или заставит их силой примириться с совершающимися фактами. Во всем этом можно быть уверенным: жалкое инородческое племя не может играть роли не только непреодолимой, но даже значительной преграды и должно уступить" [4]).

О темпе движения колонизации, говорят следующие данные: из общего итога русских поселенцев приходится: [5])

по 1895 г. 25,8%, 1896—1905 гг. 21,3%, 1905—1918 гг. 52,9%.

Что несла алтайцам эта колонизация?

Колонизация несла им разорение, лишение лучших долин, разрушение привычного хозяйственного строя. Денежные и натуральные налоги в самых разнообразных видах и сочетаниях завершали дело массового обнищания масс.

---

[1]) *Овчинников.* Цит. работа, стр. 15.
[2]) Отчет начальника Алтайского Горного округа, за 1910 год, стр. 61—63.
[3]) *Овчинников.* Цит. работа, стр. 26.
[4]) *Михайлович.* Цит. сочинение, стр. 35.
[5]) Пятилетний перспективный план развития х-ва Ойротии. Цифры привожу из рукописи под ред. *Эдокова* — „Пять лет Ойротии".

Протест этих масс против колониального грабежа, против земельных захватов, отразили проповедники „ярлык-чи“, в своих песнях-молитвах:

— „Стал я иметь чахлую, окруженную болотами землю“, поется в одной из песен.[1]) В другой песне настроения обиды и негодования выражены еще более остро:

— „Новая Бийская коса, зачем она режет нашу зеленую траву?

Томские сенокосилки, зачем они косят нашу сочную траву?“.[2])

— „Мне небесный белый бог (ак-бурхан) жалуется, что с Алтая весь лес срубили, землю всю обдирают“.[3])

Против этого, ничем не прикрытого колониального грабежа, против христианства, против Алтайской духовной миссии—форпоста самодержавия и был направлен бурханизм.

---

1) Из собраний Анохина. Цит. по рукописи Шляева.

2) Отчет Алтайской духовной миссии за 1910 год.

3) Текст „агитации“ бурханистов, представленный бийским исправником Тукмачевым Томскому губернатору 8 ноября 1905 г. за № 83.

ГЛАВА III.

Русско-японская война, революция 1905 года и их отражение на Алтае.

Те притеснения, которые терпели алтайцы от русских, то разорение и нищета, которые им несла русская колонизация, в течение долгих лет волновали алтайские массы. Бессильные бороться с таким колоссом, каким представлялось им самодержавие, они только в легендах и сказаниях отводили душу, уверенно надеясь на приход избавителя — Ойрот-хана, на сокрушение ненавистной власти белого царя. Были, правда, несколько попыток „появления“ Ойрот-хана за небольшой, сравнительно, период времени с 70-х годов [1]), но собственными силами Горный Алтай не мог бы подняться до развернутого национально-освободительного движения.

Между тем с каждым годом положение алтайцев становилось все безотраднее. Земельные притеснения достигли такого предела, что дальше, казалось, алтайцев вытеснять уже некуда. Они были загнаны далеко в глубину горных ущелий, но неумолимая волна колонизации, несущая горе и разорение, теснила алтайцев все более и более. Русские, проникшие в самое сердце Алтая, враждебно, пренебрежительно относятся к „детям гор“ — алтайцам. Алтай-кижи в глазах этих русских, не люди, а „орда“, „татаришки“, „калмычина“, которых можно беспощадно и безнаказанно притеснять и грабить.

И в своих песнях, в этом единственном виде протеста, доступном для алтайца, он с громадной силой выразил свое отношение к русским:

„Строющий дом о четырех углах, топор остер,
Сорок племен угнетающий, русский народ сердит.
В домах рыжих русских не будем есть и пить,
Снимая шапки по их обычаю.

---

[1]) В 70-годах XIX в. имело место движение к признанию Ойротом явившегося ламы. В 80-х гг. в верховьях р. Чуи появился лама Курень-батырь, выходец из Монголии, объявивший себя Ойротом. Наконец, в 1900 г. появился лама, о котором мы писали в 1-й главе.

Дунет ветер, — и пожелтевшей травы, как не бывало.
Придет время — и рыжих русских не станет на Алтае.
Из шести луков стрелять будем —
Русского народа не станет.
Из десяти луков стрелять будем,
Русский народ исчезнет". [1])

Но эти „рыжие русские" сильны еще и тем, что за их спиной вся сила и авторитет государственной власти. Чиновники не помогают бедным алтай-кижи:

„Губернаторским чиновникам что нужно?
Конь в серебряных вожжах нужен!" [2])
„Кто борется с морозом, тот будет без уха;
Кто тяжется с начальством, тот будет без головы". [3])

Во всяком споре между алтайцем и русским, чиновники и власти всегда алтайца признавали виновным. И отсюда страстный призыв в песнях-молитвах ярлык-чи:

„С Руси привезенная косилка пусть не косит нашу зеленую траву,
На подводах приезжающие к нам чиновники, пусть не издеваются над нашим народом". [4])

Русских защищают не только чиновники, но и попы и миссионеры. Это они шли в авангарде колонизации и, благословляя крестом, грабили лучшие земли и разоряли алтай-кижи. И ненависть, которую вызвали в песнях чиновники, они по справедливости делят с миссионерами:

„Каменный дом о восьми комнатах не есть дом.
Русская серянка не есть огонь.
Косматый поп не есть человек". [5])

„Весь бы Чуйский тракт, — поется в другой песне, — серебром можно вымостить да золотом, что загребли, захапали русские купцы у алтайцев и монгол. Весь бы тракт можно слезами залить алтайскими да монгольскими, что сочились из узких глаз полудиких, с чистой душой кочевников, такой большой обидой и горем наделил их русский алчный хищник". [6])

---

[1]) *Верещагин.* Бурханизм или ак-янг (белая вера) на Алтае. „Сибирский рассвет" № 3—4 за 1919 г.

[2]) Там же.

[3]) *„Алтайские инородцы"*. Сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера, протоиерея В. И. Вербицкого, изд. Этногр. отд. имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Моск. Университете, под ред. А. А. Ивановского. Москва, 1893 г. стр. 191.

[4]) *Верещагин.* Цит. статья в „Сибирском Рассвете".

[5]) Там же.

[6]) Из приветствия уполномоченного ЦК Монг. Нар. Революц. партии в Западной Монголии Председателю Ревкома Ойротской автономной области, по случаю создания области.

Казалось бы, где уж бедному алтайцу бороться с этим алчным хищником.

Но вот в долины и ущелья Алтая доносится невероятная весть о русско-японской войне. Глиняный колосс царизма в стычке с далеким восточным соседом стал терпеть поражения. Казавшееся всесильным и непобедимым чудовище отступает под натиском далеких „восточных братьев". Ведь именно оттуда, с востока, с громадной армией и должен был, по сказаниям, вернуться Ойрот-хан и разбить войско белого царя. Действительные события и сообщения с дальне-восточного фронта доходили до алтайцев в искаженно-преувеличенном виде.

Небывалые поражения русской армии и победы Японии не случайно, конечно, совпали с возникновением бурханизма и событиями, описанными в I-й главе. Поражение царских войск вызвало необыкновенное оживление среди алтайских масс и подогрело веру в свои силы и близость избавления от долгого и тяжелого гнета. И среди прочих песен-молитв, распевавшихся на памятном собрании в долине Теренг, раздается также песня, отожествляющая Ойрот-хана с Японией.

„Не в нашей земле найден Епон-царь, Ойрот-царь.
С древних времен (ты) не являлся,
Природный Ойрот, чинодержавный царь наш" [1]).

На эту связь указывает также „слово привета", записанное А. В. Анохиным и начинающееся следующими словами:

„Ниоткуда (вдруг) явившемуся царю японскому, уважение". [2])

Онгудайский миссионер, архимандрит Иннокентий, находившийся в центре бурханистского движения, в своем письме к архиерею Макарию сообщает о том же:

„Со стороны калмыков слышны восклицания: „Японский царь победил русского царя. Не стало русского царя, а настало царство Ойрот-хана". [3])

Не успели алтайские массы освоиться и свыкнуться с теми новыми впечатлениями, которые были вызваны известиями о русско-японской войне, как еще более сенсационные известия, предвещавшие о начале конца, нахлынули на них. И до Горного Алтая дошла весть о революции 1905 года, о поражениях белого царя не только на фронте внешнем, но и на фронте внутреннем.

Особенно сильное впечатление на алтайцев произвел манифест 17-го октября. Само царское правительство дает право открыто и беспрепятственно заявлять о своих притеснениях от русских и исповедывать свою веру! Взволновались не только бурханисты,

---

[1]) Текст „агитации", представленный писарем 1 и 2 дючин Бийскому исправнику.
[2]) Из собрания Анохина. Цитирую по рукописи Шляева.
[3]) Письмо от 30 мая 1904 года.

которых и кровавая трагедия в долине Теренг не заставила отказаться от своей белой веры — „ак-янг“.

„Терния революционного движения, — пишет Духовная миссия, — дали свои ядовитые отпрыски и в пределах миссии, о чем говорят некоторые о.о. миссионеры. Вот, что замечает в конце своего отчета макарьевский миссионер: „Инородцы-кумандинцы вообще стали какие-то совсем другие. Узнали они, что царь дал свободу не платить податей. Это-де все уходит на начальников, а до царя ничего не доходит. Некоторых из этих агитаторов сослали в Нарымский край, но остальные все же не унимаются, и хотя втихомолку, а говорят: креститься не надо, это все выдумывают попы, да архиереи. Никаких убеждений они не слушают“. [1])

Весть о дарованных „с высоты царского трона“ свободах, как молния разнеслась по горным ущельям, по урочищам и аилам алтайского кочевья и значительно содействовала усилению бурханистского движения.

Начали открыто присоединяться к бурханистскому движению не только „язычники-шаманисты“, но и новокрещенные алтайцы. Этот переход для них не представлял больших трудностей, так как они были православными лишь по имени. Отвлеченные истины христианской догматики и морали, проповедуемые к тому же проводниками колонизаторской политики, не могли быть усвоены отсталыми скотоводами, но свой переход к бурханизму они скрывали от миссионеров. Теперь же, узнав о свободе вероисповеданий, они открыто объявили об уходе из „стада Христова“. Сама миссия вынуждена была сознаться в этом, перечисляя „отступников“ из Усть-Канского миссионерского стана: Василия Кармана, Константина Батылак, Якова Саадана, Кондратия Танашева. Они активно содействуют распространению на Алтае бурханизма. Из их среды выдвигаются настоящие проповедники, имя которых приобретает громадный авторитет и становится известным всему Алтаю. [2])

„Теньга расположена, — описывает Верещагин, — на берегу реки Урсула, близ устья Теньги и состоит из дома писаря, избы ямщика, хорошего дома местного богача Аргамая Кульджинова, которому принадлежат громадные стада скота и целые табуны лошадей. Имея прекрасный дом, Аргамай Кульджинов живет в обыкновенной юрте, стоящей рядом с домом. Недавно здесь выстроена церковь, так как инородцы окрестных аилов числятся крещеными. Но, конечно, они в сущности остались теми же темными язычниками. Говорят, что только два инородца из здешних аилов признают себя христианами—все остальные новообращенные опять стали открыто бурханить. Появились знатоки нового ламовского учения. Таким знатоком нового ламовского учения является,

---

[1]) Отчет Алтайской духовной миссии за 1907 г., стр. 50—51.
[2]) Там же, стр. 28.

например, инородец Манди Кульджинов, брат вышеупомянутого Аргамая Кульджинова, кочующий около Теньги". [1])

Была даже сделана попытка, ссылаясь на манифест 17 октября, легализовать бурханистское движение.

Согласно сообщению миссии, ночью 14 мая 1907 года, по инициативе Аргамая и Мандия Кульджиных в Усть-Кане состоялось тайное собрание бурханистов для „обсуждения вопроса о новой вере и для подачи общего прошения на имя г. пристава 5-го стана Бийского уезда, чтобы он исходатайствовал им перед кем следует законное утверждение их новой веры в бога-Бурхана". [2])

Рис. 7. Теньга.

На этом собрании было принято следующее постановление: „Отныне исповедывать новую веру в бога-Бурхана, но без трусости и подать общее прошение г. приставу, чтобы он исходатайствовал перед кем следует утверждение новой веры, а для сего нанять хорошего писаря, чтобы он мог толково изложить просьбу калмыков". [3])

Таким „хорошим писарем" оказался служащий у Аргамая Максим Амфилохиевич Каньшин, который за составление прошения получил по 25 коп. с каждой души под ним подписавщейся.

Через несколько дней, „его высокоблагородие, господин пристав 5-го стана Бийского уезда" получил от „калмык 2, 3, 4 и 5 алтайских дючин, кочующих по рекам: Абаю, Шугашу, Каяр-

---

[1]) *Верещагин* — от Барнаула до Монголии (путевые заметки) «Алтайский сборник», т. IX, стр. 17.

[2]) Отчет Алтайской духовной миссии за 1907 г., стр. 38.

[3]) Там же.

лыку, Ябагану, Кану, Чарышу и другим урочищам Бийского уезда: Сапала, Тижпкова, Ногая, Тулогаша, Быта, Нятаева и других в числе 512 человек аплохозяев—прошение".

В сгущенных красках в этом прошении была описана неприглядность прежней „дикой" веры. Этой вере была противопоставлена новая — „изысканная", „правая", которая „спокойствию закона и начальства ничуть не препятствует".

В заключение „512 аплохозяев" пишут: „Услышав со стороны некоторого начальства притеснения к новому исповеданию, мы, съехавшись все совместно, в числе 512 человек, осмелились почтительнейше просить ваше высокоблагородие, в изысканной нами новой вере и исповедании, а также и во всех обрядах наших, нас не стесняя, с сего времени считать нас уже не идолопоклонниками, а иным исповеданием, испрося утверждения сего и у высшего начальства по ходатайству вашего высокоблагородия и о сделанном распоряжении покорнейше просим нам объявить через Родовые Управления". [1])

Из других событий революции 1905 года, большое влияние на алтайцев оказал царский указ о созыве Государственной Думы.

20-го января 1906 года на Ябагане состоялся съезд алтайцев. На этом съезде основным вопросом был вопрос о посылке своего депутата в Государственную Думу. [2])

Признав необходимым послать в Думу депутата от алтайцев, съезд столкнулся с таким явлением, что в своей среде не нашел ни одного человека, достаточно хорошо говорящего по-русски. К начальству был послан запрос: „можно ли избрать членом Думы лицо, незнающее русского языка и пользующееся переводчиком?". Как и следовало ожидать, ответа на этот вопрос получено не было.

Между тем наступило время избрания выборщиков для избрания членов Государственной Думы по волостям. По соглашению с русскими крестьянами в качестве выборщиков было избрано три алтайца-кочевника.

На Томском губернском собрании выборщиков все они были забаллотированы. Представители алтайцев потребовали тогда, чтобы из 6 мест, представленных Томской губернии, одно было предоставлено непосредственно алтайцам. И это требование было провалено, а делегаты вернулись ни с чем.

Еще на Ябаганском съезде 1-й дючиной было вынесено постановление послать в Петербург особую депутацию с ходатайством о различных нуждах алтайцев. В числе этих нужд было требование на особое представительство в Государственную Думу,

---

[1]) Отчет Алтайской духовной миссии за 1907 г., стр. 31—41.

[2]) Изложение работ этого съезда дается нами по рукописи *Шляева*, который пользовался статьей из газеты «*Сибирская Жизнь*» № 163 от 1-го августа 1906 года.

требование об определении общей границы кочевого района для защиты от стеснений русских крестьян при землеустройстве и требование об открытии на казенный счет общих и профессиональных школ.

Неудача с выборами в Государственную Думу была объяснена некультурностью и вытекающим отсюда неумением защищать и отстаивать свои интересы. Как вывод из этого, 1-я алтайская дючина постановила:

„В настоящее время все племена в нашем отечестве усиленно стремятся к просвещению и образованию, чтобы было легко и удобно жить. Мы, кочевые инородцы, сознаем свою крайнюю отсталость в образовании в ряду других народов России и в этом видим главное препятствие к столь необходимому улучшению нашего правового и экономического положения“.

Постановления Ябаганского съезда были подтверждены. Но поражение революции 1905 года и наступившая после этого реакция естественно создали совсем неподходящие для выполнения этих решений условия. Была ли послана делегация в Петербург, нам проследить не удалось. (Вероятнее всего не была послана).

Поднявшаяся вверх вместе с революцией 1905 года волна национально-освободительного движения упала вместе с поражением революции 1905 года в России с тем, чтобы с большей силой подняться опять вместе с новой волной революции в 1917 г.

ГЛАВА IV.

Борьба с шаманизмом.

Удары бурханизма были направлены не только против христианства, духовной миссии и всего русского. Бурханисты заняли резко враждебную позицию также и по отношению к своим сородичам-шаманистам. Бурханизм был течением не только анти-русским, не только анти-христианским, но и анти-шаманистским.

Шаманизм — древнейшая религия алтайцев, корни свои имеет в том хозяйственном быту и положении, в котором находились алтайские кочевники. Первобытные способы хозяйствования, ничем не застрахованные от всяких природных явлений, вечная зависимость алтайца от сильных соседних племен, от произвола бывших властителей Алтая — царских чиновников, купечества, духовенства и т. п., — все эти условия весьма благоприятствовали развитию шаманизма среди алтайцев. Заброшенные в необычайной глуши, отрезанные непроходимыми пропастями и перевалами от всего мира, они представляли из себя полудикие племена, жившие скотоводством, почти не сеявшие хлеба, не имевшие в своих кочевьях даже очагов для выпечки хлеба. Одни, оставленные наедине с суровой природой, они боялись, верили и чтили своих маленьких, страшных богов.

Алтайский Олимп населен большим количеством божественных существ, из которых выделяются злой Эрлик и добрый Ульгень, выше которых находится творец всех духов „Юч Курбустан“ — бог богов, создатель вселенной. Все доброе полезное исходит от Ульгеня; злое нехорошее от Эрлика. Шаманисты считают, что человека создал Ульгень, но воспользовавшись его недосмотром, Эрлик вдохнул в его творение живую душу. Юч Курбустан, разгневанный этим вмешательством, разжаловал Эрлика, выгнал его в преисподнюю и запретил ему показываться на свет. С тех пор Эрлик царствует в ночном мраке, с бородой и усами, черными, подобными углю, с глазами, налитыми кровью, восседая на престоле из семи бобров, в железном дворце, окруженном рекою Тойбодым. У него семь сыновей и девять дочерей—черных, вертлявых, бесстыдных, обвивающих свой стан волосами... На заре он

пьет человеческую кровь... Через своих слуг, духов, он посылает людям несчастья, болезни, голод". [1])

В своих обращениях к богам, шаманисты стремятся упросить Эрлика, чтобы он был к ним снисходителен, избавил бы от болезней, падежа скота, от всяческих жизненных бедствий и т. д. Ульгень—бог добрый, не опасный и молятся поэтому шаманисты, главным образом, Эрлику, всячески задабривают его, принося ему обильные кровавые жертвы.

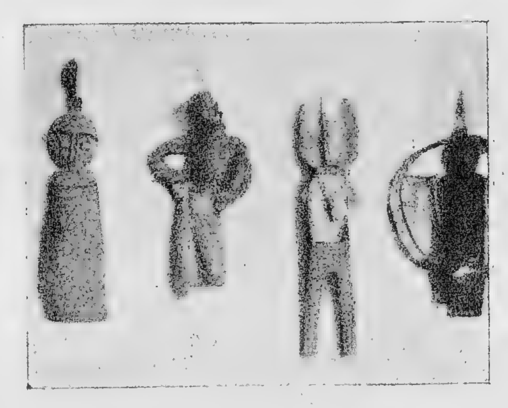

Рис. 8. Курмежеки.

Идеология шаманизма с его многочисленными божествами соответствовала родовому быту алтайцев.

В родовую эпоху религия наиболее непосредственно отражает все общественные представления и отношения. „Каждая религия, — пишет Энгельс, — является ни чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в повседневной жизни, отражением, в котором земные силы принимают форму сверхъестественных".

Первобытные формы хозяйства, всякого рода хозяйственные катастрофы, которые на каждом шагу подстерегали алтайца, бессилие его перед этими страшными и непонятными силами природы, выдвинули вперед злого и кошмарного, кровожадного Эрлика, а образ кроткого и доброго Ульгеня потускнел и отошел на задний план.

А Эрлик жаден и умилостивить его стоит очень дорого. „Протест шаманистов против жадности богов всегда существовал",—говорит Г. Н. Потанин, [2]) — „но в руках протестующих было одно только средство: верующий шаманист вступал в переговоры с богами посредством шамана; он торговался с богами, горячо спорил с ними, стыдил их и выражал свое негодование. Когда шаман объявлял верующей хозяйке дома, сколько кровавых жертв требуют боги, верующая женщина вмешивалась в разговор иногда с такими энергичными словами: „Ах, вы подлые, бесстыжие! Вы разорить меня хотите! Мало ли скота вы у меня приели! Когда же я заткну ваше широкое горло? Когда накормлю досыта ваше ненасытное, бездонное брюхо? Опомнитесь! У вас совсем стыда нет, обжоры вы этакие!".

---

[1]) По рукописи *Л. Эдокова*—«Борьба с шаманизмом и бурханизмом».
[2]) Цит. по Верещагину.

Русская колонизация привела к изменению хозяйственного облччия алтайского кочевья. Переселенческая волна еще с середины XVIII века захватывает центральные и богатые участки Алтая, алтайцы вытесняются с лучших земельных участков и тучных пастбищ на неплодородные горные ущелья. Всякого рода налоги и поборы все более и более разоряют алтай-кижи.

На эти разорения и оскудение Алтая, жалуются алтайцы в своих песнях:

„Когда посмотришь (на Алтай) сверху,
Хан-Алтай показывается треугольным;
Если взглянешь на него со стороны,
Девяти-гранным кажется хан-Алтай.
Если со ската горы смотреть будешь,
Как плеть расплетенная—тянутся хребты твои,
хан-Алтай.
За тебя, славный Алтай наш,
Многое множество крови пролито!
Красные сосны твои окомолены,
Лучше бы не смотреть на такое оголение!
Величественные кедры твои стоят обнаженными
от зеленых ветвей;
Лучше бы не видать такого обнажения
Нашего стройного батюшки-Алтая.
Как коричневым сукном весь покрыт ты
(т.-е. выжжен);
Как бы не видать впредь такого опустошения!
Как мрачная осень в жилищах твоих, хан-Алтай;
Лучше бы не видать нам такого обезглавленья
Нашего прекрасно-устроенного, царственного
Алтая!“ [1])

Разложение родового быта, проникновение денежных отношений в аил, вызвало также и разложение шаманизма. Религиозная надстройка перестала соответствовать новым хозяйственным отношениям.

В свете этих новых хозяйственных явлений, которые принесла в алтайский аил русская колонизация, кровавый культ шаманизма с его дорого стоющими жертвами, тяжелым, непосильным бременем ложился на убогое хозяйство алтайцев.

„Алтай-кижи, — пишет Верещагин, — давно бы и с радостью отказался бы от столь разорительного культа, но как быть со свирепым Эрликом и его могучими слугами—камами? Ведь страх перед ними воспитан в алтайце веками, и казалось бы, не так-то

---

[1]) «*Алтайские инородцы*»—сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера, протоиерея В. И. Вербицкого, изданные этнографическим отделом имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском Университете, под редакцией А. А. Ивановского, Москва, 1893 г. стр. 168.

легко отделаться от него забитому, обездоленному алтайскому народу". [1])

Но против шаманизма выступил бурханизм, призывая к бережливости и лучшему ведению хозяйства („не рубите сырой лес, не колите молодого скота" и т. д.). Это, как нельзя лучше, совпадало с хозяйственными расчетами и интересами алтайцев.

Вместо прежних кровавых жертв, разорявших хозяйство алтайца, бурханизм требовал лишь поклонения бурхану, разжигания вереска и обрызгивания молоком.

Бурханисты утверждали, что Ойрот-хан придет лишь тогда, когда все алтайцы поголовно станут поклонниками Бурхана. Все еще коснеющие теперь в шаманизме сородичи являются большим препятствием для пришествия Ойрота. Пока они будут поклоняться своим шаманским божествам, приносить жертвы Эрлику и ставить тайлгу, совершать дикие камлания, — он не может вступить на свой Алтай.

Рис. 9. Тайлга.

И вот отсюда, с такой фанатичной беспощадностью и лихорадочной поспешностью, бурханистами сжигались на кострах аттрибуты шаманизма—курмежеки шаманские бубны, лошадиные шкуры с жертвенной тайлги. Это своеобразное „ауто-да-фе" сопровождалось насилиями и угрозами над неуступчивыми ревнителями шаманизма. [2])

---

[1]) „Сибирский рассвет", № 3—4, 1919 г.
[2]) По рукописи Шляева.

„В свой проезд через Алтай в 1908 году,—сообщает Анохин,—мне приходилось от многих выслушивать жалобы и видеть слезы обиженных бурханистами шаманов и шаманок. Катунские шаманы, соседи бурханистов, долгое время жили под тяжелым чувством страха за существование своего шаманизма. Угрозы бурханистов сжечь бубны и одежды шаманов только через несколько лет потеряли свою остроту, точнее—с того момента, когда один из алтайских шаманов, Мамрый, в свою бытность в Томске, лично заявил о своем положении местному губернатору". [1])

Этим фактом — жалобой шаманистов губернатору с просьбой о защите против бурханистов, как бы завершается круг единого фронта против бурханизма со стороны всех тех сил, против которых боролся бурханизм.

Выступление против шаманизма было выступлением против него, как религиозной системы, которая вошла в противоречие с теми новыми социально-экономическими условиями, которые сложились на Алтае к моменту появления бурханизма.

Рис. 10. Бубен кама.

[1]) „Сибирские огни", № 5, 1927 год.

ГЛАВА V.

Национальный эпос и сказания об Ойрот-хане.

Загнанные в тяжелые природные условия, подвергающиеся постоянным гонениям и преследованиям, мирные алтайцы, неспособные и неумеющие сопротивляться врагам, создали богатейший национальный эпос, мифические герои которого всегда являются избавителями народа и в самый тяжелый момент приходят, чтобы спасти свой народ от жестоких врагов.

В сказаниях алтайцев быль часто переплетается с небылицей. Отдельные, действительно имевшие место, исторические факты перемещаются во времени и пространстве, деятельность исторически существовавших лиц переплетается с поэтическом вымыслом, эти лица наделяются необыкновенными сверхъестественными качествами. На ряду с ними народная поэзия выдвигает мифических или полумифических героев и в итоге получается более или менее законченная идеология национальных чаяний, которая в бурханистском движении сыграла не последнюю роль.

„Предания алтайцев, связанные с набегом Кочкорбоя, Чаоодока, выдвигают героев: зайсан Эрельдэй, Пюдюке, Парато, Теотей, спасавших от внешних врагов. Другие племена помнят других героев: Шуну, Амыр-Сана, Канга, Мурат, Бий-Таш, Байка, Батор и проч. В их памяти сохранились имена китайских царей Эдена и Кункера, дзюнгарских (джунгарских) ханов—Калдан, Конгудай, Айуки и своих предводителей, воевавших с русскими казаками—Абок, Базаяк, Алганчик, Пойдоп, Балык“ [1]).

Однако, наибольшей популярностью и любовью во всех сказаниях алтайцев пользуются имена Шуну или Шюнип, Амыр-Саны и Ойрота, которые в некоторых сказаниях даже отожествляются между собой.

Шуну, в представлении алтайцев, великий герой, обладающий необыкновенной силой. Именно таким он рисуется в легенде записанной миссионером Вербицким:

---

[1]) Цит. по отрывкам из рукописи Анохина *„Алтайские аборигены“* приведенным Шляевым.

„Отец его Конгдайч имел еще сына Калдана. Шюна жил с наложницею Кара-Кыз, в которую влюбился брат его и на ней женился. Оскорбленный Шюна пригласил 12 друзей разгуляться по хребтам Алтая. Отъехав на одну версту от своего жилища, он поведал им свое горе, натянул лук и в виде насмешки и бесчестья, пустил стрелу в юрту брата. Стрела вонзилась в дверь. Брат сейчас же узнал, кому принадлежит стрела и пожаловался отцу. Конгдайч призывает к себе Шюну, вечером возвратившегося с охоты, обвинил его, приказал вырезать лопатки (плечные кости), руки и ноги связал сыромятными ремнями, засадил в подземелье, глубиною на 70 сажен. Никто не знал, куда пропал любимец народа; только один старик, вхожий в хату, понял в чем дело, сделал от своей юрты подкоп к темнице и в продолжение семи лет питал узника. Конгдайч был могуч и славен; многие ханы покорялись ему, но один из них—Черный Калмык—сведав, что не стало мудрого богатыря Шюны, присылает к нему двух сорок, из которых одна была действительная, а другая искусными камами превращенная из вороны, с условием, если Конгдайч отличит одну птицу от другой, то он будет ему платить дань попрежнему, а если нет—то перестанет. Конгдайч запечалился. Но старик, принося Шюне пищу, рассказывает ему о горе отца его и получает ответ: „Велика ли эта мудрость—чтобы отличить сороку от вороны; ты посоветуй моему отцу поставить шест, а близ него навес и в ненастное время выпустить обеих птиц; сорока под навес полетит, а ворона сядет на шест и закаркает“. Таким образом, птицы разгаданы и Черный Калмык остался данником Конгдайча. Но, спустя два года, Черный Калмык опять присылает к Конгдайчу куст таволожника для различения корня от вершины, на прежнем условии. Шюна через старика своего опять сообщил, что если пустить куст в воду, то он вершиною пойдет вперед, а комлем позади. Но через год Черный Калмык, оставив пытать мудрость, обратился к силе: присылает железный лук, чтобы натянуть его, но никто не мог сделать этого; брались даже и 30 человек вместе, но все без успеха. Тогда Шюна научил старика заплакать перед ханом и народом со словами: „своего богатыря мы решили сами, и теперь должны покориться даннику“. „Да не жив ли он,—отвечает отец,—надобно посмотреть“. Вытаскивают несчастного Шюну из подземелья. Он оброс там мохом, плечи зажили, только не мог он взглянуть на белый свет и поэтому целых полдня пролежал вниз лицом. Отец приказал вымыть его верблюжьим молоком и нарядить. Сын спрашивает: „Для чего ты, батька, меня, мертвеца, пошевелил?“ Но отец, вместо ответа, подал ему чару вина в полведра. Богатырь выпивает одним духом. Подана другая чара, богатырь выпил, зарумянился и закусил целым бараном. Тогда отец рассказал ему свое горе. „Неси, родитель, лук“. 30 человек принесли. Он заложил тетиву одним мизинцем (лук погнулся) и сказал: „Ну, родимый батюшка, благословляй меня на путь, я тебе более не сын, ты мне не отец“. И с этими словами отпра-

вляется с прежними друзьями своими в Кокан, к деду своему по матери; но этот, назад тому 2 месяца, как помер, не оставив по себе наследника. Коканцы единогласно избрали его своим ханом. Но через несколько времени долетел до него слух, что его стали называть бродягою. Тогда он собрал весь народ и стал отказываться от ханства. Одни молчали, а другие упрашивали быть ханом. Последних он поставил по правую руку, а первых по левую, развернул свой, в двенадцать раз сложенный, булатный меч, махнул—и левая сторона обезглавлена, бунт прекратился". [1])

Этого-то Шюну ждут алтайцы, как избавителя, потому что он сам обещал вернуться на Алтай.

„Шюна и Галдума были. Шюна отправился на Еджен-хана и покачнул его престол. Еджен-хан велел его схватить и молотком изломать лопатки. Шюна поехал прочь и в знак своей силы, которую сохранил, несмотря на поломанные лопатки, выстрелил в дерево Орун Ганцхан Модон и отшиб его верхнюю половину. Оно теперь без вершины. Когда оно отрастет, Шюна снова явиться".[2])

На это обещание вернуться указывает и другое сказание, приведенное Н. Бакаем: „В начале царствования Екатерины II, калмыками правил в Монголии князь Шунни, который, приведя свой народ в Горный Алтай и заключив с русским правительством договор о принятии его в подданство России, перед смертью велел алтайцам проживать мирно до того момента, пока он, Шунни, не придет на землю и опять будет править ими. В каком образе явится—он не сказал, но время пришествия определил так: „Когда упадут все три спицы снежных вершин горы Катунь (Белуха)". [3])

Силе и геройству Шюны соответствует и внешний его вид, как он рисуется в представлении алтайцев:

„Шюнню—царь возвратился; в виде орла придет.
Шюнню признать богом.
Змея—царь шел войной на Екатерину.
Я (Шюню) его победил; змею-царя уничтожил". [4])

Неудивительно, что имя Шюны фигурирует в песнях-молитвах ярлык-чи:

„Вырезные наши сапоги для ног теплы,
В Тарабагатай, нашу родину, когда же мы доберемся?
С уехавшим в прежние годы Шюнной когда мы увидимся?".[5])

Храбрым и мудрым богатырем запечатлелся в сказаниях алтайцев и образ Амыр-Саны, который был даже будто бы сыном Ой-

---

[1]) *Вербицкий.* Алтайские инородцы, стр. 117.

[2]) *Г. Н. Потанин.* Очерки Северо-Западной Монголии, вып. IV, СПБ, 1883 г., стр. 187.

[3]) *„Сибирские огни"*, № 4, 1926 г.

[4]) Текст. „агитации" бурханистов, представленный Бийским исправником Томскому губернатору.

[5]) Отчет Алтайской духовной миссии за 1911 г.

рот-хана. „Шидырван был Ойрот-хан; у него было два сына: Темир-Сана и Амур-Сана". [1])

„Когда Ойрот-хан умер",—передает Вербицкий алтайское сказание, — „и когда от междоусобных войн царство его распалось на части, главным начальником Ойротского войска в то время был Амыр-Санага, а начальником над частью народа алтайского Чаган-Нараттан, живущий в Тарбагатае. Чаган-Нараттан произвел ревизию у алтайцев и других ойротских племен и задумал всю власть над народом и войском присвоить одному себе. Амыр-Санага во-время узнал об этом и поспешно отделился от него со своим войском. Поднялась жестокая междоусобная война. После многих незначительных покушений с той и другой стороны, оба войска сошлись, наконец, на р. Чарыше, где произошла между ними решительная битва: Чаган-Нараттан, не дождавшись конца сражения, бежал со своими приближенными, в числе шестидесяти двух человек и скрылся в пещере, находящейся близ устья реки Успези, на правом берегу реки Катуни". [2])

Неудивительно, поэтому, что и имя Амыр-Саны с надеждой упоминается в песнях ярлык-чи:

„Когда придет наш Амыр-Сана,
Мы возвратимся в наш Алтай—белый цветок". [3])

Однако, самым любимым героем алтайцев, является Ойрот-хан, который в буквальном смысле является их властителем дум. Все лучшие свои чаяния и надежды алтайцы связывают с этим именем. На эту популярность Ойрота указывает и миссия:

„О. о. миссионеры единогласно уверяют, что калмыки-бурханисты с особенной любовью, интересом и пафосом говорят об Ойрот-хане, этом легендарном богатыре и царе Алтая". [4])

Героизмом, мудростью и добротою Ойрот-хан в сказаниях превосходит всех остальных героев алтайского эпоса. Но что особенно к нему привлекает думы и мысли всех алтайцев, это тот золотой век, который существовал на Алтае при нем и который при возвращении он восстановит. Все записи сказаний об Ойроте сходятся на этом признаке.

Защитник Чет-Челпанова, Соколов, так передает сказание об Ойрот-хане:

„Давным давно, на Алтае, царствовал царь-богатырь Ойрот. В нем видели высшее существо и воздавали ему божеские почести. Ни бедных, ни обиженных тогда не было—Ойрот всех защищал. Покидая свой народ, он удалился за море, на большой остров, где и теперь живет. Уезжая, Ойрот обрезал хвост своему белому коню до корня и срубил лиственницу на высоте своего стремени. При этом он сказал народу, что он вернется обратно на Алтай

---

[1]) *Потанин.* цит. сочинение, стр. 298.
[2]) *Вербицкий*, цит. соч., стр. 122.
[3]) Отчет Алтайской духовной миссии за 1910 г
[4]) Тоже, за 1907 год.

только тогда, когда вырастет у коня до земли хвост и лиственница разрастется так, что под ней сможет укрыться целое войско. Весть о его прибытии первой объявит двенадцатилетняя девушка (кыс). С возвращением Ойрота на Алтае наступит вновь золотое царство у верных ему калмыков". [1])

Аналогично рисуется время Ойрот-хана и в другой записи:

„В давно минувшие годы, когда Алтай был еще не таким суровым, а наоборот, зеленел растительностью каждый год, жил хан Ойрот. При его царствовании в Алтае не знали, что такое нужда, голод и прочие несчастья. У Ойрота была единственная дочь „девочка с кудрявой головой",—радость отца и алтайского народа. Однажды хан-Ойрот сделался каким-то мрачным, каким он никогда не был и сообщил своему народу, что духами определен алтайскому народу целый ряд испытаний, а ему, Ойроту с дочерью приказано удалиться. Посадив дочь подле себя, хан Ойрот уехал за Кара-Иртыш, сказав своему народу, что когда им будет сильно трудно жить, он опять придет. Когда опять вернется хан Ойрот, люди будут братьями, а Алтай будет благоденствовать". [2])

Ойрот-хан вымышленная личность, но в этой мифической личности, как в фокусе, сосредоточились все надежды, все упования алтай-кижи, да и не только их одних. „Все азиатские племена на яву и во сне бредят своим Ойротом" [3]).

„В 1367 году, сообщает миссионер Вербицкий,—с удалением Тогоса-Темура с китайского престола в свою отчизну—Монголию, чжунгарские монголы образовали сильный союз из трех поколений: Шохот, Торгот и Чорос, объявив главою своего союза Чоросского князя Махмуда, как старшего между ними, и появились на политическом поприще под названием Ойротов. Могущество этого союза держало в страхе Китайскую империю более трех с половиной веков. Внук Махмуда—Эсень, привел в исполнение замыслы отца своего и деда и в 1449 г. привлек к Великой Стене все силы Монголии и вступил в пределы Китая. Началось сражение, которому мало примеров в истории. С китайской стороны не осталось в живых ни одного министра, ни одного полководца; ратники потонули в своей крови. Эсень убит в 1453 г., и со смертью его умерло могущество Ойротов и кончился блистательнейший период Чжунгарского ойротства, обломки которого, теснимые междоусобными войнами других монгольских племен, перешли в начале XVII столетия из Тибета на Север, за Алтайский и Саянский хребты, и признали над собою власть России" [4]).

От этого могучего некогда Ойротского союза, помимо преданий, сохранились и живые „вещественные доказательства". Среди алтайских племен и до сих пор сохранилось племя „ойрот-кижи",

---

[1]) Цит. по Шляеву.

[2]) Дело Ойротского Истпарта № 2.

[3]) *Анохин.* „Бурханизм в Западном Алтае". „Сибирские огни", № 5, 1927 г.

[4]) *Вербицкий* — Цит. сочинение, стр. 5.

которое особенно ревниво относится к своему происхождению от великого Ойротского союза.

Для алтайцев имя Ойрот связано с целой исторической эпохой, эпохой когда в счастьи и радости благоденствовал „голубой Алтай“.

„Алтайцы до настоящего времени помнят имена лиц своей родословной—деда, прадеда, прапрадеда и т. д. до двенадцати колен. Дальше родовая линия в их памяти обрывается. При этом, всех лиц своей родовой линии, они относят, определенно, к обитателям Алтая, а всех дальнейших—к эпохе Ойрот-хана, выражая это характерной фразой: „Ойрот-Тужундан“ — „К временам Ойрота“[1]).

Г. Н. Потанин дает следующий анализ происхождения Ойрот-хана: „Ойрот-хан у жителей Алтая, повидимому, лицо полумифическое, если не совсем мифическое. Помещаем здесь выписку из напечатанных путевых заметок по Алтаю г. Ядринцева:

„Предания об Ойроте существуют у телеутов, у семи дючин алтайцев, а также около Телецкого озера на Чуе и Чулышмане. У телеутов Ойрот связан с их родами и является то родоначальником, то мифическим лицом, которого ждут телеуты, как Мессию алтайских народов. Остальные алтайцы не связывают свое родство с Ойротом. Ойротами они называют народ, живший до них и оставивший везде огромные каменные насыпные могилы. Везде говорят про курганы: „Это ойротские могилы“. Существует могила Ойрот-хана на устье р. Улагана (в системе Телецкого озера); это большая могила. Около Улалы рассказывают, что царь Ойрот дошел до Улагана и там умер. Но на Чуе вновь появляются рассказы об Ойроте, что он шел из Алтая по р. Чуе со свитой и войском, откочевывая в Монголию. Абым-бом назван в память его дочери, умершей здесь. На Чуе, близ Кош-Агача есть место, где он стоял, и у четырех деревьев были растянуты арканы для его лошадей. По Аргуту и по Катуни опять могилы „ойротов“. У телеутов под Улалой и у телесов сохраняются предания о походе ойротов в Чернь и в Алтай. Они приходили даже одновременно с киргизами. Ойроты, как видно, когда-то завоевали алтайцев. Они преследовали шаманов и в особенности одного, которого они сожгли, но он возродился из пепла, как Феникс. Одно телеутское предание об Ойроте говорит: „Сначала ойроты жили на зимовке Кулунду-талбу, ближе вершины Иртыша, а летник их был у устья Иртыша, где он впадает в Обь; по Оби от Томска до Кузнецка простирались их кочевья. Ойрот был царь над телеутами. Старший сын Ойрота был Тамур-сана, другой сын—Амурсана, а третий Шуна-батырь. Четыре семейства ойротов отправились в Алтай; в числе этих семей был Мундуз; они и теперь живут в Бачате и в Алтае. Остальные остались под Томском на местности Каратанде. Дети просили у Ойрота благословения; он благословил всех, чтобы они рассыпались по черням; благослове-

---

[1]) Цит. по Шляеву вышеупомянутую рукопись Анохина.

ние это было произнесено в стихах: оно и теперь хранится в устах народа. Сам Ойрот переселился на Телецкое озеро и водворился там, где протекает Башкаус и Чулышман. Расселив людей, он сам ушел в горы. Уходя, Ойрот сказал своим детям: „Пройдет двенадцать поколений и я снова к вам приду; тогда я своих телеутов узнаю по глазам“. Теперь, говорят телеуты, семь поколений после его ухода уже прошло. Из четырех семейств ойротов, только одно, с Шуной, осталось в русском подданстве, остальные три рассеялись“ [1]).

С личностью Ойрота сливаются исторически достоверные фигуры, как упомянутые выше Шюна и Амыр-сана, а также Галдан-Божокту, правитель из Джунгарского рода (в некоторых сказаниях Ойрот фигурирует под именем „Калдан-Ойрот“).

Предстоящий приход этого долгожданного Ойрота наполнил необыкновенной радостью сердца алтай-кижи и эта радость сказалась в их песнях-молитвах:

„Камень бурого цвета, находящийся под солнцем, взвился вокруг солнца.
Народ—солнце мое—ежедневно в веселии.
Золотой камень находящийся под месяцем, взвился вокруг него.
Народ—мой месяц—в веселии каждый месяц.
В шестисуставную мягкую дудку, иди, товарищ, взыграем.
Вечерняя заря взошла, иди, товарищ, побежим.
Со знаком величия на голове
Серебряная кукушка закукует.
С яркими, как четыре солнечных дня, пуговицами
Тёрбень-Ойрот придет.
Удоя берестяное ведро полно,
Думы грудь полна“. [2])

Вновь оживший образ легендарного героя в песнопениях бурханистов наделяется божественными признаками: у него все самое лучшее и богатое, поражающее воображение—и кони, и сбруя и одежда.

„Наш шестиугольный Алтай не лишен прежней благодати,
Потому что наш драгоценнейший Ойрот-хан, наша радость и веселье к нам возвращается.
У него красивая и большая броня,
Одинаковые соловые кони с блестящими гривами и хвостами.
И саврасые кони с одинаковыми хвостами,
Подол у него из неприступной скалы,
Ворот из синего вереска.
На златошерстом сером коне приехал верхом наш царь,

---

[1]) *Потанин.* Цит. сочинение, стр. 666.
[2]) Отчет Алтайской духовной миссии за 1910 г.

В стременах с золотой насечкой,
Упершись, приехал наш царь.
И перешагнувши достигающий до солнца порог,
Имея пуговицы от солнца и луны,
Отворивши дверь в серебряной оправе,
Зашел к нам наш царь". [1])

Как видим, бурханизм мобилизовал веками сложившийся эпос алтайцев для борьбы с колонизационной политикой царизма и Алтайской духовной миссией, с одной стороны, и кровавым, разорительным для хозяйства, культом шаманизма, с другой.

Из многочисленных сказаний на первый план были выдвинуты именно те, которые в данной конкретной обстановке наиболее соответствовали настроению масс. Случайные изменения в снежных вершинах Белухи оживили именно те сказания, в которых возвращение Ойрота связывается с этими изменениями. Другие сказания естественно отодвинулись на задний план.

---

[1]) Там же.

ГЛАВА VI.

Бурханизм — национально-освободительное движение алтайских масс.

Колонизационная политика царского правительства и проникновение русского торгового капитала па Алтай изменили социально-экономическое лицо алтайского кочевья. Но, наблюдая проникновение русского влияния и денежных отношений на Горный Алтай, надо отличать северо-западный район от юго-восточного.

На северо-запад русское влияние проникло скорее и легче, оно сумело здесь больше укрепиться, чем на юго-востоке. Северо-западный район географически ближе примыкает к России, поэтому там скорее завязывались экономические связи, появились русские купцы, затем появились купцы из алтайцев и между ними установилась теснейшая связь. Зайсаны или князья превращаются в агентов царской власти. Они были не только князьями по положению, но и князьями по полномочиям русского правительства. Они собирают дань, ведут сношения с представителями власти. Административная реформа—отмена родового управления и замена его волостным — в этом отношении ничего не изменила. Зайсаны выбирались волостными страшинами. Тут мы имеем тесную связь между русским влиянием, русским торговым капиталом и нарождающимся туземным торговым капиталом. В этом отношении характерна история хотя бы такого улалинского купца, как Табоков. О нем интересные сведения даны нам председателем Областного Исполкома Ойротии— И. С. Алагызовым.

„Предпоследний зайсан Соока (рода) Комдош (по-русски Комляжской волости), Табоков Давыд (Михаил Васильевич), который получил зайсанство не от отца, а от брата отца, у которого не было сыновей. По социальному положению до зайсанства Давыд был бедняк, имел одну лошадь, но как только стал зайсаном, быстро разбогател и славился очень крупной торговлей и был большим эксплоататором“.

От этого Табокова пошла целая династия Табоковых — купцов Улалы, самым теснейшим образом связанных с русскими административными органами, с русским торговым капиталом. Харак-

терно, что в 1917 году, когда опять поднялось мощной волной народное национальное движение, Табоков оказался по существу в стороне.

Рис. 11. Зайсан Давыд Табоков.

Когда алтайская горная дума производила сбор на нужды этой думы, то среди внесших деньги имеются братья Аргамай и Мандий Кульджины (о которых мы уже упоминали), которые внесли по 50 и 60 тысяч рублей, в то время, как Табоков внес всего 10.000 рублей. [1])

И когда, через некоторое время, алтайская дума оказалась в затруднительном положении и обратилась к Табокову с просьбой одолжить на месяц 2 тысячи рублей для расплаты со служащими, то Табоков ответил, что не имеет возможности предоставить деньги, а Аргамай деньги выложил. Аргамай и Табоков являются представителями различных групп туземного торгового капитала на Алтае. Табоков является представителем той верхушки, которая возникла на Северо-западе Алтая и сравнительно тесно связана с русским влиянием. Характерно, что в движении 1905 года Табоков совершенно не участвовал. Характерно также, что этот район бурханистским движением почти не был затронут и влияние шаманистов здесь сохранилось гораздо сильнее.

Русское экономическое влияние на юго-восточном Алтае не имело такого большого размаха, как на северо-западном. На юго-восток русские проникли позже; кроме того, юго-восточный Алтай граничит с Монголией и поэтому и экономически, и культурно к ней тяготеет: торговля с Монголией велась издавна, имелось и культурное влияние со стороны Монголии.

Эти связи с Монголией восходят еще к временам Ойротского Союза и не оборвались с переходом алтайцев в русское подданство.

Алтайцы этого района, особенно пограничной полосы, часто со своими стадами перекочевывали границу и уходили в пределы Монголии. С другой стороны и монголы часто перекочевывали на русский Алтай. В этом процессе завязывались торговые и культурные связи. В Монголию алтайцы ездили за чаем, монгольской материей и другими товарами для своего обихода.

---

[1]) По сообщению И. С. Алагызова и эти 10.000 рублей им не были внесены.

Чуйский тракт для русского торгового капитала был почти исключительно транзитным и развитие местной торговли с Монголией было сосредоточено, главным образом, в руках местных баев.

„Посещая Монголию, — пишет Верещагин, — алтайцы видели, какое разнообразие вносит буддийский культ в жизнь монгола. Кумирни со статуями и священными изображениями... Пышные процессии с музыкой. Религиозные празднества... Все это должно было произвести тем большее впечатление на алтайца, что ведь его собственная жизнь на Алтае так бледна и скучна“ [1]).

Монгольские ламы использовывают свои связи для пропаганды ламаизма среди алтайцев. Все известные нам случаи „появления“ Ойрота связаны как раз с выступлением монгольских лам. Несомненно их непосредственное участие и в движении 1904 г. Среди арестованных вместе с Чет-Челпановым, в долине Теренг, находился лама из Монголии, а у самого Чета при обыске были найдены монгольские книги.

На связь с Монголией бурханистского движения указывает в своем рапорте Томскому губернатору старший советник губернского правления, барон Бруннов, посланный на место происшествия после событий в долине Теренг.

„Произведя расследование, я старался отыскать причины — каким образом невежественный, простой работник-калмык Чет-Челпанов, вдруг сделался проповедником неведомого ему дотоле нового учения, и пришел к убеждению, что источником научения Чета были буддийские ламы из соседней Монголии, бродящие по Горному Алтаю. Хотя мне не удалось добыть прямых положительных доказательств, но к тому имеется ряд косвенных показаний. Не говоря уже о чисто буддийском характере учения Чета, слово „бурхан“ монгольское, до сих пор незнакомое алтайцам. Сам Чет одевался и другим приказывал одеваться в одежду монгольского образца, в принятых в Монголии цветах. Наши бумажные деньги не принимаются простым населением Монголии, которое знает только русскую металлическую валюту. Чет потому изъял из обращения бумажные деньги; печать Чета — копия печати китайских сановников Монголии и, наконец, коронационная шапка Чет-Челпанова изображала из себя шапку высшего в Монголии китайского чиновника с отличительными шариками на верхушке“ [2]).

Верещагин, в уже цитированном выше очерке о бурханизме тоже подчеркивает монгольское влияние: „Сам Чет долго жил в Монголии. При аресте Чета, вместе с ним был захвачен монгольский лама; найдены буддийские книги. Есть указания на то, что девочка Чогул часто уходила и уезжала для свидания со скрывавшимся где-то монгольским ламой. Туда же иногда тайком ходила и жена Чета. Да и сам Чет ездил куда-то, всегда один, но обыкновенно с сумами, набитыми разными подарками“.

[1]) „Сибирский рассвет“ № 3—4 за 1919 год.
[2]) Цит. по Шляеву.

Монгольские ламы, в течение долгих лет вели широкую, но умело скрытую от постороннего глаза, пропаганду среди алтайцев, как в самом Алтае, так особенно среди тех алтайцев, которые часто бывали в Монголии и знали монгольский язык. Из их среды и составились первые кадры ярлык-чи — проповедников бурханизма. „Многие из них,— пишет Анохин,— под предлогом торговых дел, жили в Северной Монголии. Без сомнения, там они познакомились со школой своего будущего служения и с основами нового вероучения“ [1]).

Об одном из видных ярлык-чи Тырые Агемичи, защитник Соколов, в упоминавшейся выше рукописи, пишет, что это был человек „много лет проживший в Монголии в качестве толмача у русского правительственного агента и владевший алтайским, монгольским и русским языком, человек грамотный и знакомый с буддизмом и ламаизмом“.

От монгольского ламаизма и заимствовал бурханизм, как обрядность — почитание ламайских изображений, возжигание перед ними лампад, брызгание молоком, сжигание вереска,— так и религиозную терминологию. „Самое слово „Бурхан“,— пишет Верещагин,— заимствовано с монгольского языка, а по-алтайски оно произносится „Пырхан“. Приучающиеся к молению бурханисты называются, так же, как у буддистов „Шабинор“, „Падарчи“ и т. п. словами, которых нет на языке алтайца“ [2]).

Бурханизм, представляет собой сплетение различных идеологических влияний — ламаизма, христианства, шаманизма и национального эпоса алтайцев и политически был направлен против колонизаторской политики царизма.

Бурханизм был протестом алтайских масс против разорительной колониальной политики царизма, с одной стороны, и кровавого, разорительного для хозяйства культа шаманизма, с другой.

Идеологами и организаторами движения выступила нарождающаяся туземная торговая буржуазия.

Мы уже указывали выше, что на юго-восточном Алтае, на левой стороне Катуни, русское влияние не имело такого широкого размаха как в районе правобережья. Здесь и успехи Алтайской духовной миссии были незначительны. В то время, как в так наз. Черневом районе число новокрещенных доходило до 400—500 человек в год, в левобережном районе число крещеных в лучшие годы не превышало 40—50 человек. И именно в этом районе в долинах Урсула, Каракола, Кырлыка, Ябагана и др. возник и развивался бурханизм.

Разлагающее влияние русской колонизации на родовой быт здесь сказалось в меньшей степени. Порядок управления во многом сохранил еще формы этого родового быта. Во главе дючин, деле-

---

1) „Сибирские огни“, № 5—1927 г.
2) „Сибирский рассвет“, № 3—4 1919 г.

ние на которых почти целиком совпадало с разбивкой по родам „сеок“, стояли зайсаны и демичи, влияние которых было еще сравнительно большим. Они являлись мощными скотоводами, стада которых доходили до нескольких тысяч голов и паслись на обширнейших пастбищах, занимавших зачастую долины нескольких речек.

Но развитие торговых связей с Монголией выдвигает на ряду с этими зайсанами крупных богачей „баев“, которые занимают среди алтайцев выдающееся и экономическое и политическое положение. Ярким образцом в этом отношении является неоднократно упоминавшийся нами Аргамай Кульджин.

Рис. 12. Аргамай Кульджин.

Он видный бай, который до революции был крупным собственником, имел огромные табуны, вел торговлю с заграницей и т. п. В настоящее время он сохранил свое богатство, правда, в значительно уменьшенных размерах. Это бай, но не такой, как Табоков, который в 1917 г. вошел в противоречие с национальным движением. Аргамай — тип совершенно иной. Во-первых, он страшный скопидом. Правда, домов теперь у него нет, но до революции во многих селениях у него имелся целый ряд домов, которые теперь национализированы. Теперь он живет в юрте, но он жил в юрте и до революции. Все путешественники пишут, что он также грязен, также оборван и живет в такой же юрте, как и все прочие алтайцы, хотя и строит дома, но эти дома предназначаются для гостей.

Другим характерным признаком, отличающим Аргамая от северо-западных алтайцев, является его просвещенчество. Он не просто кулак, он любит просвещение. До революции он строил школы и чуть ли даже не судился или находился под судом за постройку школы без ведома миссии, причем лишь путем взятки чиновникам он от этого суда отделался. Характерно и то, что среди всех баев, принимавших участие в гражданской войне, наиболее чистое лицо сумел сохранить Аргамай, хотя несомненно он играл роль незаурядную.

Нет никаких точных документальных данных, которые дали бы возможность утверждать, что Аргамай был действительно руководителем бурханизма. Официальным руководителем был бедный пастух Чет-Челпанов, дочь которого будто бы видела Ойрот-хана, который явился ей и передал свою волю. Характерно что суд оправдал их, ибо даже для суда было ясно, что не Чет фактически был главой движения. Но все косвенные данные приводят к

Аргамаю. Характерно, что во всех политических выступлениях в 1904—1907 гг. Аргамай играл, как мы видели выше, выдающуюся роль. Характерно, также, что в 1917 году, когда началось сепаратистское движение на Алтае, центром были пункты, где находился Аргамай (нынешний Онгудайский и Усть-Канский аймаки, бывшие центром движения в 1904—1905 г.), а сам Аргамай даже состоял уполномоченным по делам республики „Ойрот“.

Активность Аргамая и других подобных ему баев показательна для нарождавшейся туземной торговой буржуазии.

Проникновение русского торгового капитала, русских заимщиков и кулацких элементов на Алтай, внедрение их хищнических и варварских методов накопления в гущу туземного алтайского населения, представляли серьезную угрозу для нарождающегося туземного торгового капитала. Помимо торговой конкуренции, русский торговый капитал вместе с Алтайской духовной миссией грозил еще подорвать его (туземного торгового капитала) общественно-бытовое влияние на алтайцев. Отсюда такая резкая вражда и к миссии и ко всему русскому, отсюда и попытка противопоставить русскому влиянию национальные традиции и предания старины, все то, что связано со славным прошлым алтайского народа. Шаманизм—старая религия алтайцев не выдержал испытания. Он довольно быстро стал сдавать свои позиции под натиском „косматых“ пастырей из духовной миссии и не мог, поэтому, служить орудием „национальной защиты“ от укрепляющегося русского влияния. Вот почему туземная торговая буржуазия так живо ухватилась за бурханизм—„ак-янг“—белую веру.

Таким образом, не отрицая религиозной формы движения, мы определяем бурханизм по существу, как национально-освободительное движение алтайских масс, направленное против колонизаторской политики царизма. Это движение протекало под гегемонией нарождающегося туземного торгового капитала, шедшего на смену разлагающемуся родовому строю. Отсюда борьба бурханизма против духовной миссии,—агента царизма и всего русского, с одной стороны, и против шаманизма, представлявшего старые бытовые и хозяйственные формы—с другой.

Крайне немногочисленная и скудная литература о бурханизме, которая имеется в нашем распоряжении, не только не освещает действительной сущности бурханизма, но даже осложняет и запутывает этот вопрос. Большинство писавших о бурханизме, рассматривают его, главным образом, а иногда и исключительно, как движение религиозное. Отдельные оттенки мысли у этих авторов сводятся к разногласию по вопросу о том, против какой религиозной системы было направлено это новое религиозное движение. По мнению одних—против шаманизма, по мнению других—против христианства.

Верещагин, стоящий на такой „религиозной“ точке зрения, кончает свой очерк о бурханизме следующими строками, осуждающими миссию за ее борьбу с бурханизмом: „И если для рядовых миссионеров бурханизм был жупелом, то верхи-то духовной миссии должны были понять, что переход от многобожия шаманизма к единобожию бухарнизма — огромный шаг вперед по пути религиозного развития алтайцев и мог бы подготовить почву и для сознательного усвоения христианства и, следовательно, распространение „белой веры“ надо было не подавлять, а приветствовать. Приходится признать, что события 1904 г. на Алтае составляют печальную страницу в истории Алтайской православной миссии и мрачной тенью ложатся на отношения коренного населения Алтая к русскому народу“. [1])

Несомненно, что события 1904 г. представляют „печальную страницу“, но эта страница не представляет исключения из тех многих и многих страниц, которые вместе и составляют историю просвещенной деятельности Алтайской духовной миссии—„форпоста православия и русской гражданственности на окраине государства“.

Классовое чутье подсказало и миссии и представителям администрации, что бурханизм не столько религиозное, сколько политическое, национально-освободительное движение и сообразно с этим, они действовали в „событиях 1904 года“.

Несколько особую позицию занимает А. В. Анохин. Правда, в 1912 году он стоял еще на чисто религиозной точке зрения [2]), но в последней своей статье он пишет уже следующее: „... две разнородные причины... предшествовали возникновению в Западном Алтае бурханизма: одна религиозного характера, а другая — экономического. Именно они вырастили и вызвали к жизни алтайский бурханизм“ [3]).

Доказывая свою точку зрения, Анохин, со знанием дела обосновывает полно, хотя и односторонне, причины религиозные, вопрос же об экономических предпосылках (о п о л и т и ч е с к и х мы уже не говорим), у него остается только фразой. Эта фраза является своеобразным отражением победного шествия марксизма, докатившегося даже до далекого Алтая и до Анохина. Конечно, марксистом Анохин не стал, но марксизм на него повлиял настолько, что он заговорил об экономических факторах.

Но даже и в этой статье он приходит к выводу, что главный смысл бурханизма в том, что „сознание народа с принятием бурханизма от вершин гор, преисподних замков, от озер и рек, где, жили их духи, теперь поднялось к небу, к солнцу и луне, от хотонизма (земного) к уранизму (небесному)“.

---

[1]) „С и б и р с к и й Р а с с в е т“, № 3—4 за 1919 г.

[2]) *А. В. Анохин.* — Материалы по шаманству у алтайцев. Сб. Музея антропологии и этнографии при Рос. Ак. Наук т. IV, 2.

[3]) Ст. „Бурханизм в Западном Алтае“ в журн. „С и б и р с к и е о г н и“, № 5 за 1927 год.

Причины таких объяснений бурханизма восходят к Д. А. Клеменцу.

Несомненно, что такой крупный деятель, как Д. А. Клеменц, не сказал всего, что он мог сказать о бурханизме. Перед Клеменцем, когда он писал о бурханизме, стояла не только исследовательская задача. Он выступал экспертом на процессе Чет-Челпанова и др., обвиняемых по делу о бурханизме. Перед ним стояла апологетическая задача, доказать политическую невинность Чета, доказать, что Чет руководил чисто религиозным движением, которое для алтайцев является шагом вперед по пути перехода от многобожия (шаманизма) к единобожию. Что именно такова была линия защиты на суде, доказывают, например, записки одного из защитников А. Н. Вознесенского[1]).

Несомненно, что эта апологетическая задача руководила Клеменцем, когда он писал свою работу о бурханизме. Но эпигоны Клеменца дальше его не пошли в объяснении движения, сводя свою роль к собиранию фактов, описанию, но не к объяснению и анализу. Не будучи марксистами и не владея историко-материалистическим методом исследования, они, по существу, ничего не сделали для понимания бурханизма.

---

[1]) *А. Н. Вознесенский.* Тени прошлого (по царским судам). Изд. Политкаторжан М. 1928 г. Очерк: „Отрыжка средневековья—Колдун Чет-Челпанов".

ГЛАВА VII

Революция 1917 года и национальное движение на Алтае.

В годы первой революции ни одно из требований, как политического, так и экономического характера, выдвинутых бурханизмом, как национально-освободительным движением алтайских масс, не было удовлетворено. Трагедия в долине Теренг была только началом той политики травли и „искоренения", которая была предпринята по отношению к первой попытке национального самоопределения со стороны алтайских масс. Но несмотря на рост агрессивных действий со стороны правительственных агентов и духовной миссии, движение ликвидировать не удалось, оно зрело и развивалось в недрах горных ущелий, по долинам маленьких горных речушек, в песнях-молитвах ярлык-чи. Скрытая от внешних взоров маской смирения и успокоения, росла ненависть к царизму, к миссии, к русским; крепла вера в неизбежное пришествие Ойрота, когда „у слиянья Бии и Катуни произойдет великая битва между русским народом и народом монгольского племени, когда у русских будет царь Михаил" [1]) и алтайский народ станет свободным.

Нужен был новый толчек, чтобы с новый силой привести в движение массы „алтай-кижи". Этот толчек был дан революцией 1917 г.

С большим подъемом была встречена в алтайских аилах радостная весть о падении самодержавия. „На горном Алтае небывалое оживление,— констатирует корреспондент „Отечества",— Алтайские инородцы в первые же дни свободы кликнули клич среди своих сородичей, с призывом объединиться. Призыв всколыхнул весь горный Алтай".[2])

Ожили прежние надежды и перед взором алтайцев опять приняли осязаемую форму герои национальных сказаний, мессианистические чаяния, казалось, теперь уже наверное близятся к осуществлению.

---

[1]) *Верещагин.* От Барнаула до Монголии (путевые заметки). „Алтайский сборник", т. IX, 1908 г.

[2]) *„Отечество".* № 84—24 авг. 1917 г.

„В феврале, марте месяцах т. г., — сообщает барнаульская газета „Голос Труда“,—среди инородцев Урсульской волости, Бийского уезда стали получаться тамзы (письма) из Монголии и пределов Китая, где сообщалось, что у инородцев будет новый Каан Амыр-Сана (по русски—царь Амыр-Сана), который явится в этом году и отберет инородцев от России себе при помощи войны. Война произойдет при устье р.р. Бии и Катуни, т.-е. почти в самом городе Бийске. С завоеванием инородцев, он оставит их в покое и не будет уже брать в солдаты, имея собственное войско, взятое из Монголии и Китая. Приходу нового Каана должно предшествовать появление нами (ламы), после которого придут 17 кегэнов-проповедников, затем 700 собак и уже за ними придет 7000 богатырей, которые и нападут на русских. Ко времени появления богатырей, все калмыки должны быть готовы, иметь в запасе всех своих лошадей. Кроме того в письмах указывалось, чтобы инородцы Алтая хлеба не засевали, т.-к. он все равно пропадет, а сами бы инородцы от трактов отъезжали подальше. Инородцы этими слухами были сильно встревожены и с нетерпением ожидали войско и нового Каана. По звездам выходило, что он должен быть 10 мая, но он не пришел, не пришел и 18 мая, когда по звездам опять должен был явиться. Калмыки ждут его и по сию пору, уверяя, что Каан обязательно придет. Среди инородцев замечается волнение. Связано это волнение со сказкой об Амыр-Сане, или основано на чем другом, трудно сказать, но факт тот, что часть инородцев Катандинской волости отделилась самовольно и присоединилась к Урсульской волости, объясняя свой переход тем, что „инородцам необходимо объединяться вместе, чтобы сообща добиваться своих прав“. [1])

Революция дала движению живой и привлекательный лозунг, который был подхвачен алтайцами, „руководимыми своими интеллигентами - областниками“ [2]), — лозунг национального самоопределения.

В марте 1918 года в отчете Алтайской Горной думы, мы читаем об этом периоде следующее: „Вчера еще бесправный раб царского произвола стал сегодня свободным гражданином свободной страны. Много лозунгов было провозглашено, лозунгов, дающих каждому русскому гражданину право и свободу действий в том направлении, какое ему подсказывает его совесть, лишь бы эта свобода действий не являлась преступной, попирающей свободные права другого, не вредящей обществу и отдельным членам его. На ряду с другими лозунгами, демократия страны провозгласила „*самоопределение народностей*“. Волна теплого, неизведанного доныне чувства радости, чувства удовлетворения проникла в сердце каждого, кто до сего времени не мог подать своего голоса за

---

[1]) „Каан Амыр-Сана“—„*Голос Труда*“, № 88 от 18 ноября 1917 г.

[2]) Ст. Курского. „Заря новой жизни Горного Алтая“ в газете „*Жизнь Алтая*“ (Барнаул) № 145 от 9 июля 1917 г.

улучшение своего существования, кто вынужден был из страха перед различными репрессиями, молча сносить всякие притеснения, всякие попрания своих личных прав человеческого достоинства... Каждый знает, что большинство инородцев — люди мало культурные, не развитые. В сравнении с русским населением инородческое население является безусловно отсталым во всех проявлениях его повседневной жизни, в культуре его хозяйства, следствием чего и было то обстоятельство, что инородцы, осевшими на их земле русскими переселенцами, были оттеснены с их

Рис. 13. Алтайцы.

насиженных мест в южную часть Горного Алтая к самой монгольской границе.. Инородцы, несмотря на то, что и закон был на их стороне, как народ смирный, боязливый, безропотно подчинился силе положения вещей, уступая то, что принадлежало им по праву. Если перечислить здесь все те насилия, которым подвергались инородцы со времени населения Алтая пришлым русским элементом, то перед вами встанет во всей своей наготе кровавая картина, так как инородцы, не желавшие уступать своих насиженных мест, беспощадно избивались переселенцами. Но инородцы не злопамятны... Наступило 1-е марта минувшего года. Все национальности необъятной России на основании республиканских свобод стали самоопределяться. Глядя на них, и инородцы Горного Алтая, численностью до 75.000 человек, решили объединиться и взять свое внутреннее управление в свои руки". [1])

[1]) Отчет Алтайской Горной Думы. „Протокол Учредительного Горно-Алтайского Краевого съезда инородческих и крестьянских депутатов" стр. 4—5.

С громадным подъемом прошла по всему Горному Алтаю подготовительная работа к намеченному на июль месяц съезду алтайцев в Бийске.

30 марта 1917 года Урсульский Волостной Исполнительный Комитет постановил:

„1. Установить демократически-республиканский образ правления, а именно: дать свободное переселение алтайцам с места на место, не ограничиваясь произведенным при старом правительстве землеустройством, ввиду их главного источника для существования—скотоводства, каковое пало до неузнаваемости, мелкий же скот совсем исчезает.

2. Свободно пользоваться бесплатно бывшими кабинетскими землями, лесами, плодами и богатствами земельных недр.

3. Взыскать за монастырские земли Чулышманского и Улалинского монастыря по 1 рублю за каждую десятину, за 12 лет с начала Государственной Думы 1905 г. и таковые деньги употребить на устройство сельско-хозяйственного училища для населения Алтая. Место для этого училища отвести из земельного участка Улалинского женского монастыря, а также всю арендную плату за Рахмановские ключи и упразднить все арендные статьи на кабинетские земли“.

22 июня 1917 года на собрании алтайцев Бешпельтирского сельского общества, на котором присутствовало 60 человек, были избраны делегаты на Бийский съезд и им был дан следующий наказ:

„1. Земли: кабинетские, монастырские и церковно-причтовые, желательно бы нам, чтобы правительство нам вновь разрешило пользоваться как мы прежде пользовались до нарезки земель. Наши инородцы занимаются исключительно скотоводством, а выгон скота у нас стеснен смежными кабинетскими землями.

2. При этом желательно бы было нам, чтобы правительство разрешило нам пользоваться в кабинетских долах орешным и зверовым промыслом бесплатно, или же облегчило против прежних налогов цены за промысловые билеты“.

Аналогичные решения были вынесены Чепошским „народным собранием“ 19-го июня:

„1. Уполномочить своих выборных в Бийский алтайский съезд на ходатайство о зачислении бывших кабинетских земель в пользование жителей Горного Алтая, так как все жители Алтая занимаются исключительно скотоводством, для каковаго нужны земли.

2. Постановили: ходатайствовать о разрешении промысла, как ореха, так и зверя на прежних условиях, то-есть, без аренды или без уплаты за промыслы“.

Все делегаты, избранные на съезд, получили наказы примерно такого же содержания.

1 июля 1917 г. открылся в Бийске „Съезд представителей инородческих волостей Горного Алтая“ (1—6 июля). Об атмосфере,

в которой происходил съезд, можно судить по следующему красочному описанию: „Настроение участников съезда мало назвать воодушевлением,—они казались одухотворенными строительством новой светлой жизни. Это не выработка проектов и форм предстоящего самоуправления, нет эта работа напоминала что-то дивно прекрасное: здесь невесту к венцу обряжали, здесь каждая мелочь, деталь с любовью прилаживалась к целому, украшалась самым благородным назначением. В общем настроение съезда внушает веру в будущее этого народа, потому что чувствуется, что у него есть искреннее стремление к свету, свободе и счастью“. [1])

По кардинальному вопросу о самоуправлении, съезд постановил „обратиться в надлежащие инстанции о признании самоопределения в самостоятельную земскую единицу, а пока, на переходное время, до признания, временно организовать свой собственный исполнительный орган, назвав его Алтайской Горной Думой“ [2])

Алтайская Горная Дума в своем отчете особенно подчеркивает, что создание этого органа не было „самочинным актом“. „Необходимо упомянуть, что такое возникновение Алтайской Горной Думы, ни в коем случае не может считаться самочинным, так как до этого на Томском Народном Собрании от 7 мая 1917 года, в заседании в Томске, представителями четырехмиллионного населения прежней Томской губернии, лучшими, избранными умами этого населения было определено—предоставить инородцам Алтая, в силу их особой культуры, быта и уклада жизни, в силу совершенно особых географических, этнографических и почвенных условий тех местностей, которые они населяют, полную возможность самоопределения и создавать свое самоуправление. Таким образом, алтайские инородцы, создавая свое самоуправление, исполнили лишь волю представителей четырехмиллионного населения Томской губернии“. [3])

По не менее важному, чем самоуправление, земельному вопросу, был сделан на съезде доклад священником Борисовым „о прошлых земельных стеснениях инородцев Алтая, об их безуспешных попытках добиться перед старым правительством защиты против захватнической политики кабинета путем отграничения территории их землепользования“. По этому докладу съездом была принята следующая резолюция:

1. „Все бывшие кабинетские, монастырские и запасные церковно-школьные земли, леса, расположенные в Горном Алтае, должны поступить в неотъемлемое пользование инородцев Алтая.

2. Русское население имеет остаться на тех землях, какие оно получило при землеустройстве.

3. Земли переселенцев из внутренних губерний России, в случае возвращения обратно таковых на родину, занимаются инородцами.

---

[1]) Ст. М. Курского. „Заря новой жизни горного Алтая“ в газете „*Жизнь Алтая*“ № 147 от 11 июля 1917 года.

[2]) Отчет Алтайской Горной Думы, „Протокол“, стр. 6.

[3]) Там же, стр. 6.

4. Арендные договоры на землю должны быть уничтожены.

5. Форма пользования землей должна быть общинной.

6. Разработка недр земли без согласия Горной Думы не должна допускаться.

7. Порядок пользования выгонными местами остается прежний.

8. При желании, русское население может оставаться в составе входящих в круг ведения Алтайской Горной Думы инородческих волостей при преобразовании их в земские единицы.

9. Непричастное к сельским обществам Алтая русское население до Учредительного Собрания в пределах Горного Алтая, селиться не должно".

Вопрос о средствах на содержание Думы был съездом решен следующим образом:

„1. Ходатайствовать о передаче алтайскому земству взимавшегося кабинетом сбора за прогон по Чуйскому тракту скота, по 30 коп. с головы крупного и по 5 коп. с мелкого (из расчета 10.000 крупного и 30.000 мелкого скота).

2. В возмещение за то, что: 1) испокон века принадлежащие инородцам земли Алтая были безо всякого права захвачены кабинетом, 2) что кабинет пользовался бесплатно путями сообщения, земской гоньбой, квартирами и т. д., 3) что хозяйственная политика кабинета внесла в жизнь алтайцев разруху, толкнув их на путь вымирания и культурного застоя, и 4) что сборы эти шли не в пользу государства, а на кабинет,—ходатайствовать об отчислении 50% сборов за аренду бывших кабинетских земель, на просветительные и культурные нужды алтайских инородцев".

Классовая диференциация среди алтайцев была еще настолько незначительна, что в движении 1917 года классовые противоречия между тонкой байской прослойкой и основной массой населения еще не играли большой роли. Вокруг идеи национального самоопределения байство и немногочисленная национальная интеллигенция смогли, поэтому, мобилизовать массы алтайцев и повести их за собой. Этим объясняется и радикализм решений, принятых как на Бийском съезде, так и Горной Думой.

Руководство Горной Думой попало в руки немногочисленной национальной интеллигенции, руководимой крупными сибирскими областниками, вроде Анучина. Деятельность ее стала проходить под сильным эсеровским влиянием.

Еще на бийском съезде с приветствием от имени Томского губернского комитета партии социалистов-революционеров, выступил М. Б. Шатилов, „объяснив, что право свободного самоопределения и самоуправления всех народностей легло в основу учения этой партии" [1]).

Через некоторое время „Томский комитет партии с.-р. ... заявил алтайцам через М. Б. Шатилова о своем решении пойти навстречу в проведении их кандидата путем включения его в изби-

[1]) „*Жизнь Алтая*" 1917 г. № 149.

рательный список партии с.-р., если кандидат этот будет соответствовать требованиям партийной программы. Общее собрание, обсудив это предложение, остановилось на кандидатуре своего сородича-врача-алтайца В. Т. Тибер-Петрова, в случае же, если кандидатура Петрова по каким либо причинам не будет принята, то решено выставить кандидатом М. Б. Шатилова... обязавшись на выборах поддерживать эту партию" [1]).

Мы не знаем, как отнеслись эсеры к кандидатуре Тибер-Петрова, но надо полагать, что эта кандидатура алтайца оказалась „несоответствующей требованиям партийной программы", так как на заседании от 29 августа 1917 года, Алтайская Горная Дума постановила командировать Г. М. Токмашева и С. И. Гуркина в Кузнецкий и Бийский уезды „для агитации кандидатуры представителя алтайцев в Учредительном Собрании М. Б. Шатилова (с.-р.)" [2]).

Результаты оказались весьма благоприятными для эсеров. Шатилов был избран членом Учредительного Собрания, а Алтайская Горная Дума официально приняла программу партии с.-р. Поздравляя Шатилова с избранием, Дума, между прочим, писала: „Зная, что Вы всегда стояли на страже угнетенных и обездоленных, Горная Дума от лица всего населения Горного Алтая вообще и инородчества Алтая в частности, посылая Вам свои искренние и горячие благопожелания, вместе с тем глубоко уверена, что Вы, как представитель партии социал-революционеров будете стойко держаться на платформе программы этой партии и блюдя интересы возлагающего на Вас надежды населения Горного Алтая, оправдаете то доверие, которое мы Вам настоящим имеем честь засвидетельствовать" [3]).

Уполномачивая Тибер-Петрова представительствовать от имени алтайцев в Сибирском Областном национальном Совете, Дума уже открыто связывает его эсеровской программой: „Алтайская Горная Дума... облекает Вас своим доверием в полной уверенности, что Вы стойко будете отстаивать интересы представительствуемого Вами народа. Учитывая то обстоятельство, что при перевыборах в Учредительное Собрание, 80% инородчества Алтая подали свой голос за список партии социалистов-революционеров, а следовательно этим самым определили для себя, как более соответствующую их чаянию программу этой партии, руководствуясь которой в Ваших работах, Вы несомненно и оправдаете возложенное на Вас доверие" [4]).

С первых же шагов своей деятельности, Дума столкнулась с громадным затруднением — национальной враждой между алтайцами и русскими. Эта вражда, взращенная долгими годами коло-

---

[1]) *„Жизнь Алтая"* 1917 г. № 165.
[2]) Протокол заседания Горной Думы, № 10.
[3]) Письмо Алт. Горн. Думы от 8 января 1918 г. № 103.
[4]) Тоже от 4 января 1918 г. № 42.

низационной политики, еще более усилилась, благодаря, с одной стороны—мелко-буржуазной политике Алтайской Горной Думы, и с другой—неправильной национальной политике русского населения и уездных и губернских учреждений.

Сепаратистские стремления, зачастую связанные даже с мечтами о восстановлении великого государства Ойротов, были очень сильны среди руководящего состава Алтайской Горной Думы.

Так, например, Г. М. Токмашев, бывший ст. инструктор Горной Думы, избранный ею членом Сибирского Национального Совета, пишет ей в письме от 15 января 1918 года:

„Я лично все-таки мечтаю, если будет возможно, выделиться в особую самостоятельную земскую единицу, в федерацию Алтая в союзе с минусинцами и может быть к нам присоединится Урянхайский край. Очень было бы хорошо и очень возможно. К этому будем стремиться“.

Эти сепаратистские стремления, подогревались усиленной агитацией сибирских областников. Тот же Токмашев в феврале 1918 г. сообщает Горной Думе: „В национальном Совете движет почти всю работу В. И. Анучин. Он подает нам готовые законопроекты на наше рассмотрение. Об устройстве Алтая Василий Иванович мыслит так: Алтай должен быть самостоятельным штатом с присоединением к нему минусинцев и Урянхая. Когда он делал мне это предложение, мне показалось очень возможным осуществление этого предположения Анучина, т.-е. о соединении этих народов в одну автономию. Конечно, Анучин, как автономист, прекрасно знаком со всеми устройствами республик и приводил много примеров. Выделение в самостоятельный штат—штука очень заманчивая. Почему не быть самостоятельными, почему не пользоваться нам, совместно с минусинцами всеми богатствами Алтая? Но для осуществления возможно ли? Он все-таки легко может устроить. У него много источников и предположений и он не прочь бы переехать к нам на какую-нибудь службу“.

Основная принципиальная установка Горной Думы давала себя знать и в решении практических вопросов.

27 июля 1917 года в отношении на имя министра земледелия Чернова, Дума свои задачи в области разрешения земельного вопроса формулировала следующим образом: „Задачи этой Думы заключаются в объединении всего инородческого населения Горного Алтая и сосредоточие в ее руках всех земель, на которых проживает это население в целях выработки земельных норм пользования“.

В решениях и мероприятиях Горной Думы, эта программа находила себе конкретное выражение. При разрешении земельного вопроса, Горная Дума исходила из того положения, что алтайские инородцы должны теперь зажить своей особой жизнью и получить возможность построить в будущем свое хозяйство, сообразно особенностям своего уклада. Дума поэтому постановила, что почти

весь Алтай, площадью, примерно, свыше 7 миллионов га земли [1]) должен отойти в полное пользование алтайцев. Что касается недр, то Дума постановила, что их разработка может быть произведена только с ее согласия. „Эта оговорка введена потому, что на Алтае сейчас ходят самые упорные слухи о том, что в Сибирь направляется иностранный капитал. Вот ему-то инородцы и хотят оказать всяческое противодействие“ [2]).

Решения Бийского съезда вместе с дополнениями и практическими мероприятиями, намеченными Горной Думой, она пыталась неоднократно оформить в „законном“ порядке, но неизбежно наталкивалась на сопротивление.

„25 июля Горная Дума посылала делегатов, во главе со своим председателем, известным художником, инородцем Гуркиным, в Барнаульский Губернский Земельный Комитет [3]) для доклада и решения земельного вопроса и защиты принятых Думой постановлений. В Комитете делегаты встретили сильное противодействие. Комитет единогласно признал проект думы неприемлемым. Наоборот, все культурные начинания Думы встретили живое сочувствие. Делегаты уехали ни с чем. Ехали они в Комитет глубоко убежденные в своей правоте, с верой в то, что Горный Алтай, являющийся для России каким-то маленьким клочком земли и издавна принадлежавший инородцам, будет им возвращен. А уехали разочарованными, непонятыми, обиженными“ [4]).

Вопрос о выделении Горного Алтая в самостоятельную административную единицу в работе Горной Думы занимал не меньшее место, чем вопрос земельный. Здесь Дума пошла даже на своеобразный дипломатический ход. „Представители Алтайской Горной Думы, увидя полную невозможность в такое тяжелое для всей России время работать под чисто национальным флагом и страшась, чтобы работы Думы в этом направлении не были провоцированы недоброжелателями инородцев, чтобы на местах не развить

---

[1]) Земельные площади Горно-Алтайского уезда:

1. Надельных	1.999.348,2 га
2. Кабинетной:	
а) Телецкое л-во	2.246.623,9 „
б) Онгудайское л-во	2.294.530,3 „
в) Улалинское „	620.495,5 „
г) Чарышское „	491.513,1 „
3. Монастырских:	
а) Улалинский монастырь	7.040,3 „
б) Чулышманский „	4.114,9 „
в) Чемальский „	90,7 „
4. Всего по уезду	7.663.756,9 га

[2]) Ст. *О. Чемальского:* „Алтайская Горная Дума“ в газ. „Отечество“ № 34 от 24/VIII—1917 года.

[3]) В 1917 году из Томской губ. была выделена Алтайская губерния в составе 5 уездов (Барнаульского, Бийского, Славгородского, Каменского, Змеиногорского). Губ. центр—г. Барнаул.

[4]) Цит. ст. О. Чемальского.

вражды между русским и инородческим населением, решили провести выделение Горного Алтая в рамках уездного земства, в чисто краевых интересах“ [1]).

После того, как состоялись выборы в Бийское уездное земство, Алтайская Горная Дума поставила вопрос о выделении из Бийского Горно-Алтайского уезда на чрезвычайном собрании Бийских уездных земских гласных 22 ноября 1917 года. Земское собрание, высказавшись в принципе за выделение, отложило вопрос о границах нового уезда до следующего собрания с тем, чтобы собрать приговоры и постановления волостных и сельских народных собраний о желании или нежелании войти в состав нового уезда.

Горная Дума лихорадочно взялась за подготовку приговорной кампании о выделении. Рассылались циркулярные письма, командировались инструктора и в результате, к 10 января 1918 года ей удалось получить 35 сельских и волостных приговоров за выделение и лишь 13 против.

Выразили желание выделиться волости: 1) Мыютинская, 2) Быстрянская, 3) Чемальская, 4) Онгудайская, 5) Горно-Онгудайская, 6) Улалинская, 7) Кош-Агачская, 8) Урсуло-Кеньгинская, 9) Уймонская, 10) Усть-Канская, 11) Келейская, 12) Улаганская, 13) Тайнинская, 14) Алтын-Кольская, 15) Чибитская, 16) Нижне-Кумандинская, 17) Черно-ануйская — всего 72.000 душ.

Выразили желание остаться в Бийском уезде следующие волости: 1) Сузопская, 2) Катандинская, 3) Киргизская, 4) Успенская, 5) Шебалинская — всего 9.000 душ.

Все эти материалы были представлены Алтайской Горной Думой Бийскому уездному земскому собранию 11 января 1918 г. Здесь предложение о выделении Горного Алтая в отдельный уезд встретило сильный отпор. В прениях высказывались сомнения в правильности представленных приговоров. Некоторые гласные утверждали, что уезд вообще незачем делить, что если „инородцы отделятся, то пойдут войной вместе с монголами против нас“.

После долгих и горячих прений по предложению гласного Большеротова, была принята следующая резолюция: „Представленный доклад Алтайской Горной Думой с приговорами селений о выделении из Бийского уезда в самостоятельный Горно-алтайский уезд и все приговоры передать Земской Управе для проверки на местах, совместно с Алтайской Горной Думой, причем, если от каких-либо селений не окажется приговоров, то взять вновь и все это представить на рассмотрение следующего очередного Земского собрания с объяснительной запиской ко всему и указанием границ“.

В этом решении Горная Дума усмотрела явную попытку сорвать намечающееся выделение Горного Алтая в самостоятельную административную единицу и затуманивание ясного, казалось бы, вопроса. Ею был подан Земскому собранию протест, следующего

[1]) Отчет Алтайской Горной Думы. „Протокол..“ стр. 7.

содержания: „У Вас было настроение совсем не выделять инородцев, да к счастью, Вы на это не имеете ни малейшего права. Если Вы себя объявили свободными гражданами свободной страны и требуете для себя всяческих социальных и демократических свобод, то какое право имеете Вы тормозить самоопределение семидесяти-тысячного населения? Ваши желания ясны. Вам хочется, как господствующей нации, снова поработить меньшую по численности нацию и диктовать ей свои условия. В свободной стране Вы этого права не имеете... Мы сделали все, что было в наших силах, чтобы пойти с Вами рука об руку по пути развития и цивилизации, но Вы этого не приняли. Теперь оскорбленные до глубины души Вашим недоверием и Вашими эгоистическими замыслами, мы от имени 70.000 инородческого населения Горного Алтая заявляем, что оно объединяется в самостоятельную национальную единицу, игнорируя Ваше эгоистическое желание затянуть на неопределенное время создание нового уезда... Вы не хотите работать с нами рука об руку на пользу целого края, так не мешайте же нам устроить свою жизнь по-своему, как подсказывает наша совесть... Не желая новых оттяжек и проволочек, проведем это в жизнь явочным порядком“.

В тот же день алтайцы—члены Бийского земства: Гуркин, Борисов, Аргамай Кульджин и Михайлов, в знак протеста сложили полномочия и удалились с собрания.

Горная Дума, порвав с Земством, приступила к созыву учредительного Горно-Алтайского съезда в Улале, чтобы явочным порядком оформить создание горно-алтайского уезда.

13 января 1918 года за № 132 она обратилась к волостным земским управам с предложением выделить делегатов на этот съезд, следующим образом мотивируя свой разрыв с Бийском: „Они забыли, преследуя узкие эгоистические цели, что в свободной стране есть свободный лозунг „самоопределение“. Они вернулись в своих стремлениях к тому образу действий, который практиковался у нас во времена Столыпина и Плеве“.

Были у Алтайской Горной Думы столкновения с бийскими учреждениями не только на этой почве.

11 января 1918 года Алтайская Горная Дума возбудила ходатайство перед Бийским городским продовольственным комитетом об отпуске из имеющихся запасов 15.000 пудов соли для нужд населения Горного Алтая. Продовольственный Комитет ответил, что свободных запасов соли у него нет, а имеющийся запас может быть распределен между населением Горного Алтая лишь в обмен на хлеб.

Этот ответ был воспринят Думой, как еще одна обида и нежелание считаться с нуждами алтайского народа, у которого никогда нет хлеба. „Такой документ,—пишет она в своем отчете,—приходится рассматривать, как злую, неуместную и несвоевременную шутку.“

Пока шла борьба в „верхах“ между Алтайской Горной Думой и Бийскими уездными учреждениями, на местах отношения между русскими и алтайцами все более и более обострялись. Многолетняя национальная вражда в первые месяцы после февральской революции не только не уменьшилась, но еще более выросла. Взаимная ненависть стала принимать явно опасные формы. Отчужденность и настороженность русских и алтайцев друг к другу грозила вылиться в непоправимые бедствия.

В русских селах Горного Алтая весть о февральской революции ничего не изменила. Внутренний распорядок и классовые отношения не были нарушены. Авторы рукописи „Возникновение первых революционных органов в Катандинской волости“ в своих воспоминаниях эпически просто описывают свою Катанду, для которой революция свелась лишь к частым переменам названий. В конце марта 1917 года, когда до Катанды дошла весть о свержении самодержавия, волостной старшина был переименован в председатели волостного исполнительного комитета, а сельский староста в председатели сельского комитета. Люди и обязанности остались те же.

Рис. 14. Катанда.

Зато катандинцы оказались очень чувствительными к начавшемуся среди алтайцев движению и стали во враждебное к нему отношение.

5-го июня 1917 года на заседании Катандинского сельского исполнительного комитета „председатель Тупикин внес на обсуждение комитета вопросы: в виду тревожного состояния и волнения окружающих инородцев, положение села Катандинского, как находящегося в непосредственной близости к их стойбищам, в случае их враждебных отношений, довольно опасно, так как ни сельская

милиция, ни население вовсе не вооружены и не имеют оружия для самозащиты. Постановили: Просить Катандинский волостной исполнительный комитет войти в ходатайство перед Бийским Уездным исполнительным комитетом о вооружении сельской милиции, а также не окажется ли возможным выслать для населения, в целях самозащиты, небольшого количества оружия, в распоряжение волостного комитета".

Катандинский волостной комитет, направляя этот протокол Бийскому уездному исполнительному комитету охраны порядка и безопасности, сообщает, что „пока никаких опасных выступлений со стороны калмык не усматривается, но русское население действительно опасается, а потому, пока устанавливается за жизнью калмык негласный присмотр... Все эти смуты безусловно принадлежат г. г. Урсульским волостным-председателю Кондешеву и пом. секретаря Манышеву и вообще их темным сторонникам на реке Урсуле и урочище Каракол, где они строят юрты для легендарного Амырсану".

Тот же Катандинский Комитет 4 июля арестовал Кондешева и Манышева, ездивших в служебную командировку в алтайские урочища Катандинской волости, пожелавшие присоединиться к Урсульскому волостному комитету.

Арестованные были препровождены в Урсульский волостной комитет, при отношении за № 603 с просьбой „водворить означенных лиц в место своего жительства и воспретить им вторгаться в пределы Катандинской волости с распространением своей власти и агитированием среди калмык о переходе их в Урсульскую волость и т. п."

С другой стороны и алтайское население стало проявлять враждебное отношение к русским. 4-го сентября 1917 года Нижне-Кумандинское волостное инородческое собрание, ознакомившись с решениями Бийского съезда, приступило к выборам волостного исполнительного комитета, земельного комитета и народного суда. Вместо прежнего председателя комитета, русского Лысенко, был избран алтаец Кордаков. Сообщая об этом постановлении в Алтайскую Горную Думу, секретарь Комитета пишет: „Повод к перевыбору другого лица в председатели тот, что инородцам не надо, чтобы кто-нибудь был русский, а нужно, чтобы все члены были инородцы".

Алтайская Горная Дума объясняла обостренные отношения злостной агитацией тех „которым всякая культура, всякая цивилизация и вообще все то что ведет темные массы к свету, к знанию, далеко не выгодны, так как эти несомненные блага всего человечества, лишают их возможности в дальнейшем также бессовестно пользоваться темнотой народной, лишают возможности самым подлым образом эксплоатировать неразвитого, но доверчивого инородца, пресекают им пути к наглому обману, к наживе, построенных на невежестве народа... Стали распространять слухи о том что инородцы, с выделением в самостоятельную земскую единицу,

станут выгонять русских со своих земель (не упоминая о том, что права меньшинства ограждаются законом республики от всяких посягательств на них), и в результате добились того, что многие стали смотреть на Горную Думу недоверчиво, с затаенной злобой“ [1]).

Русские наоборот, объясняли разросшуюся рознь близорукой националистической политикой Горной Думы, выкинувшей лозунг: „Иер-су-хан-Алтай“ („Земля и воды Алтая для алтайцев“).

В действительности виновными оказались обе стороны и к краевому учредительному Горно-Алтайскому съезду, Алтай пришел в обстановке напряженной и тяжелой национальной вражды.

---

1) Доклад Алтайской Горной Думы. „Протокол...“ стр. 6.

ГЛАВА VIII

Учредительный Горно-Алтайский Краевой съезд

(21—27 февраля 6—12 мрата 1918 года).

На учредительный Горно-Алтайский Краевой съезд инородческих и крестьянских депутатов, съехалось всего 133 делегата, в том числе 112 делегатов от сельских инородческих и крестьянских депутатов и 21 человек, приглашенных в качестве сотрудников-специалистов и командированных кредитными, кооперативными и общественными организациями.

21 февраля (6 марта) 1918 года, съезд был открыт председателем Алтайской Горной Думы—художником Гр. Ив. Гуркиным, следующими словами: „С божьего благословения и благословения народа, пославшего вас на этот съезд, граждане, объявляю съезд открытым“ [1]).

Председателем съезда был избран В. И. Анучин и затем было приступлено к заслушиванию приветствий от ряда лиц, в том числе от В. И. Анучина, доктора В. М. Донца и священника С. Борисова. Последний свое приветствие зачитал в стихотворной форме. Были также получены приветствия из Минусинска от Комитета санайских, хакасских и других инородческих племен, от Якутского исполкома, от Омского уездного киргизского исполнительного комитета и от Томского губернского мусульманского съезда. Последний в своей телеграмме писал: Томский губернский мусульманский съезд приветствует первый свободный инородческий съезд, желает кровным братьям нашего племени полного успеха в делах. Да здравствует свободный монголо-тюркский народ на родной колыбели Алтая. Председатель съезда Нурула Карпов“.

Настроение национальной интеллигенции, руководившей съездом, прекрасно выразил Гуркин, в своих письмах к Н. С. Гуляеву и другим, в Барнаул.

---

[1]) Протоколы съезда, стр. 3. „Алтайский мирок“, барнаульская газета № 26 от 20/III—18 г. приводит вступительное слово Гуркина в следующем виде: „С божьего благословения, с благословения нашего голубого Алтая, объявляю учредительный Горно-алтайский съезд открытым“.

„Простите, что редко пишу вам,—пишет он в письме от 1-го (14) марта 1918 г.—Чувства мои, любовь и самые лучшие пожелания всегда с вами, а потому не обижайтесь на алтайца вашего, отдавшего все свое дорогое, красивое, вечно не умирающее искусство на служение своему народу... Мне взгрустнулось, когда надо было радоваться, когда любовь, счастье идет на встречу народу Алтая. Тысячу вопросов. Исполним ли мы, сыны Алтая, возложенные на нас обязанности, по плечу ли нам общественная работа и крепко ли любим мы свой народ, свою родину—Голубой Алтай... Посмотрите на нашем съезде на эти чумазые, загорелые лица алтайцев, на их, с детской верой сверкающие глаза, на их дружные выкрики и поднятие рук при баллотировках. Они с большой верой идут за нами, как за путеводною звездой к обещанной земле. Их верою принимаются все наши доклады и сметы. Только их верою и их поддержкою. А мы только исполнители. Мы только отражение их детских сердец. И мы идем с их верою, как с пылающим солнцем на высоту вперед“.

Рис. 15. Г. И. Гуркин.

На первом заседании, после приветствий и выборов мандатной комиссии была принята следующая повестка дня съезда:

1. Доклад секретаря Алтайской Горной Думы Вильдгрубе, о работе и заданиях Думы.
2. Отношение съезда к докладу Думы.
3. О выделении в самостоятельную область.
4. Образование комиссий: а) административной, б) судебной, в) земельно-лесной, г) народного здравия, д) страховой, е) народного образования (культурно-просветительной), ж) сельскохозяйственной, з) путей сообщения и земской гоньбы, и) организации военной охраны и милиции, к) финансовой, л) по разбору жалоб и претензий.
5. Доклады с мест и постановление Кузнецкого отдела Алтайской Горной Думы.
6. О резиденции областного самоуправления.
7. Об основании самостоятельного областного города.
8. Об отношении к центральной власти.
9. Обсуждение работ комиссий.

По отчетному докладу Алтайской Горной Думы, с которым мы познакомились уже в предыдущей главе, после продолжитель-

ных прений абсолютным большинством при 1 против и 8 воздержавшихся, была принята следующая резолюция:

„Выслушав доклад Алтайской Горной Думы и принимая во внимание, что работа Думы шла в исключительно неблагоприятных условиях, а именно: с нею многие не считались, ее не признавали, как коллективное общественное учреждение; без средств, без опытных общественных сил, она все же шла по тому пути, который ей наметило алтайское население, основавшее ее. Многие ее добрые начинания, постановления и решения, не встречая доброго к себе отношения, конечно, не могли принести и хороших результатов; все же Горная Дума для алтайского населения служила тем руководителем, по пути которого стремится итти алтайское население, жаждущее свободы, благоустройства и благосостояния своего бедного, забытого края, а потому съезд постановляет: доклад принять к сведению и благодарить Думу за ее тяжелую работу“ [1]).

Большие и продолжительные прения возникли по вопросу о выделении в самостоятельную область. На состоявшемся 4-го марта частном совещании руководителей съезда выяснилось, что взгляд на форму отделения у Горной Думы переменился. Она не удовлетворяется теперь выделением горного Алтая в уезд, а выдвигает требование выделения в округ (губернию) или даже в самостоятельную республику. Мнения участников совещания разбились. Одни высказывались за округ, другие за республику, за уезд никто. Чтобы не разбить съезда на два лагеря, решили сойтись на компромиссе: отделиться сначала в округ, а потом сразу же приняться за работу по созданию республики.

На съезде по докладу В. П. Анучина разгорелись бурные прения. Русские делегаты потребовали перерыва, чтобы устроить свое совещание. Предложение о перерыве было поставлено на голосование. За это предложение голосовало 15 человек, 17 против, а все остальные воздержались. Съезд постановил: „В виду равновесия голосования по вопросу, отложено до завтра, т.-е. на 22 число февраля старого стиля“.

На следующий день состоялось тайное голосование, в результате которого за выделение Горного Алтая в самостоятельный округ подано 100 шаров, против 6 и воздержалось 20 [2]).

После принятия постановления о выделении в Округ, съезд вынес решение:

„1) В 5 часов вечера по местному времени в местной церкви отслужить благодарственный господу богу молебен; 2) на церковной площади освятить национальное знамя Алтая и устроить по селу Улале манифестацию;... 3) в виду того, что многие

[1]) Протоколы съезда, стр. 14.

[2]) В том числе 14 человек специалистов-сотрудников, подавших заявление, что они отказываются от голосования в виду непринадлежности их к местному населению и важности решаемых вопросов чисто местного характера.

инородцы выразили желание пойти своими средствами навстречу экономическому развитию области—решено: сейчас же приступить к подписке вкладов в основной капитал своего народного банка. Подписка через четверть часа дала около 20.000 рублей“ [1]).

Манифестация съезда по Улале оказалась очень импозантной. Песни и громогласное „ура“ раздавались на площади, в воздухе мелькали шапки, слышались салютные залпы приглашенных для охраны порядка 5 солдат Бийского гарнизона.

В 7 ч. вечера заседание съезда возобновилось докладом В. И. Анучина „О необходимости объединения земель бывшего государства Ойрот в самостоятельную республику, с присоединением к обще-российской республике“.

„Осуществить это не трудно, — говорил Анучин, — и вот почему. Население русского Алтая, монгольского Алтая, потом хакассы, урянхайцы, сойоты и жители Джунгарии составляют одно племя, один род; язык, нравы и обычаи у них одни; все они „кижи“. Когда-то составляли все вместе великий народ „Ойрот“. Соединить их опять в одну семью, в одно государство тем более необходимо, что эти племена всеми заброшены и жаждут объединения. Из них образуется великая азиатская республика, в пространстве которой уложатся несколько раз Германия и Франция, взятые вместе. Недра Алтая безмерно богаты, промышленность разовьется легко, будут быстро проложены железнодорожные пути. Выпуск своих денежных знаков избавит Алтай от бедствий предстоящей девальвации. Округ вам ничего не даст: ни законодательной инициативы, ни денег, — вы будете в зависимости. Мы творим историю, мы должны итти революционным путем и ничего не бояться“ [2]).

По докладу Анучина была единогласно принята следующая резолюция: „Учредительный Горно-Алтайский краевой съезд инородческих и крестьянских депутатов 22 февраля 1918 года (по нов. ст. 7-го марта) в селе Улале решил: 1) в силу права на самоопределение народностей, созданного великой русской революцией, съезд признал за благо объединить в самостоятельную республику земли, входившие некогда в состав государства Ойрот, а именно: Русский Алтай, земли Минусинских туземцев, Урянхай, Монгольский Алтай и Джунгарию. 2) Новая республика должна войти, как составная часть в обще-российскую федерацию. 3) Для учреждения республики назначается курултай (съезд депутатов) от народов названных земель, который состоится в местности Кош-Агач 23 июня н. ст. 1918 г. 4) Каждая из названных земель посылает на курултай депутатов в числе по одному от каждых трех тысяч населения. 5) Для организации, созыва и открытия курултая, а также всех могущих возникнуть переговоров по делам республики, избирается особо-уполномоченная комиссия из трех лиц [3]).

---

1) Протоколы съезда, стр. 16.
2) „Алтайский луч“ — № 26 за 1918 год.
3) Протокол съезда, стр. 16.

На последнем заседании съезда 27 февраля (12 марта) при 5 воздержавшихся было принято „Положение о комиссии по делам республики „Ойрот“.

„1. Для организации, созыва и открытия учредительного курултая народов, входивших в состав государства Ойрот, а также для всех переговоров, могущих возникнуть по делам республики Ойрот, учреждается специальная комиссия в составе трех лиц: особоуполномоченный (каган) и два уполномоченных.

2. Каган (особоуполномоченный) имеет своей обязанностью переговоры с центральным российским правительством и местными органами, Киргизстаном, Монголией, Китаем и другими заинтересованными государствами.

3. Уполномоченные имеют своей обязанностью путем личного объезда во главе особых посольств, войти в сношение с народами, заинтересованными в создании республики.

4. Резиденцией кагана и его канцелярии временно служит гор. Томск.

5. Комиссия по делам республики Ойрот дает отчет в своих действиях Каракорум-Алтайскому Окружному Совету“ [1]).

Каганом (особоуполномоченным) был избран В. И. Анучин, уполномоченными — В. К. Тюкин и Аргамай Кульджин.

23—25 февраля (8—9 марта) по докладу административной комиссии были приняты следующие „основные положения“:

„1. Горную часть Алтая выделить из состава Алтайской и Томской губернии в особую единицу, наименовав ее „Каракорум — Алтайский округ“.

2. Северная и западная границы округа устанавливаются путем опроса жителей, которые, постановлением волостных собраний, определяют свою волю: остаться ли при прежних губерниях или примкнуть к Каракорум-Алтайскому округу. При чем все волости, уже изъявившие желание, считать вошедшими в округ. [2])

3. Округ управляется Окружным Советом (Каракорум-Алтайский Окружной Совет), который выбирает из числа всех граждан, Окружную Управу (Каракорум-Алтайская Окружная Управа) в количестве пяти лиц и трех кандидатов к ним, сроком на три года.

---

[1]) Там же, стр. 53.

[2]) В приложении дан список волостей, вошедших в Округ: по Бийскому уезду: 1) Быстрянская, 2) Нижне-Кумандинская, 3) Улалинская, 4) Паспаульская, 5) Алтын-Кольская, 6) Мыютинская, 7) Урсуло-Кенгинская, 8) Горно-Онгудайская, 9) Чибитская, 10) Кош-Агачская, 11) Киргизская. 12) Улаганская; 13) Кенейская, 14) Усть-Канская, 15) Песчанская, 16) Чемальская, 17) Тайнинская, 18) Кынгырарская, 19) Черно-Ануйская, 20) Онгудайская, 21) Уймонская, 22) Катандинская, 23) Шебалинская, 24) Чаптыганская, 25) Барагашинская, 26) Бешпельтирская, 27) Александровская 28) Четинская, 29) Караколо-Куратинская, 30) Верх-Уймонская, 31) Салдамская, (Кубинская). По Кузнецкому уезду: 32) Телеутская, 33) Томская, 34) Мрасская, 35) Верхне-Кондомская, 36) Барсиатско - Бежбояковская, 37) Ашкиштимская, 38) Тагабская. На последнем заседании было принято вне очереди заявление о присоединении Айской волости.

6. Окружной Совет составляется путем съезда депутатов, избираемых на демократических началах, пропорционально по одному от каждой тысячи душ правоспособного населения, сроком на три года.

11. Округ, впредь до изменения делится на волости.

12. Волости управляются волостными советами, которые выбирают волостную управу: сельские общества управляются сельскими советами, которые выбирают сельскую управу.[1])

Затем было принято постановление об организации народной гвардии во главе с начальником—„атаманом“.

„Приняв к сведению“ положение о земельных комитетах в редакции рабоче-крестьянского правительства и постановления первого Сибирского областного съезда от 8—17 октября 1917 г., съезд принял следующие положения по земельному вопросу:

„1. В целях объединения всей общественной работы и во избежание излишних государственных и местных расходов, организация самостоятельного областного земельного комитета нежелательна.

2. Для проведения в жизнь земельной реформы и урегулирования земельных отношений... необходима организация земельно-лесного отдела при управе совета Каракорум-Алтайского округа.

7. В земельных и земельно-лесных дачах разрешается бесплатное пользование мертвым лесом для потребителей при временном жительстве во время пастьбы скота.

8. Население, получившее лесной надел, пользуется лесами из казенных земель только за плату; не получившие лесного надела — имеют право на получение такового, но пользуются лесом из казенных дач тоже только за плату.

12. Повысить таксу на отпускаемые из казенных лесов материалы в соответствии с обесценением бумажных денег.

14. Признавая Горный Алтай страной скотоводческого хозяйства, впредь до выяснения свободного земельного фонда, признать нежелательным прием новых переселенцев.

16. Представить, впредь до издания новых законов, всем имеющим недостаток корма возможность выпаса скота на свободных казенных землях, прилегающих к наделам отдельных обществ. Границы же надельных земель отдельных селений остаются в силе.

17. Арендные угодья должны оставаться в пользовании отдельных лиц, в размере действительной потребности хозяйства, на общих основаниях, установленных для местного населения.

18. Коммунистические хозяйства и сельскохозяйственные товарищества могут получать земельные угодья сообразно числу членов, на общих основаниях, установленных для местного населения.

19. Из свободных земель, неподлежащих в ближайшем времени наделению... образовать особый фонд для открытия культурных хозяйств общественного или единоличного владения, опытных полей, школьных хозяйств, конных заводов, племенных рассадников,

---

[1]) Протокол съезда, стр. 19.

пасек и других учреждений, имеющих общественное значение. Распоряжение указанным фондом принадлежит совету.

23. Причтам отдельных сел из имеющейся церковной земли должны быть отведены наделы наравне с остальными жителями. Излишняя земля поступает в распоряжение общества.

24. Школьные земли остаются в прежних размерах. В случае неиспользования участка для нужд школы или учителем, общество, сдавая участок в аренду, ассигнует полученные средства на школьные нужды...“

О Никольском женском монастыре (Улалинском) принято следующее положение:

„1. Признавая что Никольский женский монастырь представляет собой хозяйственную коммуну, общине монастыря следует оставить земельный фонд в размере действительной потребности хозяйства. Излишняя земля поступает в распоряжение округа.

2. Излишний инвентарь и хозяйственные постройки считать общественным достоянием...“

О Чулышманском монастыре приняты следующие положения:

„Чулышманский Благовещенский монастырь ликвидировать. Все хозяйство монастыря и земельный фонд передать в ведение округа для культурно-просветительных целей и нужд местного населения“.

По вопросу о прирезке малоземельным из свободных казенных земель, приняты следующие положения:

1. Отвод земли малоземельным из свободного земельного фонда до издания нового закона о землепользовании, допускается только с разрешения совета округа по ходатайствам сельских обществ.

2. В случае неимения в данном месте свободных земель предоставить неимеющим земли—право получения земли в других местах“ [1]).

При сравнении решений учредительного съезда с решениями Бийского съезда и Алтайской Горной Думы бросается в глаза, что насколько учредительный съезд оказался смелым при разрешении вопроса о выделении и в этом отношении далеко ушел вперед от Бийского, высказав даже националистические стремления к восстановлению государства Ойрот,—настолько же он оказался бессильным при разрешении коренного для алтайцев вопроса—вопроса земельного. В этом отношении его решения представляют громадный шаг назад. Недаром же комиссия, вырабатывавшая эти положения, высказала пожелание „чтобы мероприятия проводились в жизнь постепенно, по мере возможности“.

В дальнейшем съездом были приняты положения о создании отделов: экономического (кооперативного), фабрично-заводского (промышленного) и Каракорум-Алтайского Народного Банка.

Решения Учредительного съезда отражают уже известную трещину в едином национальном фронте. Байство, закрепившее свое влияние на этом съезде, стремится коренной для алтайцев воп-

---

[1]) Протоколы съезда, стр. 43—46.

рос—земельный—разрешить в своих интересах, закрепить за собой в собственность громадные пастбища. Вот почему, вместо фигурировавшего на Бийском съезде „перехода всех земель и лесов, расположенных на Горном Алтае, в неотъемлемое пользовае инородцев Алтая“, теперь выдвигается уже идея об „оставлении арендных угодий в пользовании отдельных лиц“ и даже о „культурных хозяйствах единоличного владения“ без ограничения занимаемой ими земельной площади.

В этом отношении намечается общий язык у баев с русскими кулаками и представителями русского торгового капитала. Так, когда в пользу Каракорума была объявлена денежная подписка, то в числе жертвователей наряду с алтайцами Аргамаем и Манди Кульджинами, Петром Алагызовым и другими, мы встречаем и русских купцов —Ситникова и Зятькова.

Центром нового округа временно намечено село Улала с тем, чтобы приступить к постройке столицы—города Каракорума. Место для города было отведено на правом берегу Катуни между селениями Манжерок и Майма—участок Соузга на бывшей кабинетской земле размером—6993,9 га, длиной по реке Катуни в 10 клм. и шириной от 1 до 3 клм.

Рис. 16. Река Катунь.

Из других решений съезда остановимся на постановлениях по народному образованию.

Было постановлено помимо существующих школ открыть 13 новых интернатов и 5 школ, включив, кроме того, в школьную сеть

все школы церковно-приходские, миссионерские и другие, в эту сеть не вошедшие. В Улале и Онгудае, кроме того, было решено открыть по гимназии смешанного типа.

В области внешкольного образования было признано необходимым открытие воскресных и вечерних школ для взрослых, организация сельских народных читален и библиотек, создание культурно-нравственных кружков и обществ, устройство чтений, спектаклей и других разумных развлечений для народа, издание своего печатного органа, открытие кино и т. д.

Вопрос об отделении школы от церкви даже не ставился. Миссионерские школы были без всяких оговорок включены в общую сеть, а в Бийском катехизаторском училище для учащихся-алтайцев открыты стипендии.

Вопрос об отношении к центральной власти на съезде не обсуждался, но это отношение все же было выявлено в докладе кооперативной комиссии: „В настоящий момент полнейшей государственной разрухи, когда фактически центральная власть отсутствует, когда финансовое положение страны является катастрофическим, когда в продовольственном деле наблюдается полнейшая анархия, населению новой Горно-Алтайской области для устроения хозяйственной и административной жизни области приходится не рассчитывать на помощь извне, а своими силами и средствами вырабатывать наиболее целесообразную, наиболее демократическую форму самоуправления“ [1]).

После выборов управы при пении „Марсельезы“ и „Вы жертвою пали...“, съезд закрылся и Каракорум-Алтайская Окружная Управа приступила к работе.

Съезд долго и подробно занимался вопросами о создании великого государства Ойрот и не разрешил ни одного вопроса классового и социально-экономического характера, из-за которых бурлил Горный Алтай. Национальные отношения между русскими и алтайцами своего разрешения в постановлениях съезда тоже не нашли.

На Алтай надвигалась гражданская война.

---

[1]) Протоколы съезда, стр. 54.

ГЛАВА IX.

Колчаковщина. Национальные особенности гражданской войны на Алтае.

После учредительного краевого Горно-Алтайского съезда руководство Каракорум-Алтайской Окружной Управой осталось в руках небольшой группы представителей немногочисленной национальной интеллигенции во главе с художником Г. И. Гуркиным, бывшим председателем Алтайской Горной Думы. Совершенно не имея опыта политической борьбы, эта группа оказалась щепкой на волнах той напряженной классовой борьбы и гражданской войны, которыми был охвачен не только Алтай, но и все необъятные просторы бывшей Российской Империи.

Неприспособленная к активной политической борьбе, неумеющая ориентироваться в тех сложных классовых и национальных переплетах, с которыми ей пришлось столкнуться на первых же шагах своей деятельности, она ударилась в мелкобуржуазные шовинистические мечтания и за этими мечтаниями проглядела живую, многогранную жизнь.

„Ваше приветственное письмо я и Павел Иванович Вильдгрубе [1]) получили, за которое наше душевное вам спасибо,— писал Гуркин своим друзьям в Барнаул 5 апреля (н. с.) 1918 г.,— В этом чувствуется, что нас всех связывает одна красивейшая любовь к народу Алтая и его голубым горам, с вечно бурлящими источниками воды живой (по-алтайски „Аржан кутук", т.-е. целебный, живой источник). Эта любовь, этот источник воды живой и будем сохранять мы в сердцах наших. Будем также, как наши быстрые реки—стремиться вперед. Какие бы ни встречались на пути нашем препятствия и преграды, итти к свету, на высоту, к правде и любви—это наивысшая награда и потребность. Шлю лично всем, любящим Алтай и его народ, свой искренний и душевный привет. Я знаю, что много тревог и сердечных болей перенесли все вы за нашу страдающую страну—Россию и нашу Сибирь, а в частности и за наш голубой, дымчатый Алтай. Но

---

[1]) Секретарь Управы.

будем верить в бога и в природу, что все жертвы наши, все болезни и тревоги искупятся нашим сознанием, что мы служим на благо страдающему еще более нас народу. В Каракорумском народном округе все и все дела пока обстоят благополучно и мы крепко верим, что и дальше нам будет сопутствовать благословение божие, природы и народное“.

Пока Гуркины предавались сладким мечтаниям о голубом, дымчатом Алтае, контр-революционные силы, наводнившие Алтай, не дремали и под знаменем Каракорума собрались представители эсеровщины и контр-революционного офицерства, которые получили в Каракорум-Алтайской Окружной Управе преобладающее влияние после чехословацкого переворота и особенно во время Колчаковщины.

„В управе, с начала ее возникновения, имели убежище бежавшие от Октябрьской революции отбросы разбитой буржуазии, которые под видом писцов и переписчиков втерлись в аппарат Управы. Они впоследствии стали играть видную роль в организации противо-большевистской агитации, которая вскоре перешла в организацию вооруженных действий против советской власти“ [1]).

Когда до Каракорум-Алтайской Окружной Управы дошла весть о чехословацком перевороте, она немедленно к нему присоединилась и приступила к формированию отрядов против советской власти, поддерживая одновременно формировавшиеся на Алтае белогвардейские отряды, вроде отряда Сатунина. Управа произвела также мобилизацию офицеров, которых направила в Бийск и далее в Омск, в распоряжение белого командования.

Естественно, что после захвата власти в Сибири Колчаком, Каракорум-Алтайская Окружная Управа оказалась уже целиком в руках распоясавшейся белогвардейщины. Фактическая власть принадлежала Колчаковским чиновникам, его полиции и офицерству.

Мечтательный Гуркин оказался ненужен и был заменен на посту Председателя Управы более покладистым Тибер-Петровым и после небольшой отсидки в Колчаковской тюрьме, отошел от политической деятельности.

С согласия и благословения Каракорум-Алтайской Окружной Управы, колчаковские офицеры приступили к формированию Алтайского Туземного дивизиона. Играя на национальном самолюбии алтайцев, Управа, в полном контакте с колчаковским камандованием, обещала выгнать из Алтая всех русских и возвратить алтайцам все земли, которые им когда-то принадлежали.

Алтайцы призывались к комплектованию Туземного дивизиона, за что им обещался перевод в казачье сословие со всеми вытекающими отсюда преимуществами и привилегиями. Дивизион формировался в Бийске русскими кадровыми офицерами при ближайшем участии Кайгородова, впоследствии видного руководителя бандитского движения на Алтае. За формирование Алтайского

---

[1]) „Записки бывшего члена Каракорумской Управы“. Цит. по рукописи под ред. Эдокова — „5 лет Ойротии“.

Туземного дивизиона Кайгородов получил личную благодарность от Колчака, а одна сотня дивизиона весной 1919 г. была отправлена в Омск, в распоряжение его ставки.

Дивизион был использован для подавления крестьянских восстаний в Бийском уезде и Каракорум-Алтайском Округе. Карательные отряды носились по русским селам, разнося за собой все ужасы колчаковских расправ. Порки, расстрелы, уничтожение целых деревень — стало обыкновенным явлением в практике этих отрядов.

Эта деятельность колчаковской Каракорум-Алтайской Управы, вызвала противодействие со стороны русского крестьянства, лихорадочно создававшего партизанские отряды для борьбы с Каракорумом, для защиты советской власти.

Нужно сказать, что с первых же шагов своего существования, Каракорум-Алтайская Окружная Управа вошла в противоречие с организовавшимися к тому времени местными органами советской власти.

Уже весной 1918 года на почве пограничных споров возник вооруженный конфликт между Каракорумом и Бийским Советом. Хотя население села Тарханского (Быстрянского) — на границе между Бийском и Каракорумом—не захотело включиться в состав Каракорум-Алтайского Округа, Управа послала туда свой отряд, который напал на красногвардейский отряд Бийского Совета. Бийский Совет рабочих и крестьянских депутатов выслал тогда в Тарханское отряд в 150 человек для ликвидации Каракорумского отряда.

Перепуганная Управа пошла на уступки и решила ликвидировать конфликт мирным путем. Для переговоров в Тарханское был послан член управы Г. М. Токмашев, заведывавший отделом народного образования при Управе. Токмашев доказывал штабу отряда, что никакой вооруженной силы у Управы нет, что отряд, который напал на красногвардейцев в Тарханском был сформирован из местного населения, „которые явились сами и просили защиты у Управы“. Этот отряд, мол, Управой теперь распущен. Управа вернула захваченные в Тарханском у красногвардейцев одного пленного, две винтовки и шинель и конфликт на первый взгляд был ликвидирован.

Но горючего материала было достаточно и 9-го мая возник конфликт между Шебалинскими красногвардейцами и карательными отрядами Михаила Чевалкова и Кундия Шабуракова, состоявшими из алтайцев. Эти отряды грабили русские села, выполняя основной лозунг Каракорум-Алтайского Округа: „Иер-су-хан-Алтай“—„Земля и воды Алтая для алтайцев“.

В Бийске и по Сибири еще существовала советская власть. Каракорум-Алтайской Окружной Управе приходилось с этим считаться и маневрировать. Выехавший в Мыюту, на место столкновения, председатель управы—Гуркин, устроил нечто вроде суда над виновниками событий. Чевалков был приговорен к 10-ти годам общественных работ и... вернулся в Улалу, чтобы продолжать формирование карательных отрядов.

Чехословацкий, а затем Колчаковский переворот развязали руки деятелям Каракорума. Спешно стали разгоняться волостные Советы и посылка карательных отрядов превратилась в систему.

Началась поголовная и зверская расправа отрядов Алтайского Туземного дивизиона с русским населением Алтая. Алтайское население, не разбиравшееся в сложной обстановке, всей предшествующей историей воспитанное в ненависти ко всему русскому, как синониму грабежа и национального угнетения, массами вступало в Туземный дивизион и белогвардейские отряды, руководимые авторитетными и богатыми алтайцами-националистами, вроде Кундия Шабуракова.

Довольно развитое среди алтайцев в прошлом, национальное движение (бурханизм), белые ловко использовали в свою пользу и направили его против советской власти, как власти русской.

Вспыхнувшее в августе 1918 года партизанское движение, вербовалось из местных крестьян. Целые села уходили в партизаны. Основная масса этих партизан, вне всякого сомнения, состояла из бедняцко-середняцкой части деревни. Но примыкало к партизанам и зажиточное крестьянство и отдельные остатки эсеровщины, кое-где осевшие в селах Алтая.

Русские, представлявшие собой в дореволюционные времена привилегированные группы по сравнению с алтайским населением, объективно игравшие роль колонизаторов и проводников правительственной политики, были враждебно настроены ко всему алтайскому населению в целом и в особенности к Каракоруму, олицетворявшему в их глазах „калмыцкую опасность". Борьба против алтайцев была для них борьбой не только за сохранение захваченных и освоенных земель, но и за дальнейшее расширение колонизационного фонда.

Колчаковщина восстановила против себя русское село и поскольку колчаковщина с Каракорумом сливались не только в представлении крестьян, но и в действительности,—материалу для того, чтобы обострить борьбу русских с алтайцами, было более чем достаточно.

Партизанское движение всей тяжестью обрушилось на алтайское население. Были разорены целые аилы и там, где проходили партизанские отряды, остались одно разорение и запустение.

Национальный момент, игравший на Алтае первостепенную роль и так ловко использованный белогвардейцами, нашими красными партизанскими отрядами использован не был.

„Алтай был наводнен белыми. Калмыки сначала присоединились к нашим отрядам, но благодаря неумелому подходу, грабежам, которые были сильно развиты, и безнаказанности за них, скоро перешли на сторону белых, за исключением Уймонского района, где калмыки продолжали бороться против белых в наших отрядах" [1]).

---

[1]) Рукопись „*Возникновение первых революционных органов в Катандинской волости*", хранящаяся в архиве Ойротского Облистпарта.

То, что алтайцы из Уймонского района были в партизанских рядах не случайно. Уймон—район старой колонизации, населенный русскими кулаками-кержаками, которые выступали против советской власти за Колчака и боролись с партизанскими отрядами. Здесь классовый характер гражданской войны был настолько очевиден, что и вся напряженность национальных противоречий не могла поставить алтайских кочевников против русских крестьян, боровшихся с колчаковской реакцией.

Но Уймонский район был исключением. В основном алтайские массы были в белых отрядах.

Гражданская война на Алтае началась в обстановке напряженнейшей национальной розни и это наложило свой отпечаток на характер гражданской войны. Из войны классовой, гражданская война на Алтае превратилась в войну национальную и привела к неисчислимым бедствиям для края.

Много алтайцев, разоренных партизанскими отрядами, устремилось за границу и откочевало в Монголию, уводя с собой скот. Громадное количество этого основного богатства Алтая было уничтожено и уведено и, таким образом, потеряно для хозяйства Алтая.

Не меньшее разорение внесла национальная гражданская война и в хозяйство русских крестьян. Целый ряд деревень сожжен карателями, сотни хозяйств разорены, скот угнан и т. д. Особенно пострадали при этом деревни, расположенные по Чуйскому и Уймонскому трактам, по которым шла главная волна партизанских и карательных отрядов.

Таковы итоги „национального самоопределения", проведенного руками мелкобуржуазных националистов под лозунгом демократии, и колчаковских белогвардейцев, под лозунгом „единой, неделимой".

ГЛАВА X.

Партизанское движение на Горном Алтае.

В июле месяце 1919 года до сел Горного Алтая дошла весть о свержении Колчака. Весть эта с большим энтузиазмом была встречена русским населением, боровшимся и с Колчаком и с Каракорумом. „Население встрепенулось, долой Колчака и Каракорум, да здравствует народная власть, какая—еще сами хорошенько не знали, все равно, хоть какая-нибудь, только бы не Каракорум и не Колчак“ [1]).

В селах начали формировать отряды, собирать оружие, огнеприпасы, открывать мастерские для ремонта оружия, ковать пики и т. д. „Было собрано все оружие, открыта мастерская для ремонта его, ковали пики, заказывали патроны, изготовляли гильзы, капсули, лили пули, население несло все, что было пригодно для изготовления оружия и припасов“ [2]).

Крестьяне поголовно становились в ряды партизанских отрядов. В селе Паштулим белый отряд приказал местному кузнецу подковать лошадей. Кузнец гордо ответил: У меня нет времени ковать ваших лошадей,—я кую пики для партизан“. Кузнец был расстрелян [3]).

Партизанские отряды возникали стихийно, стихийно вооружались и стихийно же вступали в отдельные стычки с белыми с переменным успехом.

Количество белых карательных отрядов на Алтае, значительно возросло. Помимо прежних отрядов Каракорумской управы и Алтайского Туземного дивизиона, на Алтай устремились остатки колчаковских банд, которые в полном контакте с местной контрреволюцией вымещали свою злобу на местном населении, жестоко расправляясь, особенно с теми селами, которые были центрами партизанского движения.

---

[1]) Рукопись „*Возникновение первых революционных органов в Катандинской волости*“.

[2]) Там же.

[3]) Воспоминания т. Ф. Быстрова.

В августе отряд Сатунина, расправившись с восставшими партизанами в Чергачаке и Майме, вернулся в Улалу, где расстрелял 9 человек, сочуствующих Советской власти. Затем этот же отряд отправился на подавление восстания в Чергу, где повесил на воротах 12 партизан [1]).

Карательный отряд полковника Сокольского при усмирении партизанского восстания в селе Марушке, повесил 53 человека за сочуствие Советской власти. Отряд капитана Келлера при подавлении восстания в Теньге и Ябагане расстрелял 9 человек, 6 человек повесил, а остальных крестьян выпорол. Отступая после этого под натиском красных партизан в Онгудай, Келлер здесь устроил грандиозную порку, выпоров даже 78-ми летнюю старуху за „большевизм“ [2]).

Седьмого ноября 1919 года, в день Октябрьской революции, Сары-Чумышская ячейка РКП(б) выходит из подполья и приступает к организации партизанского отряда из местных крестьян, вооруженных самодельным оружием, кто во что горазд. В первом же бою у села Талдынки этот отряд получил кровавое крещение, потеряв убитыми своего командира Буркова и 16 партизан. Возникший в селе Поповичи „Краевой военный штаб“ назначает командиром отряда т. Быстрова. 1 декабря отряд вступает в бой с отрядом колчаковской милиции под командой Перезика в селе Сары-Чумыш. Прекрасно вооруженный винтовками, наганами и шашками белый отряд не устоял против красных партизан, все оружие которых состояло из самодельных пик, дробовиков и простых палок. Нерезик был убит, его отряд рассеян и в руки партизан попало по несколько десятков винтовок, наганов и шашек. После ряда стычек с белыми в Кузодееве, Канделее, Паштулиме, Тогуле, отряд возвращается к себе, создавая волревком и сельсоветы [3]).

В июле месяце у дер. Журавлихи произошло столкновение между партизанским отрядом из Красноярки под командой Колесникова, с сильным карательным отрядом белых в 250 человек, при 2-х пулеметах. Партизаны в конном строю бросились на карателей, которые бежали в беспорядке, оставив партизанам все свое оружие, в том числе и пулеметы. После этого сражения, отряд Колесникова заехал в Елбанку, где в свою очередь из местных крестьян создался партизанский отряд. Оба отряда направились на село Коробейниково. Коробейниково к тому времени уже было оставлено белыми и сорганизовавшийся военно-революционный штаб занят был формированием и вооружением партизанских отрядов. Командующим всеми отрядами штаб назначил т. И. Беззубцева. Получилась приличная военная сила в полторы тысячи партизан,

[1]) Приговор Алтайского Губ. Ревтриба по делу К. Т. Галацкого, от 5-го февраля 1922 года.

[2]) Тоже по делу П. Ф. Богомолова и П. М. Мошкалева от 4 февраля 1922 года.

[3]) Воспоминания т. Ф. Быстрова.

которая выступила против белых, засевших в Новобинске, в 30 километрах от Коробейникова. После упорного боя в $2^1/_2$ часа ночи, Новобинск был занят. Терроризованное белыми население восторженно встретило партизан. „Как только узнали, что пришли красные — пишет т. Беззубцев в своих воспоминаниях—то повалили старые, малые и женщины и до света нанесли столько хлеба, сала и огурцов, что, пожалуй, и в два дня всему отряду было не съесть“.

В Новобинске был сформирован новый партизанский отряд. Незначительные белые отряды добровольно сдавали оружие и деревня за деревней переходила к партизанам. Отряд Беззубцева численно разросся и количественно перевалил за 3.000 бойцов, хорошо вооруженных за счет захваченного у белых оружия.

На усмирение восставших крестьян был направлен карательный отряд полковника Хмелевского. После длительной перестрелки, беззубцевские отряды 15 июля были разбиты и вынуждены были отступить, оставив до 50 чел. убитых. Хмелевский, преследуя партизан, жестоко расправился с восставшими селами. Многие из них, в том числе Новобинск, были сожжены до тла.

Беззубцевские отряды, собравшись в Коробейникове, стали лихорадочно организовывать сопротивление. На следующий день отряд Хмелевского подошел к Коробейниковским окопам. Атакованный партизанами, он был разбит. Значительная часть карателей была перебита, но многие спаслись, благодаря темноте. Партизанам достались громадные трофеи: 2 пулемета, 120 винтовок и много другого оружия. Партизаны в этом бою потеряли 80 человек и это так деморализующе на них подействовало, что отряды распались и отказались дальше воевать, тем более, что ближайшая округа была очищена от белых. Партизанские отряды были расформированы, а два воза с винтовками были отосланы партизанам за Чарыш [1]).

В село Абай весть о свержении Колчака дошла в первых числах августа. Эту весть привез прибывший из Усть-Кана нарочный. „Власть Колчака пала“—говорилось в полученном из Усть-Кана воззвании—„взят Барнаул, Ново-Николаевск, Бийск и т. д. Арестуйте всю милицию, берите власть в свои руки“. На следующий день копия воззвания была послана в Уймон и Усть-Коксу, а в Абае был собран сельский сход, на котором избрали военно-революционный штаб. Колчаковская милиция была арестована, а штаб приступил к формированию партизанских отрядов. Создание отрядов было более, чем своевременно, так как на Абай наступали с Усть-Чарыша казаки, а из Онгудая-Кайгородов. У последнего был переданный ему местным попом список абайских коммунистов, которых он собирался расстрелять. Разбитые казаками абайские партизаны ушли из Абая и присоединились к уймонским отрядам, воевавшим с шебалинскими белогвардейцами. Разбив

---

1) Воспоминания тов. Беззубцева.

шебалинскую белую дружину, 7 человек абайцев ушли на Бухтарму во главе с Ладкиным. На Бухтарме Ладкин организовал новый партизанский отряд в 60 человек, который, напав на карательный отряд из 50-ти хорошо вооруженных казаков, овладел их оружием и лошадьми. Возвращаясь на Уймон, Ладкин узнал, что Абай занят Кайгородовым. Пополнив свой отряд до 180-ти человек, Ладкин стремительным наскоком выбил Кайгородова из Абая [1]).

В Белом Ануе партизанский отряд был сформирован 15 августа. Весь отряд состоял из 300 человек, из которых только 30 человек были вооружены, а для остальных оружием служили пики и палки. В таком состоянии бело-ануйские партизаны не могли, конечно, сопротивляться карательному отряду полковника Хмелевского из 500 прекрасно вооруженных всадников, надвигавшихся с тракта, и отряду Каракорумцев, шедшему из Черного Ануя. Партизаны отступили в горы, а каратели заняли село, приступив к расправе поркам и расстрелам. На митинге партизан было решено взять карателей испугом. Партизаны, вооруженные почти одними только дубинками, в 12 часов ночи спустились с гор и окружили деревню со всех сторон. Приблизившись к расположению противника, они быстрым напором бросились на Хмелевцев и оглушительным „ура!" выбили их из деревни. Для карателей это нападение было совершенно неожиданным. Не ожидая ни откуда врагов, они спокойно расположились на ночлег. В результате они потеряли 42 человека убитыми, а партизанам досталось 500 винтовок, 20 тысяч патрон и много другого оружия. Через 2 суток Хмелевский, получив подкрепление, повел новое наступление из Черного Ануя и после трехчасового боя выбил партизан опять в горы. Заняв вторично Белый Ануй, Хмелевские каратели перепороли все оставшееся население, а многих расстреляли, в том числе и стариков, а затем подожгли до 100 построек. Белый Ануй загорелся со всех сторон и кровавое зарево ночью озарило всю округу. Ануйские партизаны с гор наблюдали, как горит их родная деревня, как их семьи, жены и дети остаются без крова. На следующий день с утра ануйские партизаны двинулись по направлению к д. Борогаш. Здесь они встретились с отрядом шебалинских карателей и отступили, потеряв несколько товарищей убитыми. Шебалинские каратели заняли Борогаш и тоже подожгли его. После этих событий партизаны решили разойтись по домам, чтобы запастись одеждой, продуктами и т. д., а затем собраться на Уймон для дальнейшей борьбы [2]).

В Катанде еще до получения известия о свержении Колчака происходили волнения. Мобилизация молодежи, объявленная Колчаком незадолго до его падения, прошла неудачно. Мобилизованные взбунтовались и отказывались итти в армию. Многие из насильно-мобилизованных с дороги бежали и вернулись обратно в Катанду.

[1]) Воспоминания т.т. Шестернина и Беззубцева.
[2]) Воспоминания тов. Черникова, Михеева и Беззубцева.

В конце июля в Катанду приехал нарочный и сообщил, что по Чарышу население восстало против Колчака. Весть об этом быстро распространилась по селу и спешно стали формироваться партизанские отряды. Было сформировано 4 отряда, из которых один отправили в Терехту на заставу, второй в Усть-Коксу для соединения с Усть-Коксинским отрядом и отправки в Усть-Кан на соединение с тамошними отрядами, третий отряд был послан на Чуйский тракт, через Усть-Кан и четвертый на вершину речки Катанды. С Чарыша и из Усть-Кана шли тревожные вести. Там наши партизаны отступали под натиском карателей. Неудачи тяжелым гнетом ложились на настроение партизан. Под влиянием неудач вернулись Катандинские отряды из Усть-Кана и с Чуйского тракта и заняли караулы по р. Катанде. В Катанде был сформирован еще один отряд, который стоял в резерве, а человек 10 было отправлено в Сугаш на подмогу Абайскому отряду. Уймон был отрезан и никаких известий оттуда не поступало [1]).

Причина частых поражений партизанских отрядов крылась в том, что отношения с туземным алтайским населением, продолжали быть напряженными. Грабежи алтайцев стали обыкновенным и ненаказуемым явлением. „В Кырлыке,— рассказывает т. Беззубцев,— мы встретили отряд Шипулина, который нам рассказал, как происходили бои с шебалинской дружиной. Надо сказать, что отряд настолько был опьянен успехом, что считал себя непобедимым. По пути, возвращаясь, не упустили из виду пограбить алтайцев. У каждого тороки были забиты разным алтайским добром. Вплоть до самого Шипулина, все были пьяны“. Такими действиями партизаны оттолкнули от себя и тех алтайцев, которые стали было сражаться на их стороне.

Другой причиной была „плохая сплоченность, отсутствие вооружения и хорошего командного состава, но самое главное, каждый отряд хотел защищать лишь свою деревню“ [2]).

У руководителей отдельных партизанских отрядов естественно возникла мысль о необходимости объединения разрозненных усилий отдельных сел в один мощный боевой кулак. На 26-е августа был назначен в Черном Ануе „съезд делегатов от восставших“, но съезд этот мог состояться только в сентябре 1919 года.

Партизанское движение, возникшее против Колчака, не имело четких классовых лозунгов борьбы за Советскую власть. Борьба с Каракорумом зачастую отодвигала на задний план борьбу с Колчаковщиной, а борьба за освобождение от „калмыцкого засилья“, борьбу за советскую власть.

Когда было приступлено к подготовке партизанского съезда, зашевелились кулаки и остатки эсеровщины, осевшие по селам Алтая. Они не прочь были взять на свой буксир мощное народное движение и использовать его в своих интересах. Один из членов

---

[1]) Воспоминания т. Гомзина и „Возникновение“...

[2]) *„Возникновение“...*

Уймонского военно-революционного штаба, с.-р. Арбузов так и заявил, что „весь Уймон борется только за Учредительное Собрание“.

Один из организаторов съезда т. Беззубцев, рассказывает: „Когда мы узнали о поражениях, то сразу же у меня появилась мысль о том, чтобы начать действовать единым фронтом. Собрали ряд видных людей, как-то скрывшихся от Колчака правого эсера Зубарева (Казанцева) и большевика, инструктора губсоюза Кустарева. Все пришли к одному заключению, что можно выйти из положения только действуя единым фронтом и организованным порядком. Зубарев выработал воззвание в пользу Учредиловки. Мне и Кустареву возражать не приходилось, так как на заседании было 23 эсера, а нас только двое. Пришлось с этим мириться, исходя из стратегических соображений. Съезд делегатов был назначен на 26 августа в селе Черном Ануе“.

В сентябре 1919 г. в Черном Ануе съезд состоялся. Основным вопросом был вопрос о том, что делать дальше. „Приехавший из Бийска гр. Верх. Уймона Василий Печенин настаивал на прекращении борьбы и сложении оружия. Он уверял, что за чертой Уймона все спокойно, восстания нигде нет. Предсказывал все ужасы расправы карателей“ [1]).

За борьбу было большинство. Ануйцы, абайцы, катандинцы и коксинцы высказались за продолжение борьбы. „Катандинские отряды прислали воззвание, прося стоять до конца, заканчивая его, что белые пройдут на Уймон только через наши трупы. Съезд постановил продолжать борьбу, для чего напрячь все свои силы“ [2]).

На съезде была большая группа эсеров, но большевики, под руководством т. Ладкина решительно выступили против них. Кое-кто был даже арестован. Эсеры отступили и все руководство военными действиями и партизанскими отрядами оказалось в руках большевиков, создавших главный военно-революционный штаб.

Эсеры окопались в Районном исполкоме в Усть-Коксе.

Вся военная и гражданская власть перешла к штабу сорганизовавшейся партизанской дивизии. Районный исполком в Усть-Коксе никакой власти не имел. С ним никто не считался. „Районное управление в Усть-Коксе никакой власти не имело“— констатируют авторы рукописи „Возникновение первых революционных органов в Катандинской волости“. „Власть, как военная, как и гражданская, пишет в своих воспоминаниях т. Гомзин,— находилась в штабе дивизии, хотя в Усть-Коксе и было районное управление, но оно лишь служило подсобным пунктом для штаба“.

Усть-Коксинские исполкомовцы сделали последнюю попытку овладеть движением и ввести мощное народное восстание в рамки „российской демократии“. Ими была выработана конституция, которая,— будь она принята,— дала бы им верховное руководство

---

[1]) Воспоминания т. Гомзина.

[2]) *„Возникновение“...*

над движением и, что самое главное — подчинило бы им вооруженную силу восстания — партизанские отряды“ [1]).

„При чрезвычайных и тревожных обстоятельствах,—говорилось в докладной записке президиума Главного исполкома,—на последнем народном собрании повстанцев создан Исполнительный комитет. Он, не получив никаких регламентов, как о порядке управления, так и о законоположениях в стране повстанцев, но, уважая причины, при которых создан исполком, члены его не могли не принять на себя исполнения народной воли в столь тревожный момент.

Но приступив к управлнению, исполком считает своей обязанностью не быть самодержавно действующим, а на первых порах своей жизни счел необходимым придать какое-либо определенное русло как власти, так и управлению территорией восстания. И с этой целью он занялся выработкой учредительного акта к созданию власти высшего органа и власти на местах, каковой акт и повергает перед собранием на его благоусмотрение и утверждение.

Тщательно взвесив все обстоятельства, происходящие на территории восстания, а также обстоятельства из уроков прежних революций, а также, приняв во внимание хаотическое состояние дел, управляемых на местах, исполком находит создание власти и порядка управления в стране восстания самой насущной и большой необходимостью и, находя это, заявляет, что он, исполком, может принять на себя правительственные функции лишь при утверждении докладываемого акта.

Чтобы не быть ответственным за могущее возникнуть анархическое состояние страны на почве безвластия, комитет приложил и прилагает все силы к тому, чтобы без верховной власти народа ничего общегосударственного делаемо не было и все сводилось для народа и через народ. Никакая власть не имеет права пользоваться в дурную сторону народным доверием. Лишь порядок во всем и планомерность, ведет к свободной гражданской жизни“.

В самой конституции, в разделе „общих положений“, авторы продолжают эти мысли: „Народ хочет быть властелином своей судьбы и желает, чтобы голос его стал верхом всего, в каком бы учреждении он ни был сконструирован. Для этой цели народ восстал, дав этому восстанию физические и экономические силы, но в то же время на этой физической и экономической силе он не хочет односторонне строить свою жизнь. Народ прекрасно понимает из опытов истории, что всякая односторонняя сила, не имеющая противовеса в виде равной силы со стороны самого народа, ведет неизбежно к диктатуре одного органа власти над другим и в результате, как неизбежное следствие, рождаются

[1]) Полный текст Усть-Коксинской „конституции“, опубликован нами в № 6 журнала «*Революционный Восток*», стр. 207—216.

произвол и абсолютизм, а на ряду со всем этим—народное недоверие и волнение, затем групповые, классовые и личные счеты, а с ними и все последствия, какие пережиты народом за время с революции 1917 г. и до наших дней.

Следовательно, приступая к созданию власти на территории восстания, необходимо создать ее так, чтобы физическая сила и духовная воля народа, во-первых, выразительно самоопределились и выявились, а во-вторых, чтобы силы эти были тождественны и равны между собой. К голосу же народа, как верховному органу, должны прислушиваться все силы страны, как военная, так и гражданская и беспрекословно осуществлять его желания и требования. Нарушение народной воли одной из двух сбалансированных властей, должно рассматриваться, как новый этап к революции, который должен быть доложен властями народной воле или собранию повстанцев, для выявления в данном случае опять-таки воли народа, как верховного органа".

Не останавливаясь здесь на всем содержании этого своеобразного документа, укажем, что согласно разделу 3-му „О военном управлении", военные силы подчиняются Главному Исполкому и ему же принадлежит право назначения и смещения главнокомандующего.

Из этой эсеровской попытки, как и следовало ожидать, ничего не вышло. Тов. Ладкин, несмотря на заявление, что „исполком может принять на себя правительственные функции лишь при утверждении докладываемого акта", наложил на „акте" краткую, но выразительную резолюцию: „Проект не утверждаю, за несвоевременностью такового. Командир 3-го партизанского полка Ладкин. 24 октября 1919 г." [1])

После съезда, партизанские отряды росли в непосредственной борьбе с белыми.

Отряд Усть-канских партизан под командой т. Кокорина, вытеснив из Усть-Кана полковника Хмелевского и захватив у него много вооружения, двинулся в Белый Ануй. Здесь из отдельных партизанских отрядов был сорганизован партизанский полк, который решили назвать вторым, потому что, как объясняет т. Беззубцев, „для неприятеля будет страшнее слышать номер второй".

Между тем, в Солонешной тоже сорганизовался партизанский полк под командой Никифорова, названный первым. Оба полка, узнав о существовании друг друга, соединились в партизанскую бригаду, избрав комбригом популярного среди партизан Ив. Як. Третьяка.

Бригада направилась в Абай и здесь застала сформированный Ладкиным из Катандинских отрядов 3-й партизанский полк. Полк Ладкина влился в бригаду, переименованную в 1-ю Горно-Алтайскую Партизанскую Дивизию.

---

[1]) Характерно, что никто из участников движения, писавших свои воспоминания, не упоминает об этом „акте".

Был выработан план общего наступления на белогвардейские карательные отряды, наводнившие Алтай. Первый и второй полк был отправлен на Усть-Кан, а третий вершинами Аргута должен был выйти на Чуйский тракт. Вся дивизия должна была встретиться в районе Онгудая. План удалось блестяще выполнить. Преследуя карателей, все три полка вышли на Чуйский тракт. [1])

Здесь, в декабре 1919 года, партизанская дивизия соединилась с регулярными частями Красной армии. Объединенными усилиями значительная часть белых была уничтожена, другая часть ушла в Монголию.

Горный Алтай стал советским.

---

[1]) Воспоминания т.т. Мижеева. Шестернина и Беззубцева. Показания Кайгородовского адъютанта Сыромятникова. Рукопись «*Возникновение*»...

ГЛАВА XI.

Советская работа в Горно-Алтайском уезде.

Установление Советской власти на Горном Алтае возродило прежние административные споры. С ликвидацией колчаковщины была ликвидирована не только Каракорум-Алтайская управа, но вместе с ней и Каракорум-Алтайский округ, как самостоятельная административная единица. Горный Алтай был вновь включен в состав Бийского уезда. Бийским Уревкомом для управления территорией Горного Алтая было создано на правах подъотделов 3 районнах ревкома в Улале, Шебалине, и Уймоне, которые должны были служить посредниками между уездным и волостными ревкомами.

Это мероприятие очень тяжело отразилось на хозяйственном и культурном состоянии Горного Алтая. Вся практическая деятельность райревкомов свелась к поставке провианта и фуража для партизанских отрядов путем приказов и нарядов. Политически и административно райревкомы оказались в неопределенном и двусмысленном положении. С одной стороны Губревком сносился с райревкомом, как с уездной организацией. На имя райревкома высылались подробные инструкции об организации уездной советской милиции, велась переписка по вопросам земельного, страхового и финансового отделов. С другой стороны волревкомы непосредственно сносились с Бийским Уревкомом и оттуда, минуя райревкомы, получали руководящие указания и директивы.

Хозяйственно-политическая жизнь Горного Алтая замерла. Положение ухудшилось даже по сравнению со временами Каракорума и колчаковщины. Как ни тяжело было то время, как ни урезано в правах было земство при Колчаке, выделение Горного Алтая в самостоятельную административную единицу, положительно сказались даже при Каракоруме.

За небольшой период существования Каракорум-Алтайского округа число земских школ увеличилось вдвое, достигнув 80. В школах были введены новые предметы: лепка, рисование, естествознание. Открыто 2 высших начальных училища и одна гимназия. Проведены учительские курсы, устроена библиотека по

всем отраслям знания, приобретен имеющий большую ценность музей, начаты работы по переводу литературы на алтайский язык. Разработаны проекты ремонта школьных и других общественных зданий, произведена заготовка леса для этих надобностей. Поставлена статистика населения, земельных площадей и предприятий. Подготовлены материалы по улучшению сельского хозяйства, произведены изыскания нового варианта Чуйского тракта.

Мероприятия Бийского Уревкома не только не дали возможности продолжить и усилить в Советских условиях работы по экономическому и культурному строительству но свели на-нет и имевшиеся достижения.

Работы по заготовке леса, починке паромов и канатов, постройке заразных бараков, ремонту и строительству школьных зданий были приостановлены. Школы бездействовали за недостатком учебников, отопления и освещения и из-за голодовки учителей, не получавших жалования за многие месяцы. Земские ямщики, окончив свой срок и проработав даже сверх срока, отказывались от гоньбы. Все это заставило Горно-Алтайские райревкомы поднять вопрос о выделении советского Горно-Алтайского уезда. Так, например, Улалинский Райревком в своей докладной записке от 4 января 1920 года писал по этому поводу следующее.

„Нужен или нет уезд для Алтая—вот вопрос, который стоит сейчас перед Ревкомом. Есть ли веские доводы за административную самостоятельность его? Районный ревком полагает, что нужен и вот по каким соображениям:

1) Естественно-исторические условия уезда, горный характер местности, климат и почвы, совершенно отличные от прилегающей степи.

2) Хозяйственные формы самые разнообразные, начиная от первобытного скотоводства и кончая земледелием при искусственном орошении.

3) Специальные отрасли хозяйства, не имеющиеся в других местах губернии, как-то: табунное коневодство, скотоводство, пчеловодство, мараловодство, потребуют в ближайшем будущем внимательного научного изучения и развития. При хорошей организации скотоводства, Алтай может дать огромное количество животных продуктов для центров.

4) Необходимость использования огромной силы горных рек, могущих вызвать к жизни промышленность края и облегчать промышленность городов.

5) Использование горных богатств: недр, лесов, лекарственных растений и т. д.

6) Землеустройство в соответствии с государственной программой земельного дела на Алтае будет иметь совершенно своеобразные условия, могущие быть достаточно выявленными только органами местного самоуправления.

7) В деле поднятия духовной культуры, создание школ, курсов, специально приспособленных к языку, понятиям и развитию алтайцев, возможно при своем культурном центре.

8) Политическая жизнь края, глубоко консервативного, благодаря глубокому невежеству, оживится путем воздействия на него деятелей из своего алтайского центра“.

Три Горно-Алтайских ревкома были объединены в один Шебалинский вместе с делопроизводством и личным составом, а 13 апреля 1920 года журнальным постановлением губернского революционного комитета было решено: „Горно-Алтайский уезд временно утвердить в границах бывшего Каракорумского уезда“.

Бийский ревком с этим постановлением не считался и продолжал считать Горный Алтай подведомственным себе. Туда посылались различные комиссары и инструктора с неограниченными полномочиями, которые нередко разрушали в конец работу Горно-Алтайского уездного ревкома. Их деятельность вносила полную дезорганизацию в дела ревкома.

Наконец, в июле месяце Бийский Уревком, основываясь на телеграмме Губревкома, предложил Горно-Алтайскому уездному ревкому переименоваться в районный с подчинением Бийску. 13 июля Губревкомом были определены взаимоотношения между Бийским исполкомом и Горно-Алтайским ревкомом. Как бы удачной ни была эта инструкция, она на деле свела на-нет роль Горно-Алтайского ревкома и привела к полному замиранию экономической и культурной жизни. Всякая инициатива была вырвана из рук ревкома и он вынужден был ждать, что скажет Бийск. Необходимые ассигновки для уплаты жалования служащим райревкома и волревкомов задерживались, а если и высылались, то крупными купюрами, которыми производить расчеты было невозможно. Начался массовый уход служащих с работы, что еще более осложнило работу ревкома.

В результате протестов, шедших с Горного Алтая, Губревкомом была создана специальная междуведомственная комиссия по разрешению вопроса о самостоятельной советской единице в Горном Алтае.

Объединенным заседанием Горно-Алтайского революционного комитета и Оргбюро РКП была выделена особая комиссия, которая представила в губернскую междуведомственную комиссию обширный доклад.

Выдвигая в пользу создания уезда те же соображения, которые в свое время выдвигал Улалинский райревком, комиссия выдвинула еще доводы и политического свойства.

„Границы Горного Алтая, — писала комиссия в своем докладе, — соприкасаются с территорией Монголии, страной абсолютного деспотизма, где, как известно, народом управляют родовые князья, возглавляемые Хутухтой. Князья находятся под полным влиянием русских и китайских купцов, которые, пользуясь покровительством первых, самым наглым образом обирают и эк-

сплоатируют монгол, удовлетворяя свои алчные аппетиты. Монголы весьма мирный и гостеприимный народ, но чуждый всякой политической жизни, и только теперь у них проявляется интерес к судьбе родственных им племен, находящихся в Горном Алтае и к политическим событиям в России.

Сообщения и слухи, получаемые в Монголии о нашем революционном движении — несомненно муссируются паразитическим элементом не в пользу советской власти и ведется самая контрреволюционная пропаганда среди доверчивых монгол.

Противосоветская агитация в Монголии усилилась после того, как туда прорвались банды белых и перекочевали из Алтая богатые, влиятельные калмыки, результатом чего явилось недоброжелательное отношение монгол к русским, полная безнаказанность и непринятие монгольскими властями мер к разоружению банд, которые и по сие время продолжают бродить у границы и в окрестностях Горного Алтая, грабя население и наводя панику на мирных жителей деревень.

Революционный Комитет, в виду неопределенности своего положения, не может противопоставить свою революционную агитацию, а между тем негодяи, находящиеся на монгольской территории, продолжают вести свою преступную работу, результаты коей могут, в конце-концов, вылиться в активное выступление Монголии против Советской республики. Чтобы в корне подорвать контрреволюционную агитацию наших врагов и предотвратить нежелательные выпады Монголии против Совласти, помимо главной политики центра, необходимо спешно создать в Алтае самостоятельный Горный Революционный орган с полным объемом власти уездной единицы, предоставив ему самостоятельность в проведении политической и продовольственной работы. Главная же цель революционного органа будет заключаться в установлении дружественно-тесных отношений с монгольским населением, соприкасающимся с нашими пограничными волостями, которые должны быть информированы об истинном положении дел в советской республике“.

В заключение, комиссия от имени объединенного заседания Горно-Алтайского организационного бюро РКП, членов революционного комитета и заведующих отделами, предложила:

„Территориально вновь создаваемый Горно-Алтайский уезд должен быть в границах бывшего Каракорумского уезда с присоединением к нему волостей Черно-Ануйской, Куяганской, Сарасинской и Алтайской. Временной резиденцией Горно-Алтайского уезда намечено село Алтайское, как узел связывающий тракты: Чуйский, Уймонский и Улалинский и имеющий достаточное число удобных домов для размещения уездных учреждений“.

Губревком согласился с мнением Горно-Алтайского ревкома и в начале 1921 года создание Горно-Алтайского уезда было санкционировано Сибирским революционным комитетом.

В тяжелых условиях приходилось Горно-Алтайскому уревкому налаживать советскую работу. Уезд не был еще очищен от банд. Коммунистов и служащих советских учреждений в волостях по ночам приходилось наряжать в караулы против бродячих бандитских шаек, скрывавшихся в горах.

Разбежавшиеся по деревням эсеры, кулаки и колчаковские офицеры вели среди крестьянства скрытую провокационную работу. Прикрываясь звучным именем „крестьянского союза", они в своих воззваниях призывали к свержению диктатуры пролетариата. „Власть,—писали они,—должна принадлежать только лишь крестьянам и „крестьянскому союзу", который осуществит эту власть, созвав Сибирский Земский Собор".

Установление советской власти и ее правильная классовая политика, направленная к размежеванию деревни, привела к разрыву существовавшего в период партизанского движения единого „русского" фронта. Классовое расслоение проникает теперь в русское село и внутри его начинается классовая борьба. Недовольные экономической политикой Советской власти кулаки, бывшие партизаны, активно выступают против диктатуры пролетариата.

Национальные особенности гражданской войны на Алтае, о которых мы выше писали, сказались на составе партизанских отрядов. Четкого классового расслоения среди партизан не было. Среди них было много кулацких, анархиствующих, мелкобуржуазных элементов. С установлением советской власти некоторые из них даже вступили в партию, но сохранили свои индивидуалистические склонности, тяготились дисциплиной, налагаемой центральной и губернской властью, не умели укладываться в определенные рамки.

Часть бывших партизан, во главе с популярными раньше Роговым, Новоселовым, Плотниковым и др., открыто восстала против советской власти под лозунгом: „Не надо нам власти, народ и без власти проживет!". Они сконцентрировали вокруг себя недовольные и разложившиеся элементы, привыкшие грабить, кутить и пьянствовать. Примкнули к ним и остатки колчаковщины, намеревавшиеся использовать популярные партизанские имена для возобновления борьбы против советской власти.

Разложение дошло даже до самых уездных органов. Один из членов ревкома, видный партизан, оказался связанным с своевременно раскрытым заговором против советской власти. Заговорщики имели связь с офицерами из белых карательных отрядов Сатунина, Кайгородова, Феодоровича и штабс-капитана Шишкина.

Для ликвидации заговора была послана Чрезвычайная губернская комиссия губкома и губисполкома. Принятыми мерами движение было ликвидировано. Рогов застрелился, а шайки Новоселова и Плотникова скрылись в тайгу, выходя оттуда лишь с целью грабежа и убийств.

Проводившийся продналог вызвал особую ненависть со стороны кулачества. „Мною были предприняты шаги к решительному вывозу хлеба,—сообщал Горно-Алтайскому Укому РКП (б) Чрезвычайный Уполномоченный по разверстке,—но они сводятся на-нет, в виду того, что бандиты терроризируют население". „Тоуракский сельсовет,—пишет тот же уполномоченный,—объявляет, что все мои приказы о выполнении продналога выполнены, кроме отправки хлеба. Хлеб готовый к отправлению задерживают на дорогах".

Крестьяне, сдававшие хлеб, отказывались возить его без конвоя, так как бандиты имели связи во всех селах, нападали на подводчиков, грабили и отбирали хлеб. „Необходимо сейчас же,—писал Укому секретарь Куяганского волпарткома 4 октября 1921 года,—бросить в села, как можно больше агитаторских сил, чтобы убедить население, доказать всю ложность агитации бандитов против продналога, но к сожалению агитаторских сил у нас почти нет".

Малочисленной, только что возникшей партийной организации очень тяжело приходилось в этих условиях. „Довожу до сведения,—писал в Уком инструктор Черно-Ануйского района—Василий Шебалин, что в Черно-Ануйской волости народное положение изменилось так, что к партийным отношение плохое". „Население относится к коммунистам очень скверно. Учительница саботирует",—докладывал на съезде районных парт-советских инструкторов, представителей волпарткомов и воляческ, Горно-Алтайского уезда, 10—15 апреля 1921 года, секретарь Туэктинской волячейки.

„В Усть-Кане,—пишет в своих воспоминаниях т. А. Г. Абраменко,—товарищ Михайлов организовал ячейку РКП (б). К нам сначала присоединилось было человек 15 усть-канцев, но пробыв дня 4 все выписались и остались мы только 4 человека—Михайлов Василий Алексеевич с двумя сыновьями и я". Не ладилось дело и с комсомолом. На это указывали в своих отчетах на вышеупомянутом съезде представители от Паспульской и Песчаной вол'ячеек, Айского волкома и др.

Однако, несмотря на все эти тяжелые условия Горно-Алтайскому Уревкому и Укому удалось все же проделать громадную положительную работу. Помимо проведения земельной реформы за короткое время с невероятным трудом, в условиях бандитизма, голода и свирепствовавшей тогда тифозной эпидемии, было организовано 5 врачебных участков, 7 фельдшерских пунктов и т. д.

Помимо того, что почти все коммунисты (90%) стояли под ружьем в отрядах ЧОН,—они развертывали разъяснительную работу в массах. На партийных собраниях, сходах, беспартийных конференциях, и в частных беседах обсуждались вопросы: за что борются коммунисты; Советская власть—власть трудящихся; продовольственная политика; текущий момент; методы борьбы с бандитизмом; участие женщин в советском строительстве; народное

просвещение; решения и законы советской власти и ряд других вопросов.

Вся работа была направлена к привлечению трудящихся на сторону советской власти. В 1921 году за 4 месяца проведено 32 беспартийных конференции, на которых было 2115 делегатов, уездная женская конференция из 180 крестьянок, 49 лекций с 976 слушателями, 206 митингов с 25.681 слушателями, 111 бесед с 3.110 слушателями.

Русское население было широко охвачено этой разъяснительной работой. Аналогичная работа среди алтайцев велась очень слабо, так как не было работников, знающих алтайский язык. Это, между прочим, было одной из причин, благодаря которой алтайцы так долго оставались в бандах.

Вся эта работа проводилась при самых незначительных предпосылках. Газеты получались редко и нерегулярно. Агитационно-пропагандистская литература была представлена исключительно „Азбукой коммунизма“, которая имелась в невероятно ограниченном количестве. Волость, имевшая единственный экземпляр, считала себя счастливой. В Туэктинской волости, например, имелся единственный экземпляр, который обслуживал еще и Онгудайскую волость.

ГЛАВА XII.

Бандитизм на Горном Алтае.

Затихшее было на Горном Алтае бандитское движение с начала 1921 года вновь приняло массовые формы, но носило теперь уже явно выраженный классовый характер. Классовая политика советской власти, восстановила против нее не только кулацкие элементы русского села, но и байскую верхушку, которая забыв свой шовинистический лозунг — „Іер-су-хан-Алтай" (Земля и воды Алтая для алтайцев) выступает единым фронтом с русскими кулаками.

Когда пролетарская революция докатилась, наконец, до Горного Алтая в виде реальной Советской власти, проводящей реальные мероприятия, бьющие и по кулаку и по баю, национальные противоречия отступили на задний план перед общностью классовых интересов. Характерной чертой бандитского движения 1921—22 г.г. по сравнению с предыдущим периодом является именно этот союз русского кулака с алтайским баем, единым фронтом выступающих против советской власти. К сожалению, бай еще вел за собой в значительной степени алтайские массы.

Основной массой в бандитских отрядах, помимо явно-уголовных элементов, были алтайцы, зажиточное крестьянство, кержаки и даже часть середнячества. Алтайцы, под влиянием контр-революционной, клеветнической против советов агитации националистов были запуганы „большевистскими зверствами" и уходили в белые отряды, руководимые влиятельными и богатыми баями. Середняк колебался. Среди населения, особенно в Уймонском районе, росло недовольство. „Продработники требовали выполнения продналога, доставки его в Черный Ануй за 200 верст в самую распутицу, когда нельзя было ехать ни на телеге, ни на санях. Уполномоченные говорили: хоть на горбу, но все-таки доставь". Между тем, в пути нападали бандиты, грабили отбирали лошадей, одежду. Обозленное население считало, что советская власть намеренно хочет их разорить. Провокаторами по этому поводу распространялись всевозможные слухи и клевета на советскую власть и коммунистов. Говорили, что от этого можно избавиться, помогая Кайгородову, который отменяет все налоги. Крестьяне, по простоте души своей верили, что можно установить крестьянскую власть без коммунистов, которую обещал

Кайгородов. Калмыкам же обещали выгнать с Алтая русских и возвратить им все земли, которые когда-то принадлежали им“[1]).

Кулачество поощряло бандитизм, пополняя повстанческие отряды, организуемые бывшими партизанами Тырышкиным, Пьянковым, Колесниковым и др. Недовольные продналогом, „обиженные“ соввластью, эти бывшие партизаны восстали под лозунгом „Вся власть народу, да здравствует учредительное собрание!“.

Штаб 1-го повстанческого лесного кавалерийского полка звал крестьян к свободе от коммунизма, рисуя кулацкие идеалы:

„Кончается четвертый год хозяйничания в России коммунистов-большевиков, грабительски захвативших власть и взобравшихся на шею русского трудового народа. Четыре года непрерывного разрушения, истребления веками накопившихся богатств, привели к нищете, голоду и вымиранию так недавно бывшую великой и обильной страну. Миллионы лучших людей погибли и гибнут сейчас в большевистских застенках, умирают с голода. Для сохранения своей власти, коммунисты не останавливаются ни перед чем. Они расстреливают тысячами тех самых рабочих и крестьян, именем которых прикрываются, в своих гнусных деяниях. Они обрекают на медленную смерть многомиллионное население Европейской России и Сибири, откупаясь от посягательств иностранных государств (напр. Польши) на свое владычество украденным ими золотом, штыками и нагайками выколачиваемым ими у крестьян хлебом. Так дальше продолжаться не может. Иначе все погибнет. Мы все, вся трудовая Русь, должны сбросить с своей шеи ничтожную горстку захватчиков. Все без малейшего исключения, должны помочь общему делу освобождения. Освободительное движение началось, нужно его поддержать и в каких-нибудь два три месяца свободной грудью вздохнет русский рабочий и крестьянин. На всем необъятном пространстве России и Сибири поднимается русский народ, объединится в партизанские отряды и нанесет чувствительные удары насильникам. По сведениям коммунистов в настоящее время насчитывается до 80 еще не уничтоженных восстаний. Вся Украина военный лагерь. В Сибири нет почти уезда, где не разгуливали бы отряды повстанцев. В Горном Алтае, наши отряды сформированы давно. Теперь настал час действия. Не медли ни минуты, крестьянин!!! Иди к нам, в горы, бери винтовки и отвоевывай свободу!

„И ты, красноармеец, честный коммунист, по несознательности попавший в партию грабителей, помни, что мы не бандиты, мы не грабим, не убиваем даже своих врагов. Идите к нам. Довольно крови. Объединяйтесь пятками, десятками, идите по одиночке — все вы получите оружие, будете приняты в нашу семью.

„Крестьяне! Не бойтесь, что у вас отберут имущество, разорят хозяйство — мы придем раньше, чем успеют это сделать. Но ваша поддержка необходима, иначе нас и вас ждет

---

[1]) *„Возникновение“...*

гибель. И так, во имя свободы, во имя спасения наших братьев, томящихся в тюрьмах, умирающих в голодном Поволжье, во имя спасения вас самих — не медлите! Идите на помощь к нам!“.

Под знаменем „крестьянского союза“, бывший партизан, ставший командиром „Первого Сибирского Повстанческого Полка“— Тырышкин, мобилизовывал крестьян для борьбы с советской властью. „Первый Сибирский повстанческий Горно-Алтайский полк на основании постановления крестьянского союза от июля 1921 г. объявляет мобилизацию граждан села Казанда, Куяганской волости в возрасте от 20 до 40 лет, могущих по состоянию здоровья носить оружие. Указанные граждане должны явиться в полк немедленно по объявлении сего приказа на собственных лошадях с седлами и оружием военного образца, у кого таковое имеется. Кроме того, все лица, имеющие оружие военного образца, как огнестрельное, так и холодное, должны сдать в полк. Граждане, не подчинившиеся приказу, будут привлекаться к ответственности через военно-полевой суд, как противники народа и сторонники коммунистов; Командир полка Тырышкин, Адъютант Стародубцев“.

Другой бывший партизан, а теперь начальник „Братского отряда“ Пьянков, шел на коммунистов за то, что они, по его мнению, собирая продналог „кладут черное пятно на народную свободу“ [1]).

Несколько своеобразное явление представляла собою банда Семенэка. Алтаец по национальности умный и талантливый, но непосредственный в своих настроениях, он служил в советской милиции, проштрафившись был наказан. Обидевшись на советскую власть, он решил ей жестоко отомстить и организовал бандитский отряд. В своих воззваниях он повторял идеи, вычитанные из воззваний других бандитов: „Граждане, — писал он, — вот уже четыре года продолжается затеянная коммунистами-большевиками гражданская война, попирая все человеческие и божьи законы. Мы, первый закатунский повстанческий отряд, в лице Семенэка, подымая знамя восстания против ненавистного нам коммунизма, призываем всех граждан Алтая не медля ни одной минуты формировать добровольческие отряды для борьбы с коммунизмом. Не делайте никаких насилий над коммунистами. Помните, что смертная казнь отныне отменена. Да здравствует учредительное собрание, да здравствует полная гражданская свобода, да здравствует свободное пользование продуктами собственного произведения. Штаб Чемал“.

Классовой непримиримости в нем не было. С пленными обращался хорошо. Взяв в плен двух красноармейцев, он отпустил их, снабдив следующим, характерным для него письмом: „Командиру 55 Кавполка. Препровождаются в Улалу на излечение два красноармейца Булашев и Комраков. Предлагаю вам, тов. командир полка, переговорить со мною, если не лично, то посредством письма. Предупреждаю, что лучше вам с полком сегодня утром, к 10 часам очистить территорию Алтая от Чемала до Улалы по правому берегу

---

[1]) См. приложение, № 2.

Катуни. Разве вы не видите, что все восставшие народы против насилия коммунистов. Вас проводники нарочно вводят в мои засады, чтобы скорей избавиться от красных частей и вооружить весь народ. Ваш 3-й эскадрон целиком забран и обезоружен. 2-й эскадрон наступающий на Элпкманар и Александровку тоже 15 февраля разбит и, если не уйдет от Куюма на Улалу, то будет разоружен. Оставьте нас в покое и уходите пока не поздно в Улалу, там можете пока оставаться. Только не грабьте население, не трогайте женщин и детей, они ведь ни в чем не виноваты. Нам нужно жить с вами мирно. Вы, красные, грозите вырезать все наши семьи. Подумайте над этим, ведь вы одни против всего народа. Выходит так, что все население виновато в восстании—его надо истребить, а вы одни, красные командиры должны остаться. К чему это кровопролитие. Коммунисты все нам надоели своей властью. Давайте сделаем так. Не будем никого трогать,— ни коммунистов, ни мирных жителей. Пусть все живут и пользуются свободой. Голодных всех накормим, чтобы не было несчастных. У нас в плену ярый коммунист — Каменцев, командующий дураками местными коммунистами. Каменцев ранен и как враг наш должен бы умереть. Но мы не так смотрим на дело. Он, наш брат, только заблудившийся. Мы его накормим, положим в Чемальскую больницу, а когда выздоровеет отпустим с богом на свободу. Коммунистов в Чемале человек 50 и все на свободе. Командир 3-го эскадрона 55 Кавполка Исаев с эскадроном шлет вам привет из Чемала и пожелания, чтобы вы присоединились к нам. Да здравствует свобода. 16/II—1921 г. 4 часа. Командир Закатунского повстанческого полка Семенэк.“

Преследуемый красными он сдался добровольно и был арестован. Сидя в тюрьме, он держался непринужденно, рассказывал о своих похождениях. С удовольствием передавал подробности своих стычек с красноармейскими и партизанскими отрядами — как бил их, как был бит ими. Попытки дать ему понять тяжесть совершенных им преступлений не приводили ни к чему.[1]).

Но из каких бы соображений ни исходили руководители отдельных бандитских отрядов, на деле они оказались пешками в руках подъесаула Кайгородова, Колчаковского офицера, честолюбивого и жестокого, мечтавшего стать владыкой и князем Алтая.

Кайгородов стал знаменем восставшего кулачества и байства и в своих отрядах имел как русские, так и алтайские части. В своих воззваниях он выдвинул программу, которая должна была удовлетворить классовые требования кулаков и баев.

В 1919 году, под напором партизанских отрядов и регуляных частей Красной Армии, белые части отступали по направлению к Монголии[2]). Выбитая из Чибита алтайская сотня (130 чел.),

---

[1]) Семенэк умер в тюрьме, заболев тифом.

[2]) При изложении похождений Кайгородова, нами использованы, кроме мемуаров, приговоров Ревтриба и официальных документов, обширные показания Сыромятникова, адъютанта Кайгородова.

перешла границу и здесь сложила оружие. Остальные: Катунский полк (бывш. Алтайский дивизион), Прожекторная рота, эвакуированная из Бийска, Георгиевский эскадрон и формируемый Кайгородовым Чуйский полк, отошли на Катунь. Командующим Горно-Алтайскими отрядами был Сатунин.

Рис. 17. А. П. Кайгородов.

После смерти Сатунина, убитого одним из своих приближенных, Кайгородов некоторое время был помощником Елачича, заместившего Сатунина. Когда Елачич заболел тифом, Кайгородов 21 февраля 1920 г. стал командовать всеми отступавшими Горно-Алтайскими отрядами.

В отрядах началось разложение. У белых не было продовольствия, они голодали и стали поедать своих лошадей. Обмундирования не было, а быстро развившийся тиф нещадно косил отряды. Голые, босые и голодные отряды белых грабили население и этим восстановили против себя даже ко всему притерпевшихся алтайцев.

Красные войска, между тем, продолжали наступление и Кайгородов выехал в Чибит для переговоров с 234 советским полком. Кайгородов затягивал переговоры о сдаче, стремясь обеспечить себе отступление. Но пока велись эти переговоры, разложение в частях продолжалось и белые массами сдавались красным. Из 2400—2700 отступили в Монголию только 600—700 человек. Усталые, раздетые, обессиленные они по дороге бросали оружие и наконец, 19 апреля 1920 г., перешли монгольскую границу за перевалом по р. Харга.

Встретили их там не очень дружелюбно. Продовольствия не давали, голодовка продолжалась. На этой почве взбунтовались алтайцы и арестовали всех русских, в том числе и офицеров. Кайгородов, кое-как уладив этот конфликт ушел в Бекен-Морин, но здесь встретился с советскими войсками. Растеряв последние остатки своего отряда, которые добровольно сдавались, Кайгородов с „армией“ в 37 человек скрылся из Бекен-Морина и ушел в Монголию. Из этих 37 в Кобдо пришло только 29 человек.

Кое-как прожил Кайгородов в Монголии до середины 1920 года, делая частые набеги на пограничные районы Алтая.

В октябре 1920 года Кайгородов приступил к формированию отряда для наступления на Алтай. К нему стекались остатки различных белогвардейских отрядов, заброшенные в Монголию. Собрав

человек 80, Кайгородов остановился на зимовку в Орогло у озера Ашт-Нор. Здесь писались воззвания, которые через Товара Чекуракова распространялись по Чуйскому тракту.

„Граждане,— писалось в одном из таких воззваний,— наступает четвертый год братоубийственной войны. Она не может кончиться, когда самозванцы комиссары называют себя народными. Братцы, пора пробудиться и пойти на жидовских борцов. Пора соединиться и выручить страдающих братьев и отцов. За что они посажены? Что они — воры, преступники? Нет, за ваш трудовой хлеб, советская власть мучает и карает вас. Вы отдаете хлеб советской власти, а от нее возвращаетесь со слезами. Долой коммунистов. Да здравствует учредительное собрание!“.

Отряд, разросшийся до 210—230 чел., при 75—80 винтовках, простоял в Орогло до февраля 1921 года. В марте, через монгольского чиновника Балдан-Гуня была установлена связь с бароном Унгерном. Последний в своем послании — приказе объявлял подчиненными себе все белые отряды, находящиеся на территории Монголии.

Заняв Кобдо, Кайгородов сформировал штаб. Начальником штаба был назначен полковник Сокольницкий, адъютантом прапорщик Сыромятников. На основании приказа Унгерна была объявлена всеобщая мобилизация до 43-летнего возраста. Мобилизации подлежали все русские колонисты и беженцы под страхом военно-полевого суда. Из мобилизованных были сформированы 3 сотни под командой подъесаула Шестакова, корнета Ферова и ротмистра Зилотина, пулеметная команда разведчиков, нестроевая команда и госпиталь. Была установлена связь с отрядом в Улясутае, которым командовал быв. атаман казачьего Енисейского войска при Колчаке Казанцев. В Чугучаке находился отряд генерала Бакича, но с ним связи не было. От Унгерна было получено оружие —260 винтовок, 76 м/м. пушка французского образца и 315 снарядов к ней, а также продовольствие, чай и мануфактура.

12 июня 1921 года отряд в полном составе выступил по направлению на Кош-Агач. До Кош-Агача, однако, добраться не удалось, так как там был сильный советский гарнизон. По предложению Сокольницкого по границе были оставлены сильные заставы в Улисе, Бекен-Морине и Саксае, а остальной отряд вернулся в Кобдо. На Чуйский тракт с личными инструкциями от Кайгородова был отправлен Василий Кусургашев для формирования повстанческого отряда в тылу у красных.

В течение июля и августа происходили отдельные стычки с красными с переменным успехом. В Саксае находился красный отряд под командой т. Байкалова, который задерживал продвижение Кайгородова.

17 сентября была установлена связь с Бакичем. Соединенными усилиями двух отрядов было проведено наступление на Байкалова, которое кончилось очень печально для белых—они потеряли до 250 человек убитыми и ранеными.

Карта
движения
Кайгородовских
отрядов
1921-22г.
Условные обозначения
Тракт
Горные тропы
Путь Кайгородовских отрядов
Улала
Куеган
Камлак
Чепош
Лаудак
Лоурак
Узнезя
Лопольная
Ильинское
Чемал
Черный Ануй
Шебалино
Белый Ануй
Лопучая
Усть Кан
Туекта
Кырлык
Меньга
Шугаш
Онгудай
Абаи
Усть-Иня
Кокса
Чибит
Каманда
Кош-агач

Между Кайгородовым и Бакичем начались разногласия, которые кончились разрывом. Бакич остался на месте, а Кайгородов 22 сентября вышел по направлению на Кош-Агач.

27 сентября Кайгородов был разбит красными и потерял 45 человек убитыми. Тогда он решил выйти на Чуйский тракт, минуя Кош-Агач. 31 сентября отряд вышел, чтобы обойдя Кош-Агач с западной стороны, дойти до р. Чаган-Узун, впадающей в Чую. Переход до р. Чаган-Узун продолжался полтора суток. Продовольствие, взятое из Монголии, истощилось. Питаясь кониной, отряд Кайгородова по Курайской тропе (параллельной Чуйскому тракту), неожиданно в Можое встретился с отрядом Кармана Чекуракова, который ушел сюда после отступления с Белого Бома. У Кармана было много продовольствия. 19 октября произошло слияние отрядов под общей командой Кайгородова.

После 3-х дневного отдыха решено было итти в наступление на Чибит. 23 октября наступление на Чибит было отбито красными и, потеряв убитыми 10 человек, Кайгородов вернулся на Можой. Отсюда он двинулся на Белый Бом и занял его 27 октября, захватив 40 пленных красноармейцев, которые были отпущены в Иню.

Из Белого Бома Кайгородов сообщил Сокольницкому в Монголию о своих успехах и о том, что весь Алтай восстал против Советской власти. В Катанду и на Уймон были посланы воззвания с призывом присоединиться к повстанческим отрядам и восстать против Советской власти.

„Первый Катунский отряд,—говорилось в одном из этих воззваний,—под командой подъесаула Кайгородова призывает всех граждан Алтая восстать, как один, на защиту родины против угнетателей коммунистов-большевиков. Мы уверены, что вы проявите инициативу в выборе местной власти, сбросите старых, выберете новых и не допустите к власти приспешников Ленина и Троцкого. Мы терпели, когда с нас брали непосильную разверстку, мы терпели, когда нас гнали на никому ненужную работу, не считаясь с ущербом для хозяйства. Но когда все дома под модным названием „домов лишения свободы“, все Губчека и подвалы Политбюро переполнены невинными гражданами республики,—чаша народного терпения переполнилась и вся Сибирь, а в частности наш Алтай, подняли знамя восстания против ненавистного коммунизма. Мы уверены, что уже недалек тот момент, когда сгинет произвол и насилие со стороны коммунистов и над обагренной невинной кровью землей взойдет яркое солнце гражданской свободы. Агитационное бюро Первого Катунского Повстанческого Отряда“.

„Братцы,—говорилось в воззвании к катандинцам,—просим вас присоединиться к повстанческим отрядам, которые идут за освобождение народа от ига и насилия большевиков, за собственный труд крестьян, за свободную торговлю, за учредительное собрание. Призываю вас, братцы, свергать коммунистическую

власть. Братцы, я, командующий войсками подъесаул Кайгородов, находился за границей 2 года. Я не желаю проливать братскую кровь и прошу вас присоединиться ко мне. Коммунистов прошу сложить оружие и тоже прийти ко мне. Весь Чуйский тракт занят мною, только в Ине стоит 100 человек советских войск, которые окружены со всех сторон и не сегодня—завтра нам сдадутся. После этого весь народ восстанет против коммунистов и советской власти все равно не устоять. У меня войск 2.000 человек, у Бакича 15.000, которые все идут Чуйским трактом освобождать народ от ига коммунизма. Долой коммунистов, да здравствует учредительное собрание!".

На Уймон было послано другое воззвание. „Настало время,—говорилось в этом воззвании,—отомстить коммунистам за невинную кровь, настало время свергнуть иго коммунистов, настало время восстановить право трудового народа, свободно трудиться и по своему усмотрению пользоваться трудом".

После неудачного наступления на Усть-Иню, Кайгородов перевалил Сальджар и ушел в Изек и в начале ноября соединился с бандами Тырышкина и Семенэка.

Семенэк с отрядом в 30—36 человек отправился на Чемал. Карман Чекураков с отрядом в 70—80 чел. на Белый Бом, а Кайгородов с Тырышкиным (400 чел.) должны были выйти на Онгудай, переправившись через Катунь.

Так как в Онгудае находился сильный красноармейский гарнизон, Кайгородов решил обойти его и вместо Онгудая пошел на Туекту. Туекта была занята без сопротивления, так как там у красных никаких сил не было. В Туекте был ограблен кооператив и хлебный обоз, шедший с Теньги, после чего отряд направился по тракту на Шебалино, но у Теньги свернул на Белый Ануй. 9 ноября был без боя взят Белый Ануй, а затем, также без боя, Черный Ануй. Из Черного Ануя отряд пошел через Топольную на Куяган, который к моменту его прихода был уже оставлен красными.

20 ноября Кайгородов занял Тоурак, но в тот же день вечером был выбит оттуда регулярными частями Красной армии. Полевые орудия красных частей наводили панический ужас на белых. Отступив от Тоурака в совершенном беспорядке, Кайгородов ушел на Казанду, но и отсюда подвергнутый внезапной ночной атаке красных, он также панически бежал. Со значительно поредевшим отрядом дошел он до с. Ильинского, где соединился с 1 и 2 ротой Тырышкинского отряда, которые потерялись при отступлении из Казанды. После неудачной попытки занять Барагаш, во время которой был ранен Тырышкин, Кайгородов вернулся в Белый Ануй.

Белые отряды стали разлагаться. Население им не сочувствовало, началось массовое дезертирство. В Белом Ануе ушло сразу 150 человек. Ушли шебалинские и чергинские повстанцы, отстал и сам Тырышкин с отрядом в 50—60 человек.

Силы Кайгородова дошли всего до 300 человек. С ними он отступил до Усть-Кана, который занял 25-го ноября. Отсюда он ушел дальше, на Кырлык, Шугаш и Абай. В Усть-Коксе он был разбит красными частями, под командой Злеца-Маговца и без остановки бежал до Катанды на расстоянии 70-ти клм.

30 ноября Кайгородов в Катанде соединился с отрядом Кармана Чекуракова и отошел по Катуни до Ак-кэма. 200 человек тырышкинцев, оставшихся после ухода самого Тырышкина, под командой его адъютанта Стародубцева, решили разойтись по домам, ссылаясь на недостаток продовольствия и незнание местности.

У Кайгородова остался сводный отряд из русских, человек в 100 и отряд Кармана Чекуракова из 140 алтайцев. С этими силами Кайгородов попытался закрепиться на Ак-кеми. Наступлением красных в начале декабря он был выбит и из Ак-кеми. Потеряв одну треть сводного отряда, он ушел в Аргут и здесь, наконец, закрепился.

Из Аргута, желая поднять настроение остатков своего отряда и добиться перелома настроения населения в свою пользу, он начал посылать приказы и воззвания от имени „штаба освободительной армии“ на Чуйский тракт и на Уймон.

„Граждане Алтая и Сибири,—взывал он к крестьянам,—оглянитесь назад и посмотрите, что обещала вам советская власть и что дала. Захватив власть в свои руки силою оружия, не допуская к ней никакие другие партии, кроме коммунистов-большевиков, они уверяли вас, что только они, большевики, могут установить такой порядок правления, которым будут довольны все граждане России. Граждане, правда ли это? Вас нагло и бессовестно обманули зажиревшие, сидящие на вашей шее и пьющие вашу кровь коммунисты-комиссары. Отменив государственные налоги, они заменили их налогами „советскими“, именуемыми первоначально разверсткой, а с 1921 года продналогом. При введении продналога указывалось Советской властью, что ставки будут определены до засева полей. Вы, граждане, приняли все это за правду, а где же она? После этой очередной лжи, господа комиссары потребовали ваш труд, хлеб и прочее, приказывая лично каждому доставить за триста и более верст, не принимая от вас никаких заявлений о трудности и невозможности выполнить этот приказ. Эти именующие себя „Рабоче-Крестьянской властью“ не побеспокоились даже спросить тех же крестьян, остается ли у них излишек для своего личного потребления. Это только о хлебе. Не та ли участь постигла и все ваше хозяйство? Где скот, которым вы питались? Где лен, из которого вы шили себе одежду и пр. и пр. Создали полнейшую голодовку всей Поволжской и Каменской полос, не говоря уже о России, где трудовой народ не видит хлеба с 1917 года. Куда же граждане, думаете вы, идет выколоченный с вас хлеб. Боясь потерять свою власть, господа комиссары, коммунисты продают вас оптом и в

розницу, отправляя ваш хлеб Польше. Ими отправлено только к 1 октября 1921 года двести пятьдесят миллионов пудов, о чем ваши господа-комиссары не потрудились даже поставить вас в известность, как хозяев своего хлеба. Да и сами вы не смеете спросить, куда они девали ваш хлеб, так как ответом на это бывает заключение в тюрьму, а то и расстрел. И это совершается при той власти, которая именует себя „народной". Это еще не все прелести Советской власти. Гражданская война, которая наводит ужас на весь трудящийся класс, создана теми же кровавыми комиссарами. На эту войну вас бросают, называя своих противников „бандитами", „разбойниками" и тому подобными именами. Кто же эти бандиты? Это граждане, которые вынуждены были взяться за оружие в силу невыносимых условий, созданных теми же кровавыми комиссарами. Посылаемые вами представители с мест, для защиты ваших интересов, или просящие для вас какого-либо снисхождения, получали всегда ответом или тюрьму, или расстрел. Народ, выведенный всеми такмими поступками кровопийц, комиссаров и их приспешников из терпения, восстает против такой невыносимой для вас власти. Вот кого называют врагами народа, подавляя такие выступления самого народа. Народные комиссары не стесняются применять самые варварские способы гнусной расправы не только по отношению к восстающим, но и к мирным жителям. Со всех мест раздаются вопли и стоны мирных граждан, задыхающихся от кровавых расправ с ними власти народной. Вот вам примеры, потрясающие душу каждого порядочного гражданина, в Куруме, Ильинской волости Горно-Алтайского уезда, замучены и расстреляны тридцать шесть человек, среди которых тридцать беззащитных женщин и детей, вплоть до колыбельного возраста. В Кучурле Катандинской волости несколько семейств тоже постигла печальна участь. Это поступает так та власть, которая именует себя Народной Государственной властью. Где же эта свобода, равенство и братство, о которых так много кричали эти кровопийцы-комиссары и их поспешники. Нет, граждане, от этого избавить себя можем только мы же сами, не ожидая ни откуда никакой посторонней помощи, а достигнуть этого мы можем только объедннением. Объединимся же солдаты, служащие в армии, крестьяне изнемогающие от непосильных налогов, рабочие, голодающие у станка и все служащие. Выбьем из рук комиссаров-коммунистов оружие и власть и, не выпуская оружия из своих рук, проведем своих представителей в Учредительное Собрание, где ими будут выработаны основные законы, приемлемые для всего народа Российского государства. Да здравствует Учредительное Собрание! Да здравствует трудящийся класс, восставший для защиты своих попранных прав! Помните, что всякому терпению есть свой предел. Долой кровавые расправы карателей коммунистов! Долой гражданскую войну, созданную ими же! Вставай весь угнетенный народ на защиту блага и помни, что сила в нас, в самом народе!".

С аналогичными воззваниями обращался Кайгородов к красноармейцам и коммунистам. [1])

Все эти призывы, воззвания и обращения не помогали. Пробыв на Аргуте с 10 декабря 1921 года, до конца января 1922 года, Кайгородов вынужден был искать выхода из положения. Даже алтайцы от него отвернулись и отказались снабжать его продовольствием. Отряд из алтайцев (человек 100—150) был переименован в первый Чуйский полк, а сводный русский отряд (чел. 80—90) в первый полк второй народной дивизии. С этими „полками“ он 28 января вышел по направлению на Катанду, объявив мобилизацию.

30 января 1922 года был издан „приказ № 1 по гарнизону Горного Алтая, Аргута и сводным русским и инородческим партизанским отрядам“. [2])

В этом приказе, ссылаясь на голод в России и на предстоящее „падение“ советской власти, Кайгородов объявлял мобилизацию всего населения в возрасте от 18 до 45 лет, для того, чтобы „добить шипящую при последнем издыхании змею и лишить ее возможности поднять свою голову для причинения большого зла исстрадавшемуся от нее за четыре года русскому народу. Надо ему дать возможность избрать своих представителей в Учредительное Собрание и через них восстановить тот порядок управления, который они признают более отвечающим требованиям самого народа“.

Приказ этот большого успеха не имел. В качестве образца того, как отнеслось население к объявленной Кайгородовым мобилизации приводим ответ Талицкого сельсовета на отношение командира 2 сотни. Этот последний писал: „Прошу по получении на лицо воззвания собрать граждан от 18 до 45 лет и спросить местных жителей, кто желает вступить в ряды повстанческого отряда и дайте нам ответ в срочном порядке“.

Ответ последовал в срочном порядке: „Сообщаю, граждане села Талицы, Усть-Канской волости вступить в отряд бандитов, таковых нет, в чем и удостоверяем. Председатель Талицкого сельсовета и секретарь (подписи)“.

Выйдя с Аргута, Кайгородов беспрепятственно дошел до Тюнгура в 23 клм. от Катанды. В Катанде стояла рота под командой командира 3-го батальона 186 полка Туманова, который пьянствовал, не наблюдая совершенно за тем, что делается на Аргуте. Этим воспользовался Кайгородов и в ночь на 5-е февраля занял Катанду. Отсюда он двинулся на Уймон и Усть-Коксу, везде производя насильственную мобилизацию. Из насильно-мобилизованных был сформирован первый Уймонский повстанческий полк.

В Уймоне Кайгородов получил письмо от бывшего партизана Колесникова, который сообщал, что во главе бандитской шайки ведет наступление на Белый Ануй с целью задержать вывоз хлеба

---

[1]) См. приложение, № 3 и 4.

[2]) См. приложение, № 5.

из пределов Черного Ануя, дождаться распутицы, захватить этот хлеб и раздать его крестьянам. Отряд Колесникова сложился из трех отрядов: его собственного, Пьянкова и Шадрина.

Еще будучи в Катанде, Кайгородов отправил Товара Чекуракова на устье р. Чуи с отрядом из 30 алтайцев, чтобы закрыть красным дорогу со стороны Онгудая. Здесь к нему присоединился ряд мелких алтайских банд Тужлея, Тендека и др. и Чекураковский отряд вырос до 200 человек. В районе Урсула Чекураков объявил мобилизацию алтайцев, но последние к нему в отряд не пошли.

Отряд Кайгородова, сделав ряд налетов на села по Чарышу, но отбитый красными войсками, вернулся на Уймоп. Здесь он получил от Товара Чекуракова сообщение, что он ведет наступление на Онгудай. Кайгородов отправился ему на помощь, соединился в Кырлыке с бандой Кармана Чекуракова и повел наступление на Туекту. Небольшой краспоармейский отряд, занимавший Туекту, отступил и Кайгородов из Туекты пошел на Онгудай, отправив Кармана Чекуракова обратно на Кырлык, чтобы задержать наступление красных, шедших из Усть-Кана.

Наступление на Онгудай оказалось неудачным и потеряв около 20-ти человек убитыми, он вернулся в Туекту. Здесь он узнал, что Карман в Ело окружен красными и поспешил ему на помощь. Карман между тем ушел, минуя Онгудай, на соединение с Товаром.

Кайгородов около Ело принял бой с красными и под их натиском вынужден был отступить. Окруженный со всех сторон, он как затравленный зверь кидался из стороны в сторону, пока наконец, ему не удалось пробиться на Уймон, где в это время уже находились вернувшиеся из-под Онгудая братья Карман и Товар Чекураковы.

Здесь, успокоившись, Кайгородов со своими приближенными начал пьянствовать, устраивая попойки и пьяные оргии. Во время одной из таких оргий, 25 марта, он поссорился с Товаром, запер его в сарай и сжег.

9-го апреля Кайгородов уехал в Катанду на вечеринку. 10 апреля Катанда была занята красными отрядами, из соединенных 3 и 4 Кавдивов под командой т. Долгих. Тов. Долгих сделал неимоверно трудный переход через Яломанский белок, чему даже местные жители с трудом верили. Пьяный Кайгородов был убит, а голова его отправлена в Онгудай.

После смерти Кайгородова началось разложение бандитских отрядов и их распад. Отдельные остатки этих банд, продолжали еще беспокоить Уймонский и Катандинский районы в течение всего лета 1922 года, а один отряд закрепился на неприступном Аргуте, куда казалось, не было никакого доступа.

Знаток Алтая В. П. Верещагин, так описывает пути на Аргут: „Ниже переправы через Аргут по скалистому правому берегу реки нет даже тропы. Только охотники налегке без вьюков, то верхом, то ведя лошадь на поводу, пробираются здесь в лабиринте скал и каменистых россыпей в погоне за зверем... Относительно пути по левому берегу Аргута следует заметить, что он представляет очень

значительные трудности, а для вьючных лошадей он даже местами опасен" [1]).

Здесь-то на Аргуте, как в неприступной крепости, засел бандитский отряд. Однако и Аргут был взят красным кавалерийским дивизионом т. Долгих и бандиты оттуда были выбиты.

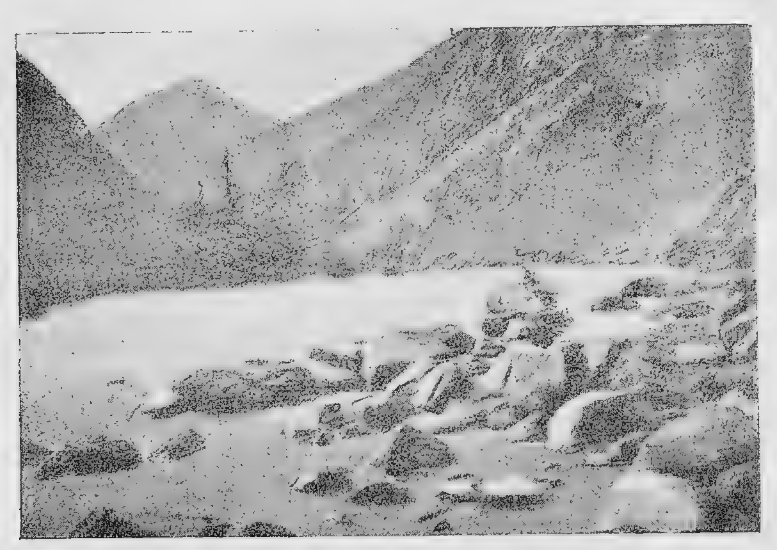

Рис. 18. Аргут.

Поход на Аргут представляет собой интереснейшую и захватывающую страницу в истории борьбы с бандитизмом на Алтае. Оборванный, босый, голодный карабкался отряд т. Долгих по неприступным скалам, на которые приходилось взбираться в корзинах на веревках. Был момент, когда даже испытанные коммунары взбунтовались и отказывались итти дальше. Но т. Долгих не растерялся. Наведя на своих красноармейцев пулеметы, он заявил:

„Я командир и вы обязаны меня слушаться. Если не хотите меня слушать, то сначала меня расстреляйте, а потом отступайте. Если же вы меня не расстреляете, то я перестреляю каждого десятого за бунт, а наступление будет продолжаться".

Настроение было преломлено. Отряд напряг последние силы и Аргут был взят.

После взятия Аргута, оставшиеся банды рассеялись и бандитизм на Алтае был окончательно ликвидирован.

---

[1]) *В. И. Верещагин*—Поездка по Алтаю летом 1908 года. (Путевые заметки). „Алтайский сборник" т. X, стр. 33.

ГЛАВА XIII.

Горно-алтайская партийная организация в борьбе с бандитизмом.

Первые удары бандитизма приняли на себя партийные ячейки и они же играли большую роль за время борьбы с бандитизмом.

Регулярные части Красной Армии, несмотря на то, что в значительной степени, благодаря им удалось быстро ликвидировать бандитизм, принесли, однако и не мало вреда. Незнакомые с местной обстановкой, неприспособленные к специфическим условиям борьбы на Алтае, они объективно продолжали старую колонизаторскую политику, жестоко обращались с местным населением, особенно алтайским, и этим затрудняли положение.

Жестокий, крутой командир 186 полка, т Злец-Маговец, во время неудачного наступления на Аргут, жестоко расправился с алтайцами, их аилы были разрушены, скот угнан, а сами алтайцы пачками расстреливались. Это навело страшную панику на алтайцев, которые стали еще враждебнее относиться к красным и к советской власти вообще. Когда Уймон был занят бандой Чекуракова, значительная часть алтайцев, опасаясь повторения этих безобразий ушла вместе с ним и этим усилила позиции бандитизма вообще.

Работники полка не считались с местными товарищами и с местным населением в целом. В ноябре 1921 года, когда весь Уймон бушевал в огне восстаний и бандиты со всех сторон теснили красных, военными работниками был арестован секретарь Катандинского Волпарткома и вся работа последнего была разрушена. Назначенный Секретарем Волпарткома, Александр Рыбаков, соблазнив нескольких коммунаров, ушел к бандитам.

Среди некоторых частей началось разложение. Семипалатинский полк окопался в Нижнем Уймоне и вместо преследования бандитских шаек, занимался обиранием местного населения.

В Катанде находилась 7-я рота 186 полка во главе с комбатом Тумановым, который был начальником боевого участка. Как впоследствии выяснилось, Туманов был тайным агентом Кайгородова и соответственно с этим действовал. С Аргута, под видом делегатов от русского сводного бандитского отряда, желающего будто

бы сдаваться, приходили Кайгородовские шпионы и беспрепятственно возвращались обратно. Волпартком неоднократно предупреждал Туманова об угрожающей с Аргута опасности, но он на эти предупреждения не обращал внимания, не посылал разведок, заставы выставлял толко внутри села и результаты не замедлили сказаться— Катанда была занята бандитами.

Уполномоченный уездной чрезвычайной тройки по борьбе с бандитизмом т. Сурков в своем рапорте от 14 февраля 1922 г. отмечает, что в Белом Ануе 8 рота 186 полка „слабо держала посты, а комсостав спал, забыв свои обязанности".

При этих условиях, местные немногочисленные ячейки, зачастую были единственной силой, боровшейся с бандитизмом. Организовавшаяся в Катанде 7 июня 1920 г. группа сочувствующих РКП тут же принимает участие в ликвидации Верхне-Уймонского бандитского отряда. Осенью, когда бандитские шайки начинают проявлять активность, все местные коммунисты вливаются в красноармейские части. Так в непосредственной борьбе росла партийная организация. Уже в сентябре месяце во всех селах волости существуют партийные ячейки, которые в декабре объединяются в волпартком. Катандинская волостная партийная организация в начале 1921 года проводит мобилизацию своих членов в Красную Армию и в милицию, и одновременно держит посты на Сок-Ярыке. Из коммунаров создается коммунистическая рота, которая, однако, весьма разбросана, так как коммунары в качестве конвоя сопровождали обозы с продналогом.

Отдельные волпарткомы держат между собою постоянную связь и обращаются друг к другу за помощью. 29-го июня 1921 года. Уймонский Волпартком обращается к Абайскому с просьбой „прибыть для уничтожения Верхне-Уймонского восстания и поимки бандитов в селе Верхний Уймон без замедления. Верхний Уймон уже занят нашими. Обязательно нужна поддержка, иначе мы не в состоянии уничтожить" [1]).

В конце 1921 года весь Алтай кишел бандитами. Вблизи Уймона орудовали Кайгородов и Колесников. Братья Чекураковы шли по Чуйскому тракту. На Верхнем Уймоне шло восстание местных кулаков. Чекураков из Ак-кеми шел на Катанду, Кайгородов по Уймонскому тракту шел на Усть-Коксу. Волпарткомы создавали тройки, которые всех коммунаров мобилизовали в коммунистические отряды. Волпарткомы служяли и штабами и хозчастями, снабжавшими как свои отряды, так и проходившие воинские части продовольствием и фуражем.

Горно-Алтайский уездный комитет партии взял это стихийное движение под свое руководство и приступил к формированию частей особого назначения (ЧОН).

1921—1922 год был для всей партийной организации годом боевого крещения в бою с бандитизмом. 90% организации было

1) См. приложение №№ 7, 8 и 9.

поставлено под ружье. Было сформировано 4 эскадрона, которые совместно с регулярными частями Красной армии шли на наиболее опасные участки борьбы. Принятыми мерами политико-воспитательного характера и правильной экономической политикой в настроении крестьянства был произведен перелом. Крестьяне на опыте увидели разницу между широковещательными лозунгами бандитов и политикой Советской власти. Бандитизм своей практикой убедил население в том, что он является его жестоким врагом, что от бандитизма вконец разрушается хозяйство, гибнет от зверских расправ масса крестьян. Крестьянство убедилось, что кроме грабежа, раззорения, страдания и крови — бандитизм ничего не принес.

„Каратель Колчаковской армии Кайгородов,—обращался Горно-Алтайский Исполнителяный Комитет к населению Горного Алтая,—с шайкой белогвардейского офицерства, используя несознательность в деле государственного строительства бывших партизан Тырышкина, Пьянкова и др., на территории Горно-Алтайского уезда проводит свою предательскую бандитскую работу. Эти отбросы контр-революции, руководимые партией эсеров, призывают крестьянство бороться против рабоче-крестьянской советской власти за пресловутое учредительное собрание и за монархический крестьянский союз, обещая освободить крестьян от продовольственного налога. Крестьяне Горного Алтая! У многих из вас еще не заросли рубцы на спинах от плетей „освободителя“ Кайгородова. Припомняте, что в 1918 году эти же самые учредиловцы-эсеры и меньшевики, обещая свободу, призывали предательски бороться против советов. Потоки крови, груды трупов, виселицы, расстрелы и порки верховного тирана Сибири—Колчака принесли вам эти Иуды. Пусть знает каждый из вас, что сейчас положение нисколько не изменилось. Из-за лживого Учредительного Собрания показывается фигура нового тирана—царского генерала Бакича. Не освобождение, а обман, рабство и разорение несут для вас эти проходимцы. Весь вред и ужас, приносимый бандитами, целиком ложится на ваши крестьянские плечи. Из ваших семейств снова в борьбе приносятся сотни кровавых жертв. На вас ложатся тяжелые наряды на подводы, грабятся много-лавки, вы снова остаетесь без самых необходимых товаров. Несмотря на такую явно предательскую работу бандитов, по селам все-таки находится часть кулаков, которые стараются укрывать и содействовать им в мутной работе. Необходимо всем подняться на борьбу с этими остатками контр-революции и общими дружными усилиями раз навсегда покончить с ними на Алтае“.

В обращении к „крестьянам и инородцам, находящимся в бандах“ Уком и Уисполком разъясняли населению вред, приносимый бандитизмом мирному населению и призывали к мирному творческому труду: „Ставя задачей скорейшую ликвидацию бандитизма в Горном Алтае с возможно меньшими жертвами, желая избежать бессознательной гибели обманутых благодаря темноте крестьян и

инородцев, находящихся в бандах—от имени Советской власти и Красной армии представляем всем заблудившимся последний срок возможности раскаяться и искупить свою вину добровольной явкой и сдачей оружия в свои сельские и волостные исполкомы, чтобы снова обратиться к мирному труду по восстановлению разоренных войной свои домашних хозяйств".

Окончательным сроком для добровольной явки было назначено 5 января 1922 года. [1])

В деле борьбы с бандитизмом партийная организация и отряды ЧОН получили поддержку и горячее сочувствие от основной массы крестьян. Массами шли они добровольно в ряды отрядов ЧОН, чтобы совместно бороться с бандитизмом.

Среди населения велась громадная политико-воспитательная работа, которая сыграла не малую роль в деле привлечения его на нашу сторону против бандитов.

„Мы признаем,—говорила в своей резолюции Онгудайская беспартийная конференция,—Советскую власть единой защитницей трудящихся масс и план ее правильным, а поэтому постановляем: 1. Все задания Советской власти обязуемся выполнять в точности. 2. На лиц, противодействующих Советской власти повлиять сознательно, чтобы ран не наносить, ибо эти раны отражаются на плечах трудящихся. Придем на помощь Советской власти всем, что имеется в наличии для закрепления власти трудящихся. Да здравствует поднятие культуры среди инородцев! Мы, делегаты конференции вполне признаем, что наше первобытное хозяйство надо заменить на лучшее и вместо работы рук, заставить работать машину. Мы поняли и то, что для создания машины надо обеспечить рабочего хлебом. Мы приложим все силы к засеву своих полей и накормим рабочего. Пусть они спокойно, без тревоги стоят у своих станков, а мы используем каждый клок земли, каждую горсть семян, всякий кусок железа и бросим на пашню всю живую силу своих рук, лошадей и орудий и добудем хлеба. Будем трудиться не лично для себя, а во имя государственных интересов и для блага трудящихся. Налоговую политику Советской власти находим правильной и призываем всех граждан к беспрекословному выполнению продовольственных раскладок, зная что от выполнения налога зависит наша промышленность".

„Мы, женщины-крестьянки, — постановила Куяганская волостная женская конференция,—призываем всех трудящихся сплотиться вокруг Советской власти, грудью защищая ее от всяких посягательств контр-революции. Ясно сознавая весь ужас голода, представляя умирающих детей, страдающих наших братьев, мы приложим все усилия к выполнению продналога, будем жертвовать все, что можем, чтобы спасти наших братьев от голодной смерти. Да здравствует помощь голодному Поволжью!"

---

[1]) См. приложение, № 10.

Наконец, уездная женская конференция в своей резолюции считает, что: „лишним ударом страшному призраку голода, единственным укреплением нашей хозяйственной мощи... может быть выполнение полностью и в срок всех налогов, главным образом, хлебного, а потому конференция призывает всех женщин-крестьянок сломить окаменевшие, черствые сердца своих мужей, отцов, братьев и заставить их выполнить быстро, полностью долг перед революцией. Никаких колебаний, отговорок быть не может. Мужья, отцы и братья, знайте, что Горно-Алтайская женшина на своей конференции бросает вам клич во имя спасения и закрепления завоеваний революции. Торопитесь немедленно выполнить свой гражданский долг. Да здравствует выполнение всех (хлебных и других) налогов! Да здравствует проснувшаяся женщина!“

Партийная организация все меры принимала к тому, чтобы покончить скорее с бандитизмом, возвратить заблуждавшихся к мирной жизни и труду.

Всем волостным партийным комитетам, сельским ячейкам и отдельным членам РКП за подписью секретаря Укома тов. Папардэ был разослан циркуляр, определяющий работу ячеек того времени.

В этом циркуляре в качестве практических мероприятий предлагалось:

1. „Ставить вопрос о борьбе с бандитизмом на заседаниях волисполкомов и сельсоветов и добиваться твердого сознания, что исполкомы и сельсоветы, как местные советские органы власти, всецело ответственны за состояние своей волости, села; стремиться объединить вокруг местных органов советов всех сознательных и здравомыслящих граждан села.

2. Принимать активное участие в проведении в жизнь приказа губисполкома об охране многолавок и циркуляра уисполкома об участии местных органов власти в борьбе с бандитизмом.

3. Бороться и в корне пресекать всякую расхлябанность, нерешительность, нерадивое отношение к делу, грубость и все, что подрывает авторитет Советской власти и коммунистической партии.

4. Добиться наивысшей спайки и дисциплины в наших рядах, требуя от каждого отдельного члена партии отчеты о его работе и исполнении возложенных на него обязанностей, не допуская ни малейших отклонений и упущений.

5. Стремиться заинтересовать и приблизить к себе инородческое население.

6. Возможно чаще в сельсовете, избе-читальне, на собрании, в нардоме, в школе, на каждом шагу проводить беседы, митинги, собрания, лекции на тему „Советская власть—единственно народная власть“. „Продналог—голодающему крестьянину Поволжья и рабочему“. „К чему ведет бандитизм“. С цифрами в руках, фактами доказывать, насколько бандитское движение разрушает мирную жизнь крестьян. Лозунг: только вооруженный кулак, обманутый белогвардейцами темный крестьянин, только банда мешает

мирному труду на крестьянской земле. Бандитизм несет крестьянам разорение и смерть.

7. О всех проявлениях открытого бандитизма, поддержке бандитов со стороны отдельных крестьян, контр-революционной агитации, слабости и нерадивости местных органов власти и отдельных должностных лиц, немедленно сообщить в Уком, Политбюро, и в Отдел Управления по назначению". [1])

Всей суммой мероприятий, которые предприняла партийная организация—мобилизация всего своего состава в ЧОН, непосредственная боевая борьба с бандитизмом, мероприятия политико-воспитательного характера, — удалось изолировать бандитов от крестьянства. Лишенные поддержки и сочувствия масс, бандиты либо гибли под ударами наступавших советских войск, либо добровольно сдавались, прекращая борьбу.

В этой борьбе закалилась и выросла Горно-Алтайская уездная партийная организация, первые ячейки которой возникли в 1920—1921 году.

Чистка партии в 1921 году совпала с периодом самой напряженной борьбы с бандитизмом. Вначале, при проведении чистки, организация переживала некоторый кризис. Поступило много заявлений о выходе из партии. В этих заявлениях сказалась общая усталость от тяжелых условий, в которых организация создавалась. Мотивами для подачи заявлений служили, главным образом, жалобы на тяжелое положение семьи и хозяйства, разоренного бандитизмом. Кризис грозил развалом отрядам ЧОН, которые были главным военным костяком в борьбе с бандитизмом,

Укомом были предприняты решительные меры. В казармы был влит весь актив, была проведена широкая индивидуальная обработка коммунаров. В результате через несколько дней большинство заявлений о выходе из партии было взято обратно. В результате проведенной чистки, организация убавилась на 134 человека. Ушли испугавшиеся трудностей, невыдержанные, неспособные бороться; и, само собой разумеется, ушли классово-чуждые элементы.

Основная же масса коммунаров осталалась и довела ликвидацию бандитизма до конца. Кровью многих лучших своих членов, замученных белыми бандами, Горно-Алтайская уездная партийная организация завоевала себе право на напряженный мирный труд, на строительство социализма на далекой отсталой окраине советского союза.

---

[1]) См. приложение, № 11.

К инородческому населению Горного Алтая.

Товарищи инородцы! С тех пор, как вы считаетесь подданными России, с вами ни одна власть не говорила так, как говорит Советская власть. Ни одна власть не считалась и не желает считаться ни с вашими нуждами, ни с вашими желаниями. Вы для старой царской власти были ни что иное, как бессловесная скотина, грязное животное, с которой любой царский чиновник, вплоть до урядника, мог поступать так, как ему вздумается.

ГЛАВА XIV.

Автономная Советская Ойротия.

Только после Октябрьской революции и окончательного установления Советской власти на Горном Алтае, после ликвидации бандитизма, мешавшего молодым органам советской власти перейти к мирному творческому строительству,—национальное самоопределение алтайцев было, наконец, поставлено на твердую реальную почву.

То, о чем мечтали в течение долгих десятилетий алтай-кижи, те надежды на вольную самостоятельную жизнь, которые они воспевали в своих легендах и сказаниях, были осуществлены только Октябрьской революцией, победившим пролетариатом под руководством ВКП (б).

Национально - освободительное движение алтайских масс в 1904—1905 г.г., которое под формой религиозного движения—бурханизма, стремилось к ликвидации колониального угнетения, было раздавлено и расстреляно царскими опричниками при непосредственном содействии православных пастырей из Алтайской духовной миссии.

Это же движение, в чисто политической форме развернувшееся на Алтае после революции 1917 года и руководимое шовинистически настроенной интеллигенцией, подпало под влияние и руководство эсеровщины, стало органом байско-кулацких элементов и превратилось в орудие оголтелой белогвардейщины. Направленное против Октябрьской революции, против Советов, против диктатуры пролетариата, оно кроме разорения, крови и слез ничего не дало исстрадавшемуся народу Алтая.

Советская же власть, как только ей удалось ликвидировать внешние и внутренние фронты борьбы с белогвардейщиной, сразу же поставила вопрос о национальном самоопределении алтайского народа.

Еще не были ликвидированы последние остатки бандитских шаек, разгуливавших по горам и ущельям, еще проливалась кровь красноармейцев и коммунаров из ЧОН, боровшихся с последышами кровавого Колчака, а уже Горно-Алтайский уездный

исполнительный комитет и уком РКП (б) обратились к „инородческому населению Горного Алтая“ с воззванием, в котором ставился вопрос о созыве в ближайшее время „съезда инородцев Горно-Алтайского, Бийского и Кузнецкого уездов“ для создания автономной области.

„Теперь,—говорилось в этом воззвании,—настала очередь алтайцев, которым советская власть представляет право заявить о своем желании, изъявить свою волю, как пожелают они жить и какой образ жизни пожелают установить у себя. Сейчас для вас наступает великий исторический момент, к которому все должны серьезно подготовиться“.

Созыв съезда ставился в связь с ликвидацией бандитизма. „Если вы будете слушать противников советской власти и поддерживать бандитов, то безусловно не сможете перейти на мирное положение, а, следовательно, предполагаемый съезд по выделению Алтая будет отложен на неопределенное время“.

Воззвание кончалось призывом вернуться к мирной работе: „Хотите получить право строить свою жизнь так, как лучше для вас—так долой бандитов! Все обманутые Кайгородовым и другими проходимцами из белогвардейского стана, возвращайтесь к мирным очагам“. [1])

18 февраля 1922 года Алтайским губернским экономическим совещанием был одобрен проект об образовании из туземных народностей Горного Алтая особой автономной области, при чем была намечена граница области и ее административное деление.

3 июня 1922 года в „Известиях ВЦИК“ было опубликовано постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 1-го июня, об организации автономной области:

„1. Образовать автономную область Ойратского народа, как часть Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, с административным центром в с. Улалинском, в состав коей включить: а) из Горно-Алтайского уезда Алтайской губернии волости: Усть-Канскую, Абайскую, Катандинскую, Уймонскую, Онгудайскую, Туэктинскую, Имеринскую, Чемальскую, Чергинскую, Кош-Агачскую, Киргизскую, Улаганскую, Чибитскую, Чулышманскую и Паспаульскую в их современных границах; б) Из Бийского уезда, Алтайской губернии волости: Лебединскую, Верх-Бийскую (Алтынкольскую), Успенскую, Ыныргинскую, в их современных границах. 2. До созыва 1-го Съезда Советов Автономной Ойратской области, вся полнота власти таковой, в границах, указанных в § 1, принадлежит Революционному Комитету, ближайшей задачей которого является созыв 1-го Съезда Советов Ойратской Автономной Области, для каковой цели используется аппарат Горно-Алтайского Исполнительного Комитета.

3. Съезд Советов Ойратской области избирает Исполнительный Комитет Автономной Ойратской Области, с правами Губерн-

[1]) См. приложение, № 12.

ского Исполнительного Комитета, но с бюджетом и штатами Уездного Исполнительного Комитета. 4. Народному Комиссариату по внутренним делам, Народному комиссариату по делам национальностей и Сибирскому Революционному Комитету поручается образовать смешанную комиссию для разрешения вопросов, могущих возникнуть при детальном установлении границ Автономной Ойротской области. 5. Передачу органов управления территорий, отходящих в автономную область, закончить не позднее 15 июня 1922 года, в порядке, установленном Народным Комиссариатом Внутренних Дел. 6. Вывоз имущества и перевод сотрудников из учреждений, подлежащих передаче в Автономную Ойратскую область до составления акта передачи, допускается только с разрешения Народного Комиссариата Внутренних дел".

Рис. 20. Председатель Обл. Ревкома, И. Ф. Иванов-Меджит.

1-го июля 1922 года соглашением Алтайского Губисполкома и Ойротского Областного Ревкома были окончательно установлены границы области.

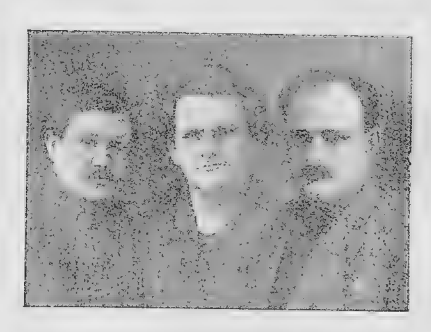

Рис. 21. Члены Ревкома: И. С. Алагызов-Меркит, Л. А. Напардэ и П. Я. Гордиенко.

Громадная радость залила горы и долины Алтая и озарила разоренные бандитизмом алтайские аилы.

Специальные делегации от различных племен приезжали в Улалу, чтобы собственными глазами убедиться в великом событии — создании Ойротской автономии, осуществленной волей победившего пролетариата и коммунистической партии. Правильное осуществление национальной политики партии окончательно закрепило союз основной массы русского крестьянства с алтайцами против общего врага — кулака и бая. Радостная весть об Ойротской автономии перекатилась через границу и вызвала восторженное приветствие монгольских рево-

люционеров, на которое был отправлен не менее восторженный ответ Ойротского Ревкома. [1])

В этой перекличке автономной советской Ойротии со своим революционным соседом мы имеем великий символ той передовой раскрепощающей революционной роли, которую играет пролетарская революция для борющегося против империализма Востока.

В неимоверно тяжелых условиях, созданных многолетней гражданской войной, происходила подготовка к 1-му Областному Съезду Советов Ойротской автономной области, который состоялся в международный пролетарский день—1-го мая 1923 года и обратился к трудовому населению Ойротии с воззванием, разъяснявшим смысл и значение выделения Ойротской автономной области. „Первый областной съезд Ойротских народов,—говорилось в этом воззвании,—своим постановлением положил конец национальной вражде, посеянной врагами трудового народа и объявил, что отныне Ойротская автономная область больше не увидит не только плодов национальной розни, но и корни ее должны быть уничтожены без остатка". [2])

Рис. 22. Группа алтайцев-делегатов 1-й областной парт. конференции в 1922 году.

Второй Областной Съезд Советов, состоявшийся в начале декабря 1923 года избрал своим почетным председателем Владимира Ильича Ленина, того, кто стал сказочным героем в глазах наро-

---

[1]) См. приложение. № 13 и 14.
[2]) См. приложение, № 15.

Рис. 23. Областной Съезд Советов.

дов Востока, вождя великой пролетарской революции, принесшей свободу и счастье измученному народу Алтая. Владимиру Ильичу была послана следующая телеграмма:

„Второй съезд советов Ойротской Автономной Области от имени трудящихся Ойрота посылает своему вождю—гению, сердечный привет. Народы Ойрота, вполне сознавая ответственность момента и международной обстановки, выражая солидарность борющемуся пролетариату и стремление быть достойными своего вождя, твердо верят, что под вашим руководством и знаменем Коминтерна настанет час победы трудящихся над капиталом во всем мире. Да здравствует Союз Советских Социалистических Республик и его вождь — Ильич!“.

В 1924 году была проведена административная реформа в Ойротии и установлено новое районирование, приспособленное к тем новым задачам, которые стали перед областью.

Алтайцы распадаются на несколько племен, которые до произведенной царским правительством реформы имели свое родовое управление, состоявшее из 19-ти административных единиц. Алтай-Кижи или Ойрот-Кижи составляли 7 алтайских дючин; телесы или телеуты 1-ю и 2-ю Чуйские волости; чиш кижи—4 черневых волости: Камляжскую, Куземскую, Южную и Кергежскую; кумандинцы и теленгиты—Верхне-Кумандинскую, Нижне-Кумандинскую и Тогульскую волости; Шор-кижи—Кондомскую, Мрасскую и Томскую волости. Дючины и волости определенной территории не имели, а объединяли представителей отдельных родов (сооков). В каждой речной долине, где разбросано хотя бы несколько юрт-аилов, можно было встретить представителей разных дючин и волостей. Дючина или волость представляла из себя родовую единицу, находящуюся под неограниченной властью князя—„зайсана“ и его помощников „демичи“. Зайсан избирался пожизненно из одной и той же семьи. По смерти зайсана или в случае отказа его от должности, зайсаном избирался его сын, а если сына не было, то ближайший родственник.

Царское правительство, стремясь ликвидировать это „самоуправление“ издало в 1880 году закон, по которому зайсаны должны были избираться каждые три года и приравнивались к волостным старшинам. Этот закон, однако, коренных изменений в родовое устройство не внес. Закон был обойден тем, что одни и те же зайсаны пожизненно переизбирались каждые три года.

Окончательная реорганизация туземных родовых самоуправлений началась с 1913 года в связи с землеустройством. Правительство решило упразднить туземное родовое самоуправление и ввести обще-русское волостное. Алтайцы отнеслись к этой реформе враждебно. Часть перекочевала в Монголию, но посланная им вслед сотня казаков вернула их обратно, предварительно ограбив их. „Преступники“ были преданы суду за измену. Алтайская духовная миссия добилась того, что судебное преследование будет прекращено, если виновные примут „святое крещение“.

Алтайцы вынуждены были креститься. С упразднением родового самоуправления по всему Алтаю было введено волостное правление, совместное с русским населением. Структура этого правления была не только чужда, но и непонятна алтайцам, которые попрежнему считали себя принадлежащими к родовым дючинам. [1])

Малочисленность населения волостей, отсутствие работников-алтайцев, которые могли бы в достаточной мере обслужить эти волости, дефицитность местного бюджета, исторические, бытовые и географические условия области, привели Областной Исполком к необходимости установления нового административного деления. В результате районирования область была разделена на 10 аймаков (районов), естественно обособленных и отличающихся друг от друга своеобразием местных особенностей:

1. *Майминский аймак*, расположенный в предгорьях и обнимающий бассейн реки Маймы, включает прежние Улалинскую и Иминскую волости. Населения 16.205 человек; из коих около 27% националов. Аймачный центр находится в областном центре—Улале. Население занимается скотоводством, земледелием, пчеловодством, причем последнее имеет товарное значение. Подсобные заработки сильно развиты (извоз, обслуживание областного центра, лесосплав).

2. *Чемальский аймак*, расположенный на правом берегу реки Катуни, обнимает бассейны рек Куюма, Эликманара, Кубы, Чемала и Эдигана (бывш. Бешпельтирская и Чемальская волости). Населения 5.274 человека. Националов в аймаке около 72%. Аймачным центром является курортное село Чемал. Население занимается скотоводством, земледелием и пчеловодством, но две последние отрасли товарного значения не имеют. Из подсобных заработков следует указать на промысла—кедровый и охотничий, а также на обслуживание курорта и облцентра сельско-хозяйственными продуктами.

3. *Шебалинский аймак*, куда вошли волости: Шебалинская, Чергинская и Песчанная, охватывает своей территорией бассейны рек Семы и Песчаной. Аймачный центр—с. Шебалино. Населения 12.017 человек, из них националов около 34%. Население занимается преимущественно скотоводством, значительно меньше земледелием и еще меньше пчеловодством. Из подсобных заработков видную роль играет извозный промысел, т.-к. аймак прорезывается Чуйским трактом.

4. *Успенский аймак*, куда вошли волости: Паспаульская, Успенская и Ыныргинская, включает в свою территорию бассейны рек Иши, Сара и Кара-Кокши. Населения 13.297 человек, из них националов около 17%. Главное занятие жителей—скотоводство, менее—пчеловодство, имеющее товарное значение. Аймачный

---

[1]) Сары-сеп Канзычаков. К выделению ойротов в автономную область. «*Жизнь национальностей*» № 6—7 за 1922 год.

центр помещается в с. Чое (Успенском); из побочных заработков видное место занимают промысла—кедровый, охотничий, баданный и молочные х-ва.

5. *Лебедской аймак,* куда вошли волости: Озеро-Куреевская, В.-Бийская или Алтын-кольская, включает в свою территорию бассейн реки Бии (в пределах области) с правыми притоками и половину Телецкого озера. Населения—11.302 человека, из них националов свыше 31%. Аймачный центр помещается в с. Турочак. Население занимается в ограниченном количестве скотоводством и земледелием, пчеловодство играет видную роль, имея товарное значение. Не менее видную роль играет в бюджете населения промысла: лесосплав, кедровый, охотничий, баданный.

Рис. 24. На ликпункте.

6. *Уймонский аймак,* куда вошли волости: Катандинская, Уймонская и Абайская—охватывает бассейн верховьев Катуни до впадения в нее Аргута. Населения—11.382 человека. Аймачный центр находится в с. Усть-Коксе. Националов в аймаке около 23%. Главное занятие жителей—земледелие и скотоводство, имеющее здесь товарное значение. Пчеловодство развито слабо, носит потребительский характер. Из побочных заработков имеет место охотничий промысел и мараловодство.

7. *Онгудайский аймак,* куда вошли волости: Саладамская (частично), Туэктинская, Онгудайская и Чибитская, включает в свой состав бассейн реки Урсула, Б. и М. Ильгуменя, Еломана. Населения—10.901 чел. Аймачный центр находится в с. Онгудае. Туземного населения в аймаке около 76%. Главное занятие жителей —скотоводство. Полеводство и пчеловодство развиты слабо. Из подсобных заработков нужно отметить извоз по Чуйскому тракту и охотничий промысел.

8. *Усть-Канский аймак,* куда вошла Усть-Канская волость, и часть Абайской, охватывает бассейн реки Чарыша, вершину

притока реки Катуни и Коксы. Аймачный центр—Усть-Кан. Населения 9.986 человек. Националов свыше 74%. Главное занятие жителей—скотоводство, пчеловодство и земледелие. Среди подсобных заработков видную роль играет лишь охотничий промысел.

9. *Кош-Агачский аймак*, куда вошли Кош-Агачская, Киргизская и часть Чибитской волости, занимает бассейн реки Чуи и Аргута. Аймачный центр — Кош-Агач. Населения в аймаке— 5.940 человек, в числе коих около половины казаков (киргиз). Националов, включая сюда казаков, около 97%. Жители занимаются почти исключительно скотоводством. Ни земледелия, ни пчеловодства здесь нет. Охотничий промысел и извоз по Чуйскому тракту являются единственными подсобными занятиями.

10. *Улаганский аймак*, куда вошли волости Улаганская и Чулышманская, занимает бассейн реки Чулышмана с его притоками—Башкаусом и Чульгой и южную половину Телецкого озера. Подобно Кош-Агачскому аймаку националы здесь являются подавляющим большинством, их насчитывается до 96%. Главное занятие — скотоводство, а из побочных — охота. Аймачный центр в с. Улагане.

Рис. 25. Школа-интернат для детей алтайцев в Караколе (Онгудайский аймак).

Вся территория области равняется 91.040 кв. километрам. Население по переписи 1926 года состоит из 99.672 чел., среди которых алтайцы и казаки (киргизы) составляют 44,4%.

За семь лет существования Советской Ойротии она имеет громадные достижения, как в области культурного, так и в обла-

сти хозяйственного строительства. Растет число школ, больниц и других культурных учреждений. Развивается национальный язык и литература. В хозяйственном быту и экономике области произошел огромный сдвиг. Развивается колхозное строительство, а недавно в Онгудайском аймаке организована первая ойротская коммуна „Ленин-баатыр".

Рис. 26. На работе в коммуне „Ленин-баатыр".

Благодаря пролетарской революции, для основной массы мелких хозяйств Ойротии открылись возможности некапиталистического пути развития, при активной помощи и руководящей роли крупного социалистического хозяйства.

Буржуазное национально-освободительное движение пережило диалектический процесс развития. Прогрессивное в момент возникновения бурханизма, оно становится типично беспочвенным мелко-буржуазным движением в 1917 году.

После Октябрьской революции оно стало движением реакционным. И это понятно, потому что его основные задачи теперь отпали. Если бурханизм возник для того, чтобы получить самостоятельность, то эту самостоятельность дала советская власть, создав автономную область ойротского народа. Если он возник для того, чтобы бороться с шаманизмом, который соответствовал отжившим хозяйственным формам, то советская власть больше чем кто бы то ни было стимулирует развитие новых форм, которые должны привести Алтай, минуя капитализм, к социализму. Если бурханизм был направлен против русских колонизаторов, то

Октябрьская революция выкорчевала колонизационную политику царизма так решительно, как никто.

Русское влияние **теперь** есть влияние революции и социалистического переустройства автономной Ойротии и борьба против **этого** русского влияния есть борьба контр-революционная.

И если бурханизм еще существует теперь, то существует как пережиток прошлого, как реакционное течение.

Советская Ойротия, как составная часть РСФСР и всего Советского Союза, вместе со всем рабочим классом и крестьянством строит и построит социалистическое общество.

ПРИЛОЖЕНИЯ

[ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВА ОЙРОТСКОГО ОБКОМА ВКП(б)].

Приложение № 1.

Не верьте провокаторам, товарищи крестьяне!

По деревням нашей губернии немало развелось провокаторов, которые стремятся внести раздор и разлад в нашу единую рабоче-крестьянскую семью. Эти темные людишки вербуются, главным образом, из разбежавшихся по деревням правых эсеров, кулаков, золотопогонников и колчаковских белогвардейцев.

Они не смеют показать крестьянам свою истинную контр-революционную физиономию, от которой с презрением отвернется всякий честный труженик. Поэтому они прикрываются разными личинами и, главным образом, громким именем „Крестьянского Союза", надеясь, что в новой шкуре им легче удастся провести свой обман.

Что же это за союз такой и к чему он стремится?

Мы, заявляют они в своих воззваниях, против всякой диктатуры. Власть должна принадлежать только лишь крестьянам и „Крестьянскому Союзу", который осуществит эту власть, созвав Сибирский Земский Собор.

Припомните-ка, товарищи, ведь эта штука вам отлично знакома. Не мало напевал про Земский Собор и Колчак и его приспешники. Земский Собор—это та же „учредиловка", только в более похабном виде. Колчак уже даже и срок созыва этого собора назначил, да только помешали ему красные войска и партизаны.

Так вот куда ведет эта бело-эсеровская сволочь и ее приспешники.

Провокаторы призывают крестьян создать „чисто-крестьянскую" власть, они хотят тем самым внести рознь в тесную рабоче-крестьянскую семью, ибо всякая рознь среди трудящихся на руку буржуазии, на руку контр-революционерам.

И выходит на деле, что это не крестьянский, а противокрестьянский союз.

Бело-эсеровская компания стремится одурачить деревню новой учредиловкой, стремится натравить крестьян на рабочих, чтобы таким образом обессилить рабоче-крестьянскую власть, а там, надеются они, уже легче будет и какому-нибудь новому Колчаку на поверхность выплыть.

Эти волки в овечьей шкуре действуют довольно ловко. Распространяемые ими по губернии воззвания написаны гладко и очень осторожно.

Уж куда больше-даже и землю крестьянам обещают. Сразу им как-то неловко про помещиков вспоминать. Думают,—ладно уж, раньше приручим крестьян, а потом исподволь и помещиков востановить можно будет.

Да все же в одном месте сорвались колчаковских дел мастера. Не выдержали: Крестьянский Союз, оставляя государству и кооперативам часть предприятий, с которыми им справиться под силу, в остальной отрасли промышленности считает необходимым допустить частный капитал.—Так говорится в программе „Крестьянского Союза".

Соскучились видно „бедняжки" по капиталистам и промышленникам. Так соскучились, что даже тут и про осторожность позабыли. Прочтя это место „программы", даже самый несознательный, самый темный кре-

стьянин увидит волчьи зубы подлинной колчаковской белогвардейщины. Он хорошо знает, что за капиталистом на фабриках и заводах незаметно и помещик на крестьянской земле вырастет.

У нас в Алтайской губ. агитацию в пользу „Крестьянского Союза" ведет жалкая шайка всякого политического сброда, начиная от правого эсера и кончая махровым монархистом-черносотенцем.

Но есть у этого Союза и видный друг-покровитель на востоке. Это известный по Сибири палач рабочих и крестьян,—кровавый атаман Семенов. Он тоже прикидывается другом крестьянства, он тоже агитирует за „Крестьянский Союз", расстреливая и истязая одновременно тысячи забайкальских крестьян-партизан.

Вот каковы друзья и защитники „Крестьянского Союза"!

Об этом всегда должны помнить алтайские крестьяне. И каждый, кто пойдет за эсеровским „Крестьянским Союзом", знает, что он становится на сторону кровавого палача трудящихся-царского атамана Семенова, что он играет на руку мировой и русской контр-революции.

Товарищи крестьяне, не поддавайтесь провокации золотопогонников и колчаковцев. Помните куда ведет бело-эсеровская учредилка, знайте, что только в единении рабочего и крестьянина-залог победы и силы трудящихся!

Разоблачайте же гнустный обман белогвардейского эсеровско-семеновского союза.

Вставайте на защиту вашей Рабоче-Крестьянской Власти, сметайте ту нечисть, которая засела в некоторых деревнях нашей губернии!

Алтайское Губбюро Р. К. П. (большевиков).

(Документ относится к 1921 году).

Приложение № 2.

Товарищи коммунисты!

Вы думаете заморить нас в холодных избах и хотите заморить с голоду... Нет, товарищи, напрасны ваши лестные стремления. Подумайте же, что вы наделали с нашими семьями: вы их выгнали из своих собственных домов и согнали в деревню, стеснили деревенских жителей и, мало того, разломали печи в наших домах, выставили двери. Из этого видно, что то, что раньше проделывали только разбойники и грабители, то позволяют себе теперь товарищи коммунисты. Позволяет ли ваша программа так делать? Нет. И поэтому вы не строители Советской жизни, а кладете черное пятно на народную свободу. Поэтому мы невольно вынуждены бороться с вами, пока вы не перестанете угрожать крестьянам оружием. Долой господ комиссаров. Да здравствует всеобщее народное избирательное право! Долой войну, да здравствует мир!

Начальник братского отряда *Пьяников.*

(Документ относится к 1921 г.).

Приложение № 3.

Коммунисты!

К вам наше последнее слово, поройтесь хорошенько каждый в своей душе, приглядитесь получше к тому, что творят комиссары-коммунисты и их приспешники, куда они вас ведут. Против тех же трудящихся масс, из которых вышли и вы сами. Кругом народ стонет от несправедливостей, арестов, пыток, сажания в тюрьмы и расстрелов со стороны господ-комиссаров, в руках которых вы являетесь слепым орудием. Вы разорители народного хозяйства, вы палачи близких вам людей, живущих с вами одними интересами и преследующих одни и те же идеи. Идя с оружием в

руках на нас, восставших на защиту выбившегося из сил народа, вы бросаете свои дома, семьи, хозяйства, не думая о тех последствиях, какие могут постигнуть их, если вы будете продолжать итти против самого народа. Неужели вы еще не убедились на деле за эти три года существования Советской власти, к чему она ведет. Она дала голод, холод, нищету, полное разорение хозяйства, нагайки, пытки, заключение в тюрьмы и расстрелы. Разберитесь хорошенько и подумайте, что ожидает вас и ваши хозяйства на будущий год. Бросайте, пока еще не поздно, оружие и вставайте в ряды нашей армии на защиту общего блага народа. Освободим исстрадавшийся русский народ от постигших его бедствий. Многие из вас, мы хорошо это знаем, попали в ряды коммунистов совершенно случайно: одни под влиянием угроз наставников, тех же кровопийц-комиссаров, другие, чтобы вступлением в партию спасти свое хозяйство и быть в чести у господ коммунистов-комиссаров, третьи, чтобы пополнить свое скудное в прежнее время хозяйство, четвертые—для достижения власти и т. д. Опомнитесь скорее, коммунисты, поставьте своим первым лозунгом благо своего народа и с чистым сердцем и открытой душой свергнем совместно с вами ненавистных всему русскому народу господ комиссаров и заживем снова тихой, спокойной жизнью на благо и процветание всей нашей страны.

Если не пойдете с нами за народ—пеняйте сами на себя. Мы примем против вас самые энергичные меры по уничтожению вас на местах при поддержке самого населения. Знайте, что противостоять уничтожению вас на местах, вы не сможете, как не в состоянии будете поставить в каждом селе и деревне гарнизоны вооруженных сил, могущих отражать наши партизанские налеты.

Коммунисты, пойдемте с народом, присоединяйтесь к нему!

Вышеупомянутый план будет приведен немедленно в исполнение.

Декабрь 1921 г.

Штаб Освободительной Армии.

Приложение № 4.

Красноармейцы!

Вся наша родина заливается кровью. Царит голод, холод, нищета и полное разорение хозяйств. Причиной этому та „народная власть“, следящая за интересами трудящихся масс, которая толкает всех вас против общего народного блага. Разве вы не видите отношения власти к трудящимся. Разве вы не знаете о многочисленных арестах, пытках, расстрелах трудового народа? Разве вы не видите угнетенных крестьян, рабочих, да и сами разве не испытываете тяжести этой невыносимой для вас, узурпаторской власти.

Красноармейцы! Кровопийцы - комиссары закрывают вам глаза на истинную картину этой гражданской войны, посылая российских солдат в Сибирь, а сибиряков в Россию. Все Поволжье задыхается от голода, холода, нищеты и царящего произвола господ коммунистов, моля лишь о своей смерти. Сибирь ждет та же участь. Опомнитесь, красноармейцы, настал решительный момент. От вас зависит благополучие всей нашей страны и наших будущих поколений. Довольно быть в рядах палачей, продающих свою родину, пора стать настоящими гражданами, объединиться одной идеей—свергнуть узурпаторов-коммунистов, дав возможность народу избрать своих представителей в Учредительное Собрание и выработать желательный для всех российских граждан образ правления и законы, при которых восстановится прежнее могущество дорогой нам всем родины и вновь на Руси засияет мирная, спокойная жизнь.

Декабрь 1921 г.

Штаб Освободительной Армии.

Приложение № 5.

ПРИКАЗ № 1

по гарнизону Горного Алтая, Аргута и сводным русским и инородческим партизанским отрядам. Января 30 дня 1922 г.

§ 1.

Последние известия газет и журнала „Политработник", являющихся официальными органами правительственной советской власти, присланные мне военкомом 185 стр. красноармейского полка Исаковым при письме его от 13 января с. г. с предложением сдаться им, ясно говорят о том, что советская власть почувствовала свое бессилие в борьбе со стремлениями народа, а не отдельной кучки людей, какой является их власть. Власть пошла на уступки народу, как например, признали частную собственность, разрешили свободную торговлю, допустили передачу фабрик и заводов частным предпринимателям, пооткрывали банки для приема сбережений от правительственных учреждений и частных лиц, чем нарушили прежние свои декреты, запрещавшие все это и приведшие страну нашу к полному голоду, нищете и разрухе. Голодом охвачена вся средняя полоса России. По сведениям американского исследователя Нансена, распубликованным в советских же газетах, количество населения в голодающих губерниях сократилось на половину. То же ждет хлебообильную Сибирь. Узурпаторы-коммунисты, учитывая все это идут на уступки с тем, чтобы, если русский доверчивый народ поддастся на эту их удочку и согласится на продление их власти, отменить дарованные для сохранения своей лишь власти льготы. Отменив эти льготы, они введут в России и Сибири вновь коммунизм, при чем к непризнающим своей власти примут такие меры воздействия, от которых содрогнутся все человеческие чувства. Принимая во внимание все это, нам не следует поддаваться хитрой уловке господ коммунистов, власть которых не признана до сего времени ни одним иностранным государством. На Вашингтонскую конференцию, где обсуждались вопросы чисто мирного значения, представитель России допущен не был. Надо постараться окончательно добить эту шипящую при последнем издыхании змею и лишить ее возможности поднять свою голову для причинения большого зла исстрадавшемуся от нее за четыре года русскому народу. Надо ему дать возможность избрать своих представителей в учредительное собрание и через них установить тот порядок управления, который они признают более отвечающим требованиям самого народа. Для осуществления этого необходимо сейчас встать, как один человек в ряды освободительной армии и дружным последним напором уничтожить ненавистную для большинства населения разлагающую власть советов.

Итак, вперед за общие блага народа, за восстановление его попранных коммунистами прав. Да здравствует учредительное собрание и освобождение русского народа от гнета коммунизма!

§ 2.

На основании приведенных соображений для пользы дела и на благо родины объявляю мобилизацию всему гражданскому населению в возрасте от 18 до 45 лет, способных носить оружие или обслуживать хозяйственные нужды частей. Лица, старше указанного возраста, могут также вступать в ряды освободительной армии.

§ 3.

Подлежащие мобилизации обязаны являться немедленно, в полной боевой готовности на собственной или обывательской лошади с оружием, кто имеет таковое в исправности.

§ 4.

Уклонившиеся от мобилизации или по каким-либо причинам неявившиеся своевременно, будут считаться врагами народа, приспешниками коммунистов. Их будет судить не царь, не жидовский трибунал, а законная власть, власть народа.

Подъесаул *Кайгородов.*

Приложение № 6.

Партизанам, красноармейцам бывшим на заставе в Ело и сегодня бывшим в деревне Кастахта.

Товарищи! Вы глубоко ошибаетесь если думаете, что вас преследуют „шайки бандитов", заявляем вам, что с вами воюют регулярные части белых, у которых есть связь с повстанцами и иностранцами, идущими с Востока. В Советской России свобода превратилась в царскую кабалу. Не правда ли? Раньше народ держали в ежовых рукавицах жандармы, а теперь—комиссары.

Мы повстанцы, сейчас воюем за свержение существующей власти насилия, за восстановление свободы, за право, закон и порядок, вот каковая наша программа.

Расстрелов и насилий, пытки у нас нет. Не так давно в районе Копчегеня, нам добровольно сдался целый батальон 185 полка при 3-х пулеметах Максима. Пленных мы даже в тюрьмы не садим, а отдаем их на работу к населению в нашем тылу. Если пленный имеет дом и семью в нашем тылу, то направляется по месту жительства.

Ваша борьба бесполезная, а к тому же вам выхода совершенно нет, так как вы в кольце; сопка, на которой вы находитесь, окружена отрядом в 276 человек при пулеметах. Ваше сопротивление (25 человек) приведет только к напрасным невинным жертвам. Ваше предложение о сдаче мы принимаем. Если добровольно сложите оружие, то гарантируем вам жизнь, неприкосновенность вашего имущества, но только с вас будет отобрана подписка в том, что вы в будущем не будете больше вступать в партию.

Порядок сдачи такой: все имеющиеся винтовки сложите на 2 вьючных лошадей и проводите вперед, за ними следуйте сами, имея патроны на руках.

Еще раз говорю, что идите к нам, вам ровно ничего не будет, что свидетельствую.

Начальник Отдельной Партизанской
боевой Чуйской группы *Чекураков.*

21 марта 1922 года.

Начальник штаба (*Подпись*)

Приложение № 7.

В Абайскую комячейку.

Настоящим предлагаю вашей комячейке быть наготове и в случае вызова приехать в Коксу. Данный момент ограничиться только осторожностью, ибо в районе Уймонской и Катандинской волостей не все благополучно. Предполагается восстание кулаков, которое предполагаем ликвидировать своими силами. О последствиях сообщим.

Н-к 5-го района Умилиции (*подпись*)

(Этот и след. документ относятся к 1921 г.).

Приложение № 8

Срочно с нарочным секретно Абайскому Волпарткому.

Уймонский волпартком с получением сего просит прибыть для уничтожения Верх-Уймонского восстания и поимки бандитов в село Верх-Уймон беззамедления. Верх-Уймон уже занят нашими. Обязательно нужна поддержка, а иначе мы не в состоянии уничтожить.

Делопроизводитель *М. Агапов.*

РКП
УСТЬ-КАНСКИЙ
Волпартком
1921 г. 2/VIII
№ 522.

Приложение № 9.

Горно-Алтайскому Убюро РКП.

Только что приехал со съезда и наспех доношу о занятии Усть-Кана бандой 30/VII.

Убит коммунист т. Михайлов (старший), разграблено все мое имущество, дела Волпарткома в целости. Убит один бандит. Банда пробыла несколько часов и ушла по направлению Бел. Ануя. Подробности дополнительно.

Секретарь (*подпись*)

Приложение № 10.

Обращение к крестьянам и инородцам, находящимся в бандах.

В последний раз обращаемся к вам, обманутым по несознательности своей, вступившим в ряды бандитов, с предложением бросить свое безумное и бесчестное занятие, оставить дальнейшее разорение Горно-Алтайского трудового населения, прекратить грабежи кооперативов и ссыпных пунктов, расхищая и без того скудное достояние Республики, перестать мешать установлению мирной и спокойной хозяйственной деятельности народа и препятствовать нормальной работе органов Советской власти по улучшению условий общественной и хозяйственной жизни страны.

Подумайте хорошенько и вы убедитесь в бесплодности попыток к свержению существующей твердо установившейся на всем необъятном пространстве Российской Республики власти Советов Рабочих, Крестьянских и Казачьих депутатов. Познакомьтесь внимательно с действиями и распоряжениями Советского Правительства и поймите его стремления, направленные на достижение трудового порядка и всеобщего довольства в исстрадавшейся во время монархического и капиталистического гнета, семилетней империалистической и гражданской войнах России.

Доказательством бесцельности стремлений ваших руководителей бесполезности борьбы против Советской власти, служит история 4-х летней гражданской войны и несокрушимая мощь Красной Армии, разбившей организованные полчища отечественной и международной белогвардейщины, которая, как в данный момент, так и впредь с неослабленной силой и постоянной готовностью отразит всякие посягательства на завоевания Октябрьской революции и попытки к свержению Советской власти, как единственной и всецело защищающей интересы трудящихся масс.

Ставя задачей скорейшую ликвидацию бандитизма в Горном Алтае с возможно меньшими жертвами, желая избежать бессознательной гибели

обманутых благодаря темноте крестьян и инородцев, находящихся в бандах—от имени Советской власти и Красной Армии представляем всем заблудившимся последний срок возможности раскаяться и искупить свою вину добровольной явкой и сдачей оружия в свои сельские и волостные исполкомы, чтобы снова обратиться к мирному труду по восстановлению разоренных войной своих домашних хозяйств и тем самым, свои силы обратить на борьбу с обще-государственной хозяйственной разрухой, на уничтожение нужды, нищеты, лишений и голода от которого гибнет тридцатимиллионное крестьянское население Поволжья.

Если ты—крестьянин, ты не можешь оставаться в банде, разрушать свою жизнь и жизнь своих братьев крестьян, не можешь итти против Советской власти—власти крестьян и рабочих. Подумай: кому нужно то разорение, которое приносит затеянная вами глупая, бесцельная, преступная игра. Не алтайскому крестьянину, конечно, который изнывает под тяжестью подводной повинности, вызванной вами и которому нужен мир и порядок, организованный труд для строительства своего хозяйства и просвещения. Неужели ты настолько одурачен, что не понимаешь, к чему ведет преступная затея генералов Бакичей, карателей Кайгородовых, офицеров Стародубцевых и проч. белогвардейской сволочи, в руках которой ты—вчерашний крестьянин, сегодняшний бандит—являешься жалким орудием. Опомнись! Вернись к своему крестьянскому труду, как вернулись уже десятки и сотни обманутых таких же как и ты крестьян. Они раскаялись, им прощено их прошлое и они свободно занимаются своим честным крестьянским трудом. Но если тебе не дорога жизнь и судьба своей семьи, если ты не считаешься с интересами трудового крестьянства Алтая, всего народа республики, если ты заядлый преступник и предатель, то оставайся в банде и продолжай творить свое гнусное, темное, кровавое дело, но знай, что пощады тебе не будет, как затравленному зверю, проклятому трудовым народом России.

Советская власть и честное крестьянство Горного Алтая найдет тебя, где бы ты ни скрывался. Но каяться тогда уже будет поздно.

Окончательный срок добровольной и безнаказанной явки находящихся в бандах, устанавливается 5-го января 1922 года.

Всем явившимся до истечения указанного срока будут сохранены жизнь и имущество, после чего будут приняты самые беспощадные меры к уничтожению всех находящихся в Горном Алтае бандитов, как неисправимых и злейших врагов Советской власти и трудового порядка, нарушающих спокойствие и безопасность мирного населения Горного Алтая.

Комвойск Горного Алтая *Гайлинг.*

Военный комиссар *Гвоздев.*

Пред. Горно-Алт. Уездного Исполкома *Корняков.*

Секретарь Укома РКП *Папардэ.*

Нач. Политбюро *Сысоев.*

(Документ относится к концу 1921 г.).

Приложение № 11.

ЦИРКУЛЯРНО.

Всем Волпарткомам, сельком'ячейкам и всем членам РКП Горно-Алтайского уезда.

Уважаемые товарищи! Советская власть, руководимая РКП, ценою кровопролитной гражданской войны с мировыми разбойниками-капиталистами, ценою невероятно тяжелых лишений и жертв отвоевала право на свободное, независимое существование. Победа в этой неравной схватке с вооруженными силами мировой буржуазии была обеспечена стойкостью

рабочих и крестьян, их единодушием, напряжением всех мускулов и сил нашей партии. Уничтожив Колчака, Деникина, Врангеля и других больших и малых героев реакции и контр-революции, одержав победу над внешними врагами, заставив их разочароваться в их надеждах на восстановление у нас старого помещичье-капиталистического строя и принудив буржуазные государства мириться с Совластью, как единственно-существующей властью в России—Советская Республика весною этого года бодро и смело приступила к хозяйственному строительству — к восстановлению промышленности и укреплению сельского хозяйства. С заграницей наши торговые отношения крепнут и упрачиваются. Уже на значительные суммы привозятся оттуда товары: продукты, паровозы, машины и сельско-хозяйственные орудия. Открывается эпоха мирного строительства, когда рабочий и крестьянин имеет возможность сосредоточить все усилия на восстановление и развитие народного хозяйства.

Только для Горного Алтая это время еще не наступило. Кому - то нужно мешать мирному труду, кому-то нужны кровь, разрухи, бедствия и страдания. Не рабочему, конечно, и не бедному крестьянину, также не честному гражданину и здравомыслящему человеку, ибо тот, у которого есть хоть капелька совести и чуточку ума понимает, что Советская власть—единственно истинно-народная власть; также всякий здравомыслящий человек понимает, что то что не удавалось большим китам реакции, опытным царским генералам, баронам и адмиралам, не удастся мелким их подражателям, бродящим по горам офицерским и кулацким бандам. Горный Алтай по своим природным условиям и благодаря отсталости и темноте инородческого и русского населения, является удобным убежищем для осколков разбитой контр-революции, колчаковских офицеров, дезертиров и других отбросов общества. Спекулируя на том, что Советская власть для восстановления общетрудового хозяйства на благо всех трудящихся требует от крестьян значительных жертв—выполнения продналога и иных повинностей—эти изменники и предатели обещают крестьянам освобождение от всех тягот. Они уверяют, будто наша страна может быть спасена и восстановлена без жертв и громадных усилий. Темный, невежественный крестьянин верит белогвардейскому офицеру, буржуа, спекулянту и идет портить телеграф, грабить многолавку, громить советские учреждения и разрушать последние остатки народного достояния. К ним примыкают бесчестные, корыстные, невежественные люди и примазавшиеся к разным советским учреждениям и даже затесавшиеся в нашу партию агенты белогвардейских групп. Лучшие, здравомыслящие и сознательные элементы деревни, местные органы власти—волисполкомы и сельсоветы, остаются пассивными и не принимают должных мер к ограждению населения от провокационной работы агентов белогвардейщины и к пресечению всякой поддержки бандитов со стороны кулацкого населения деревни.

Такое положение говорит о слабости нашего советского и партийного аппарата. Мы не сумели еще создать прочного и твердого положения в деревне. Кулацкие элементы свободно занимаются своими грязными, темными делишками, прикрывая и снабжая бандита своим шипением и подшептыванием и гнусной провокационной агитацией создавая неустойчивое настроение у крестьян, срывая советские начинания. Нужно твердо запомнить, что хотя военная ликвидация бандитизма и идет к концу, возможность мирного труда у нас в Горном Алтае будет обеспечена только при условии широкой политической ликвидации всякого поползновения к бандитизму. Непременным условием успешной борьбы с бандитизмом является:

1. Укрепление партийного и советского аппарата на местах.

2. Поднятие самого села против вооруженного кулачества и изолирование бандита от села.

3. Широкая полит-просветительная работа, выяснение крестьянам основ советской политики и ограждение их от провокационной работы белогвардейских агентов.

4. Организация крестьянской молодежи и втягивание ее в политико-просветительную работу.

Ставя, в целях окончательной ликвидации бандитизма означенные задачи во главу угла всей деятельности партийной организации на местах, Уком предлагает:

1) Ставить вопрос о борьбе с бандитизмом на заседаниях волисполкомов, и сельсоветов и добиваться твердого сознания, что исполкомы и сельсоветы, как местные советские органы власти, всецело ответственны за состояние своей волости, села; стремиться объединить вокруг местных органов советов всех сознательных и здравомыслящих граждан села.

2) Принимать активное участие в проведении в жизнь приказа Губисполкома об охране многолавок и циркуляра Уисполкома об участии местных органов власти в борьбе с бандитизмом.

3) Бороться и в корне пресекать всякую расхлябанность, нерешительность, нерадивое отношение к делу, грубость и все, что подрывает авторитет Советской власти и коммунистической партии.

4) Добиться наивысшей спайки и дисциплины в наших рядах, требуя от каждого отдельного члена партии отчеты о его работе и исполнении возложенных на него обязанностей, не допуская не малейших отклонений и упущений.

5) Стремиться заинтересовать и приблизить к себе инородческое население.

6) Возможно чаще в сельсовете, избе-читальне, на сборне, в нардоме, в школе, на каждом шагу проводить беседы, митинги, собрания, лекции на тему „Советская власть единственно-народная власть", „Продналог—голодающему крестьянину Поволжья и рабочему", „к чему ведет бандитизм", с цифрами в руке, фактами доказывая насколько бандитское движение разрушает мирную жизнь крестьян. Лозунг: только вооруженный кулак, обманутый белогвардейцами темный крестьянин, только банда мешает мирному труду на крестьянской земле. Бандитизм несет крестьянам разорение и смерть.

7) О всех появлениях открытого бандитизма, поддержке бандитов со стороны отдельных крестьян, контр-революционной агитации, слабости и нерадивости местных органов власти и отдельных должностных лиц, немедленно сообщить в Уком, Политбюро и в Отдел Управления по назначению.

Означенный циркуляр обсудить на заседаниях волпарткомов и сельячеек и об исполнении донести в Уком РКП.

Секретарь Укома РКП *Папардэ.*

(Документ относится к концу 1921 г.).

Приложение № 12.

К инородческому населению Горного Алтая.

Товарищи инородцы! С тех пор, как вы считаетесь подданными России, с вами ни одна власть не говорила так, как говорит Советская власть. Ни одна власть не считалась и не желает считаться ни с вашими нуждами, ни с вашими желаниями. Вы для старой царской власти были ни что иное, как бессловесная скотина, грязное животное, с которым любой царский чиновник, вплоть до урядника, мог поступать так, как ему вздумается.

Вспомните, как поступало с вами царское правительство! Не изгладился еще из памяти 1904 год, когда вы решили принять новую веру, неугодную царскому правительству. Как же с вами тогда поступил царский исправник? Вас объявили тогда бунтовщиками, противниками белого царя и натравили на вас русских крестьян, которые по своей несознательности исполняли приказания царских чиновников и разгоняли ваши собрания

Зачем нужно было царским чиновникам вмешиваться в то, что вы желаете молиться так, как вам нравится? Вот тут-то и есть глубокая тайна царского строя.

Царскому правительству—правительству богачей и помещиков нужны такие подданные, которые не только бы не жили свободно, но которые не смели бы даже свободно думать, свободно желать. Вся система царского строя сводилась к тому, чтобы как можно сильнее, крепче поработить трудящихся физически и духовно. Из их крови и пота они создавали себе рай на земле, а нам обещали рай на небе. Чтобы трудящиеся не имели возможности сбросить иго правительства помещиков и богачей, чтобы гнев народный не вылился на них, правительство капиталистов натравливало народ на народ, разжигая национальную вражду, дабы отвлечь справедливый народный гнев от себя. От этого происходили отвратительные и ужасные войны, от этого происходили различные мелкие и крупные национальные раздоры, которыми царское правительство пользовалось и руками одного народа подавлялся другой народ, который проявлял себя недовольным.

Когда русские рабочие и крестьяне в 1917 году подняли свое революционное знамя против царей, капиталистов и помещиков, последние ухватились за национальную вражду, которую они крепко насадили между народами, надеясь из гражданской войны опять создать национальную войну. Мы видим, как ловко подошли в 1918 г. царские агенты к алтайцам и начали их натравливать на русских, чтобы подавить революционный порыв крестьянства Алтая. Вы, обманутые этими подлыми агентами, начали притеснять русских крестьян Горного Алтая, думая, что во всех ваших несчастьях виноваты русские крестьяне. А на самом деле виноваты только те, кому власть трудящихся ненавистна, в руках какого бы народа она ни находилась, будь то русские, калмыки, монголы, китайцы или другие народы.

Но советская власть, руководимая партией коммунистов, как только взяла в свои руки бразды правления, сейчас же объявила всему народу, что все нации бывшей Российской империи могут свободно изъявить волю, как они желают жить и какой образ жизни желают устроить у себя. Этот справедливый закон сразу же стал проводиться в жизнь, давая всем малым народам право на самоопределение и самоуправление и много народов уже живут так, как им нравится.

Теперь настала очередь алтайцев, которым советская власть предоставляет право заявить о своем желании, изъявить свою волю, как пожелают они жить и какой образ жизни пожелают установить у себя. Сейчас для вас наступает великий исторический момент, к которому все должны серьезно приготовиться. Недалеко то время, когда советской властью будет созван съезд инородцев Горно-Алтайского, Бийского и Кузнецкого уездов, где вы должны будете заявить перед лицом трудящихся Советской России о своем желании как лучше устроить свою жизнь.

Должны ли вы сейчас бегать по Алтайским горам и сопкам, обманутые Кайгородовым и другими проходимцами из контр-революционного лагеря? Должны ли вы слушать их, когда они натравливают вас против советской власти и партии коммунистов-большевиков, которые несут вам освобождение от рабства и дают вам такое право, о котором вы при царской власти и мечтать не смели? Нет, товарищи-инородцы, вы сейчас должны, во что бы то ни стало перейти на мирное положение и при мирной обстановке обсудить вопрос о выделении Алтая в автономную область, поделиться своими мнениями и выбрать из своей среды тех, кто наиболее заслуживает вашего доверия, кто наиболее желает добра для трудового алтайского народа. Должны избрать самых честных людей, которые беспристрастны бы были во всех отношениях, для которых интересы трудящихся стояли бы выше всяких других интересов. Что достигнете вы, если будете слушать всяких проходимцев, которые вас всячески обманы-

вают и вербуют в ряды бандитов? Абсолютно ничего, кроме разорения края. Если вы будете слушать противников советской власти и поддерживать бандитов, то безусловно не сможете перейти на мирное положение, а следовательно предполагаемый съезд по выделению Алтая будет отложен на неопределенное время. Если вы будете поддерживать бандитов, если сами не заставите их сложить оружие, если вы сами не будете стремиться всеми силами перейти на мирное положение, то советская власть вынуждена будет держать здесь вооруженную силу и бороться с этим злом силой оружия. Но что из этого выйдет в дальнейшем? Во-первых, вам не представится возможным при военной обстановке спокойно обсудить такой серьезный вопрос, как выборы представителей на областной съезд инородцев. Следовательно, съезд будет откладываться до тех пор, пока не будет мирной обстановки. Во-вторых и хозяйства ваши разрушаются. Подумайте глубоко, основательно, к чему ведет вас бандитизм, какой путь вам указывает Кайгородов и вся эта белогвардейская свора.

Мы великолепно знаем, что вас контр-революционеры обманывают различными вздорными выдумками, как например, будто советская власть накануне падения, что в Центральной России уже не существует Советской власти, что против Советской власти идут три, четыре государства с Японией во главе и т. д. и т. п. Заслуживает ли такая ложь хоть малейшего внимания? Можно ли такому вздорному и наглому обману верить? Нет, товарищи. Если хотите знать истину, то знайте, что советская власть укрепилась как никогда. В центральной России уже давно перешли на мирное положение и приступили к мирному труду. А нападали на Советскую власть не три-четыре государства, а вся мировая контр-революция ополчилась и стремилась удушить рабоче-крестьянскую власть, помогая всем царским генералам, адмиралам, князьям, баронам и всей их подлой компании. Три года душили в кольце рабочих и крестьян центральной России, но доблестная Красная армия, созданная рабоче-крестьянской властью, руководимая партией коммунистов, сумела расправиться со всей белогвардейской мразью и заставила мировых хищников говорить с советской властью мирным языком. Доказательством всего сказанного может послужить то, что на-днях созывается международная конференция в Генуе (итальянский город), куда приглашаются от России представители советской власти, куда возможно поедет наш великий вождь тов. Ленин. Разве это не доказывает, что советская власть уже всеми признается?

Если мы дожили до Генуэзской международной конференции, где будут говорить о мире всего мира, где к голосу трудящихся советской России будут прислушиваться народы всего мира, то что же из себя представляет гнусная провокация шарлатана Кайгородова, который бессовестно вас обманывает разными небылицами, как например, будто бы за ним двигаются десятки тысяч хорошо вооруженных артиллерией и другими орудиями войск, обозы которых тянутся на 40 с лишним верст. Во вздорности этих выдумок вы сейчас сами убедились. Вместо десятков тысяч, оказывается всего каких-то ничтожных несколько десятков голых, босых и плохо вооруженных бандитов, которые при первом же напоре Красной армии разбежались опять по сопкам. Несчастные остатки банд Бакича на ваших глазах проходили по Чуйскому тракту, питаясь падалью и потеряв человеческий облик. Среди них находились сотни офицеров, полковников и генералов, этих бывших угнетателей при царизме и Колчаке. Если эти бывшие полковники и генералы с большим количеством войск убедились в своем бессилии и сдаются на великодушие советской власти, то что могут сделать какие-то авантюристы—Кайгородов, Тырышкин и другие, с ничтожной кучкой бандитов.

Товарищи инородцы и все честные граждане! Наш долг сказать вам истинное положение, указать вам правильный путь, объявить вам официально, что настала очередь улучшить положение алтайских народностей и восстановить их права, которые более ста шестидесяти лет попирались царями и их правительством.

Теперь за вами слово! Хотите получить право строить свою жизнь так, как лучше для вас—так долой бандитов! Все обманутые Кайгородовым и другими проходимцами из белогвардейского стана, возвращайтесь к мирным очагам!

Горно-Алтайский Уездный Исполнительный Комитет Советов Р. К. К. и К. Депутатов.

Горно-Алтайский Уездный Комитет РКП.

(Документ относится к началу 1922 г.).

Приложение № 13.

Председателю Революционного Комитета Ойротской Автономной Области.

Уважаемый товарищ! Революционеры Западной Монголии с нескрываемой радостью приветствуют в вашем лице вновь народившуюся Ойротскую Трудовую Автономию, вступающую в семью трудовых советских республик. Мы проникнуты глубокой уверенностью в то, что Ойротская трудовая Автономия выведет все племена, населяющие Голубой Алтай, на светлый путь духовного раскрепощения от вековой спячки, невежества и темноты с одной стороны и экономического расцвета от материальной нищеты и связанных с ней мучений и лишений, с другой стороны.

Уважаемый товарищ, мы просим вас передать трудящимся братьям Голубого Алтая о том, что теперь не стало той самодержавной России, которая каждый год систематически отправляла через Чуйский тракт в ваши скалистые горные дебри и нашу знойную степь своих искусственно взращенных пауков, т.-е. купцов, с тем, чтобы высасывать наши последние жизненные соки и нашу последнюю артерную кровь своей бесчеловечной эксплоатацией, циничным мародерством и подлостями. Не даром же отмечаются в наших народных былях мародерства этих в образе хищников, следующими кровавыми словами: „Весь бы Чуйский тракт серебром можно вымостить, да золотом, что загребли, захапали русские купцы у алтайцев и монгол. Весь бы тракт можно слезами залить алтайскими, да монгольскими, что сочились из узких глаз полудиких, с чистой душой кочевников, — такой большой обидой и горем наделил их алчный русский хищник".

И наконец, не стало той России, которая всячески старалась сделать нашу горемычную Монголию своей колонией, обреченной на вечную эксплоатацию; не стало той России, которая с нагайкой станового пристава или полицейского урядника в одной руке и с попом, крестом и иконой какой-нибудь божьей матери или какого-нибудь спасителя, в другой, выгоняла вас с самых плодороднейших мест в голые горные ущелья.

Вместо той проклятой самодержавной России, сейчас существует другая Россия—Россия с рабоче-крестьянской властью, которая не стремится к владычеству над другими народностями, а наоборот, во всякое время подает руку помощи всякому народу, борющемуся за свое освобождение и самостоятельность против угнетающих его хищников во имя братской связи всех трудящихся и в интересах наибольшей силы и сплоченности в борьбе с владыкой этих хищников, с капиталом.

Вместо кровавого российского самодержавного трона—трона залитого кровью десятков и сотен тысяч русских рабочих и крестьян, невероятнейшими усилиями и героизмом последних воздвигнута республика Советов, служащая маяком и путеводной звездой для всех угнетенных и порабощенных народностей в их борьбе против ужасов капитала, оказывающая посильную помощь всем малым народностям в их освободительной от сфер влияния империализма, борьбе. Одним из рельефнейших свидетельств ска-

занного, является наша Монголия, освободившаяся от трехвековой кровавой опеки китайских мандаринов и купцов, а в последнее время от кровавого разгула отщепенцев русской контр-революции Унгернов, Бакичей, Кайгородовых и др. прохвостов.

В заключение надеемся, что Голубой Алтай, удовлетворив свою мечту, т.-е. получив свою Автономию, раз навсегда положит предел всем белобандитским глумлениям и произволу, эксплоатировавшим национальное самолюбие Алтая.

Да здравствует автономный Алтай! Да здравствует свободная Монголия! Да здравствует рабоче-крестьянская Россия, источник революционной энергии и героизма!

С товарищеским приветом—Уполномоченный Центрального Комитета Монгольской Народно-Революционной партии в Западной Монголии и начальник политотдела Кобдосского военного округа — *С. Канов.*

Председатель Кобдосской организации МНРП *Арабдеев.*

Председатель Кобдосской организации МРСМ *Пундок.*

Приложение № 14.

Уполномоченному Центрального Комитета Монгольской народно-революционной партии в Западной Монголии и начальнику политотдела Кобдосского Военокруга, Председателю Кобдосской организации МНРП, Председателю Кобдосской организации МРСМ.

Уважаемые товарищи!

Революционный Комитет Ойротской автономной области и областной комитет Российской Коммунистической партии, заслушав письмо, присланное вами на имя председателя Ойротского Областного Ревкома, со своей стороны горячо приветствует в лице вашем революционеров Западной Монголии, защищающих трудовое население от произвола и насилия хищников капиталистов. Мы просим передать трудящимся братьям знойных степей Западной Монголии наш братский привет, а также просим передать, что Ойротский народ только сейчас, под флагом советской власти вздохнул свободной грудью. Только советская власть действительно освободила ойротский народ, как и все малые народы бывшей Российской империи от национального гнета. Только сейчас мы чувствуем себя равными членами трудовой семьи и полноправными гражданами великой республики Советов. Только сейчас на нас никто не смотрит свысока, как раньше смотрели царские чиновники и хищная буржуазия. Ойротский народ уже более не представляет из себя бессловесной скотины, которую били раньше безнаказанно и грабили без конца. С помощью революционного пролетариата России мы сбросили со своих плеч всех паразитов и грабителей, что целые века расхищали наше достояние и сосали нашу кровь.

Правильно отметили вы в своем письме, что весь бы Чуйский тракт можно было залить алтайскими и монгольскими слезами, что сочились из глаз трудящихся этих народов. Да, много пролито слез трудящимися Монголии и нашего Алтая от причиненного нам буржуазией горя. Кровью и слезами отмечены страницы истории владычества китайских мандаринов и русских царских чиновников над трудящимися Западной Монголии и нашего Алтая. Но мы больше не плачем, а лишь с ненавистью и презрением смотрим на капиталистический мир, окружающий нас. Плакать мы разучились, но зато научились верно разить врага.

И настанет время, когда мировой пролетариат восстанет против своих угнетателей. Мы готовы итти в самый жестокий и решительный бой против наших общих врагов—буржуазии всего мира. Рука наша не дрогнет, когда нужно будет разить врага трудящихся и освобождать весь мир от произвола, насилия и грабежа. Мы знаем, что трудящиеся всего мира с революционными рабочими и крестьянами Советской России. Мы знаем, что трудящиеся всего мира готовятся стать в наши революционные ряды. С революционными рабочими и крестьянами советской России пролетарский класс всего мира. Поэтому мы можем с уверенностью сказать, что дни владычества капитала сочтены.

Знамя всемирной революции уже реет над всем земным шаром. Флаг и герб всемирной Советской республики уже воздвигается трудящимися Европы и Азии. Мы уверены, что нам еще придется быть свидетелями того момента, когда трудящиеся всего мира окончательно освободятся от ига капитала.

Мы искренне радуемся, что трудящиеся братья Западной Монголии уже сделали первый шаг и освободились от китайских и русских хищников капиталистов, наводнявших знойные степи Западной Монголии с целью грабежа и насилия. Мы уверены, что в дальнейшем наши братья трудящиеся Монголии стойко будут защищать свои права от разных покушений, а эти покушения еще предвидятся со стороны кровожадных хищников капиталистических стран. Капиталисты Японии и других капиталистических стран еще с жадностью устремляются на лакомый кусок-на богатство трудового народа Западной Монголии, который безусловно сумеет дать надлежащий отпор этим хищникам. Верной гарантией для трудящихся всего мира является провозглашение социалистического советского строя и вхождение в союз социалистических советских республик, который создан волею трудящихся советских стран. Мы уверены, что наши братья из знойных степей Западной Монголии не замедлят сделать последний шаг и провозгласят в своей стране социалистический советский строй и войдут равноправными членами в Союз Советских Социалистических Республик.

Уважаемые товарищи, просим вас передать нашим братьям, трудящимся Западной Монголии о том, что территория Ойротской Автономной области окончательно очищена от контр-революционных белобандитских элементов и трудовому населению нашей области сейчас представляется возможность приступить к мирному труду и восстановлению разрушенного хозяйства. А хозяйство наше действительно разрушено. Враги Советской власти, видя, что им не сломить воли трудящихся, силой оружия и своими происками, с отвратительной наглостью и ненавистью к трудовому населению разрушали на своем пути все, что попадало им под руку и опустошили край наш грабежами, насилиями и поджогами. Все это нами пережито, враг окончательно побежден и мы надеемся, что при помощи трудящихся РСФСР и при дружественном сожительстве с нашими соседями трудящимися Западной Монголии, мы сумеем залечить жестокие раны, нанесенные нам врагами.

Да здравствуют трудящиеся Монголии! Да здравствует единение трудящихся всех стран! Да здравствует Союз Советских Социалистических Республик! Да зравствует 3-й Коммунистический Интернационал — штаб мировой революции!

Председатель Ойротского Областного Революционного Комитета *Иванов-Меджит.*

Члены: *Манеев-Иркит, Алагызов-Меркит.*

Секретарь Ойротского Областного Комитета Российской Коммунистической Партии (большевиков) *Гороненко.*

Приложение № 15.

Обращение I областного съезда Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов Ойротской автономной области к трудовому населению Ойротии.

Товарищи!

Заслушанный съездом Советов доклад по национальному вопросу ярко характеризовал грабительскую политику буржуазных, капиталистических правительств.

Представленные съезду Советов некоторые из многочисленных документальных данных подтверждают, что буржуазные правительства не в состоянии когда либо изменять национальную политику, согласиться когда-либо отказаться от грабежа, угнетения, порабощения сильнейшими капиталистическими странами слабых, беззащитных народов.

Ваши полномочные представители, сами испытавшие все прелести национального гнета от бывшего царского правительства, сейчас окончательно поняли—откуда происходило все зло, которое пришлось целые века переживать трудовому народу национальных меньшинств бывшей Российской империи.

Съезд также заслушал и вторую часть доклада, в которой были указаны те мероприятия, которые Советская власть, после Октябрьской революции, проводила и проводит в деле раскрепощения национальных меньшинств от национального гнета, в деле поднятия культурного уровня трудового населения малых народов, в деле укрепления экономического возрождения трудящихся национальных меньшинств.

Изданные советской властью законы, на основании которых все народы, населяющие советскую республику получили от советской власти автономные и независимые самоуправления и самоопределение, вполне гарантируют этим народам такие условия жизни, что забытое, уничтоженное, оскорбленное когда-то трудовое население малых национальностей не будет больше представлять из себя только предмет эксплоатации и бесчеловечного издевательства хищниками кровожадной буржуазии.

Российская коммунистическая партия большевиков строго охраняет интересы трудового населения национальных меньшинств. Об этом свидетельствуют те постановления Всероссийских съездов РКП, в которых человечество впервые услышало справедливый лозунг: „Свобода самоопределения и самоуправления малых народов“.

Буржуазия и ее правительства слышать не хотят этого справедливого лозунга. Для нее этот лозунг звучит смертельной угрозой, она не хочет лишиться источника обогащения, который представляет из себя порабощенный ею народ. Но Коммунистическая партия не отступит от намеченной цели до тех пор, пока человечество не увидит освобожденными от ига капитала все малые народы на всем земном шаре.

Только что закончившийся XII съезд Российской коммунистической партии еще раз твердо подтвердил, что национальному неравенству не должно быть места в республике трудящихся, что представленные законами советской власти права национальных меньшинств остаются незыблемыми.

Делегат XII-го Всероссийского съезда РКП от Ойротской автономной области, вернувшийся в момент нашего I-го Областного съезда советов, делая информационный доклад о XII сеъзде РКП, отметил, что съезд РКП беспощадно осудил всех тех, у кого зародилась нехорошая мысль отодвинуть на задний план значение национального вопроса. Съезд РКП в своей резолюции еще раз зафиксировал о необходимости закрепления права трудящихся национальных меньшинств законами, которые вполне гаран-

тировали бы незыблемость представленных прав малым национальностям и сурово карали бы всех нарушителей этих прав.

Съезд РКП беспощадно осудил, как великодержавный русский шовинизм (стремление господствовать над малыми народами), так и шовинизм местный, порождаемый уклонистами, переоценивающими национальные особенности.

Первый областной съезд Советов Ойротских народов своим постановлением положил конец национальной вражде, посеянной врагами трудового народа и объявил, что отныне Ойротская Автономная область больше не увидит не только плодов национальной розни, но и корни ее должны быть уничтожены без остатка.

Съезд советов призывает трудовое население Ойрота сплотиться вокруг своей рабоче-крестьянской власти и ее руководительницы РКП для укрепления позиций трудящихся, завоеванных Октябрьской революцией.

Долой национальную рознь!

Да здравствует братская солидарность трудящихся во всем мире!

Президиум съезда.

СОДЕРЖАНИЕ.

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

Приложение к вып. V Трудов Научно-Исследовательской Ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем: Л. П. Мамет.—„Ойротия. Очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае“.

1033

Цена 2 руб.

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ И КОЛОНИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Москва, Малый Путинковский, д. 2.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

I. Труды Научно-Исследовательской Ассоциации.

1. Выпуск I. **Галузо, П. Г.**—Туркестан—колония (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 г.). Стр. 162. Ц. 1 р. 90 к. (Распродано).
2. Выпуск II. **Кушнер, П. (Кнышев)**—Горная Киргизия (Социологическая разведка). Стр. 132, 21 иллюстрация и 1 карта. Ц. 1 р. 90 к. (Распродано).
3. Выпуск III. **Султанзаде, А.**—Экономическое развитие Персии и английский империализм. Стр. 138. Ц. 1 р. 50 к.
4. Выпуск IV. **Виткинд, Н. Я.**—Библиография по Средней Азии. (Указатель литературы по колониальной политике царизма в Ср. Азии). Под. ред. А. В. Шестакова. Стр. 166. Ц. 1 р. 95 к.

---

5. Библиография по Персии. Стр. 105. Ц. 1 р. 20 к.
6. **Чайкин, К.**—Краткий очерк новейшей персидской литературы. Стр. 157. Ц. 1 р. 20 к.
7. **Меерсон, О.**—Национально-окраинное движение в России в конце XIX в. и начале XX века. Стр. 46. Ц. 35 к.
8. **Поливанов Е. и Попов-Татива, Н.**—Пособие по китайской транскрипции. Стр. 91. Ц. 1 р. 30 к.

II. Учебно-методическая литература Ком. Ун-та Труд. Востока имени И. В. Сталина.

9. „Советский Восток",—Сборник програм по истории, экономике и партстроительству в национальных республиках и областях. Под редакцией: Л. П. Мамета и И. И. Полееса. Изд. 2-е исправленное и дополненное. Стр. 113. Ц. 60 к.
10. Сборник программ. Стр. 247. Ц. 1 р. 75 к. (Распродано).
11. Формы и методы руководства самостоятельной работой студентов. Стр. 46. Ц. 60 к.
12. **Рышковский, Б. И.**—Рабочая книга по тактическому циклу (составлена по программе УВУЗ'а для Комвузов). Под редакцией Воен. Руководителя КУТВ М. Куманина. Стр. 234. 118 чертежей. Ц. 2 р. 10 к. (Распродано).
13. **Орлов, А.**—Рабочая тетрадь по тактике. Стр. 54, 22 схемы. Ц. 65 к.
14. Записная книжка преподавателя на 1929/30 уч. год. Стр. 192. Ц. 85 к. (Распродано).
15. Самоучет сталинца на 1929/30 уч. год. Стр. 168. Ц. 95 к.
16. **И. Вульфиус, В. Карпюк, А. Пальмбах и М. Салль.**—Кр. грамматика русского яз. (в связи с орфоэпией, правописанием и стилистикой) для высшей школы с английским яз. преподавания. Под. редакц. Г. К. Данилова. Стр. VIII + 83. Ц. 1 р. 40 к.

Находятся в печати.

1. **Шийк, А. А.**—Расовая проблема и марксизм. Труды Н. И. А. Вып. VI.
2. **Шойжелов, С. А. (Нацов)**—Тувинская народная республика. Материалы и документы по истории национально-революционного движения тувинских скотоводов. Труды Н. И. А. Вып. VII.
3. **Вишневский В. А.** Феодализм в Крымском ханстве.

Готовятся к печати.

1. **Алкин, И. Г.**—Экономика Средней Азии, часть I.
2. **Рейснер, И.**—Очерк по истории Индии.